

633(2)

Г39

ГЕРОИ ХАЛХИН-ГОЛА

ГЕРОИ ХАЛХИН-ГОЛА

Издание 2-е, исправленное и дополненное

ПЕРМСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
1976

Книга «Герои Халхин-Гола» — второе, исправленное и дополненное, издание о боевых действиях воинов 82-й стрелковой дивизии, сформированной на Западном Урале в начале лета 1939 года.

Машиностроители Перми, лысьвенские и чусовские металлурги, колхозники Кунгурского, Оханского, Суксунского, Сивинского, Частинского и многих других районов Пермской области надели солдатские гимнастерки, и эшелоны повезли их на Дальний Восток. Воины-пермяки приняли участие в разгроме японских милитаристов, вторгшихся в районе реки Халхин-Гол на землю братской нам Монгольской Народной Республики.

О событиях тех дней и повествует книга «Герои Халхин-Гола». Очерки написаны на основе воспоминаний участников боев, архивных документов и потому представляют несомненный интерес для широкого круга читателей. Нынешняя молодежь найдет в книге правдивый рассказ о боевых делах старшего поколения советских людей, рассказ о мужестве и доблести, о верности военной присяге и интернациональному долгу.

Составитель **П. А. Неволин**,
подполковник в отставке

© Пермское книжное издательство — 1976

НАШИ ЗЕМЛЯКИ В БОЯХ НА ХАЛХИН-ГОЛЕ

1

Река Халхин-Гол... Небольшая, некогда безвестная, затерявшаяся в безбрежных монгольских степях, она явилась ареной событий, вошедших в историю. В мае 1939 года японские войска вторглись на территорию Монгольской Народной Республики, которую Советское правительство договором от 12 марта 1936 года обязалось защищать от нападений. Японцы пытались во что бы то ни стало овладеть территорией МНР восточнее реки Халхин-Гол. Этот район песчаных барханов, сопок и глубоких впадин нужен был им как плацдарм для дальнейшей агрессии против Монгольской Народной Республики и Советского Союза.

Вспоминая о халхин-гольских событиях в беседе с писателем К. Симоновым, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков сказал: «...японцам было важно тогда прощупать, в состоянии ли мы с ними воевать... В их далеко идущие планы входил захват восточной части Монголии и выход к Байкалу и Чите, к тоннелям, на перехват Сибирской магистрали»*.

В июле 1939 года японские империалисты бросили против советско-монгольских войск большое количество пехоты, конницы, артиллерии, танков и авиации. Это были лучшие части Квантунской армии, в большинстве своем имевшие опыт боевых действий против китайского народа. В начале военных сражений противник имел пре-

* «Литературная газета», 1974, 24 июля.

восходство в живой силе и в основных видах боевой техники. Но в августе положение изменилось: из Советского Союза в МНР подошло подкрепление.

Советские войска в содружестве с войсками Монгольской Народной Республики под командованием комкора, позднее Маршала Советского Союза, Г. К. Жукова окружили и полностью уничтожили захватчиков.

Международная обстановка тогда была чрезвычайно напряженной. Курс империалистических держав был рассчитан на создание единого фронта против Советского Союза, на вовлечение его в войну с агрессивными странами: на западе — с фашистской Германией и Италией, на востоке — с милитаристской Японией.

Коммунистическая партия и Советское правительство последовательно и настойчиво вели борьбу за сохранение мира, за коллективную безопасность. Но буржуазные западные круги вместо отпора поджигателям войны проводили политику невмешательства. Кульминационным пунктом этой политики было Мюнхенское соглашение Англии и Франции с фашистскими главарями Гитлером и Муссолини, подписанное в сентябре 1938 года, по которому Чехословакия была отдана на растерзание фашистской Германии. Ее принесли в жертву, пытаясь направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза.

Мюнхенское соглашение сказалось и на внешней политике Японии. Поощряемая западными странами, она расширила наступательные действия в Китае и продолжала провокации на границах Дальнего Востока. Одной из крупных провокаций было нападение на Советское Приморье в районе озера Хасан в 1938 году. Разгром японской военщины на Хасане был не только ее первым военным поражением, но и первым ударом по агрессивному блоку — оси Берлин — Рим — Токио. Эти бои показали всему миру силу, могущество Советского Союза.

Но японская военщина затеяла новую провокацию, на этот раз в районе реки Халхин-Гол, на территории Монгольской Народной Республики.

В чреватой опасностью, сложной международной обстановке, как подчеркивалось на проходившем в марте 1939 года XVIII съезде ВКП(б), нужно было принять неотложные меры по укреплению обороны страны. Такие меры партией и правительством были приняты. В част-

ности, и формирование 82-й стрелковой дивизии на Западном Урале было связано с осуществлением этих мер.

До начала развертывания 82-я стрелковая дивизия была так называемого территориального состава. Кадровый костяк дивизии был немногочисленным. Ежегодно (обычно летом) в нее призывались приписанные военно-обязанные рядового и командного состава для прохождения службы на время лагерных сборов. Такая территориальная система организации войск в стране установилась вскоре после окончания гражданской войны и просуществовала до конца тридцатых годов.

Обстановка потребовала, чтобы часть территориальных войск была превращена в кадровые. В Пермской области в июне 1939 года и была сформирована 82-я стрелковая дивизия. В ее состав входили три стрелковых полка — 601, 602 и 603-й, гаубичный и пушечный артиллерийские полки, отдельные разведывательный и саперный батальоны, батальон связи, медико-санитарный батальон и другие обслуживающие подразделения.

Формированием частей 82-й дивизии занимались областная партийная организация, органы местных Советов и райвоенкоматы. Вопросам мобилизации много внимания уделял кандидат в члены ЦК партии первый секретарь Пермского обкома ВКП(б) Николай Иванович Гусаров. Умелый организатор, обладающий огромной энергией, он пользовался большим авторитетом среди коммунистов и беспартийных.

В соответствии с мобилизационным планом по всем районам области четко была организована работа призывных сборных пунктов. За несколько дней до явки все военнообязанные, подлежащие призыву, были оповещены и в указанный срок явились к месту сбора. По Ординскому району, например, в назначенный срок из 815 призывников явились 812 человек*. Лишь трое по уважительным причинам прибыли с небольшим опозданием.

Партийные и советские организации на местах провели большую работу по разъяснению призывникам меж-

* ЦГАСА, ф. 34306, оп. 1, д. 10, л. 288.

дународного положения и задач по укреплению обороны страны, решений XVIII съезда партии. На призывных пунктах читали лекции и проводили беседы руководящие партийные и советские работники, кадровые командиры и армейские политработники.

В районах мобилизовали и транспортные средства для дивизии. Так, из Кунгурского района поступило автомашин грузовых — 19, тракторов гусеничных — 7, лошадей — 307, в том числе верховых — 92, артиллерийских — 101, обозных — 114*.

Мобилизация личного состава и транспортных средств вызвала дополнительные трудности в работе предприятий, особенно колхозов и совхозов, машинно-тракторных станций. Начиналась страдная пора, и нужно было вовремя завершить сенокос, уборку и заготовку зерновых. Трудно было. Но с этой задачей труженики полей области справились успешно.

Развертывание дивизии шло быстро. Командование частей четко произвело комплектование подразделений, политический отдел дивизии сразу же приступил к созданию партийных и комсомольских организаций. На учет было взято 916 членов и кандидатов в члены партии и 750 комсомольцев**. Партийная и комсомольская прослойка среди личного состава дивизии составляла почти 11 процентов. Каждый десятый — коммунист или комсомолец. Партийные и комсомольские организации были тем цементирующим ядром, которое сумело мобилизовать бойцов и командиров на выполнение боевых задач.

С началом боевых действий ряды партийных и комсомольских организаций пополнились. К 27 июля, например, было подано 144 заявления о вступлении в партию. Среди них заявление младшего лейтенанта Б. П. Ширинкина. Он писал: «Прошу принять меня в ряды ВКП(б). Я хочу быть членом партии Ленина и пойду в бой с его именем». Младший лейтенант в первых же боях оправдал оказанное ему доверие. Под огнем противника он с группой бойцов восстановил связь, за что получил благодарность командования. А вот заявление майора В. Д. Сапарова, командира артполка: «Прошу принять меня в ряды ВКП(б). Я клянусь до последней капли крови вести

* ЦГАСА, ф. 34306, оп. 1, д. 10, л. 364, 365—369.

** Там же, ф. 32113, оп. 1, д. 50, л. 1.

бой с японскими бандитами». Майор учил подчиненных умелым действиям в бою, воспитывал у них высокую сознательную дисциплину, верность воинскому долгу.

И вот что было характерно для всех товарищей, вступивших в те дни в партию: решимость боевыми делами подтвердить преданность Коммунистической партии, социалистической Родине, советскому народу *.

Наступила пора передислокации дивизии на Восток. Организация перевозки войск по железной дороге на дальнейшее расстояние — дело не из легких. В разработке всего комплекса вопросов, связанных с организацией переброски частей, начиная с формирования эшелонов, очередности их отправки, питания в пути, несения караульной службы, партийно-политического обеспечения марша, командованию дивизии большую помощь оказали Военный Совет, штаб и политуправление Уральского военного округа.

На начальников эшелонов, командный состав и политработников легла большая ответственность по обеспечению успешного передвижения войск. Политический отдел дивизии сосредоточил свое главное внимание на вопросах выполнения военной присяги, дисциплины марша, сохранения военной тайны. Массово-политическая работа проводилась по вагонам. Командиры и политработники в беседах разъясняли бойцам решения XVIII съезда партии, касавшиеся международного положения и укрепления обороны страны. Они организовали также изучение уставов и наставлений, в первую очередь боевого устава пехоты и тех его разделов, в которых говорилось о действиях в бою мелких подразделений и одиночного бойца. Было организовано изучение материальной части оружия. Одним словом, время максимально использовалось для подготовки личного состава к боевым действиям.

В пути следования стало известно сообщение ТАСС, переданное по радио. В нем говорилось о том, что иностранные газеты, начиная с 15 мая, основываясь на неверных сообщениях штаба японской Квантунской армии, расположенной в Маньчжурии, дают сведения о столкновениях между частями МНР и японо-маньчжурскими войсками. Причем японские газеты лживо утверждали, что

* ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 50. л. 80, 92.

эти столкновения вызваны якобы нарушением монгольскими войсками маньчжурской границы. В то же время эти газеты хвастливо кричали о «больших потерях, понесенных войсками и авиацией МНР».

Сообщение ТАСС, основанное на данных, полученных от штаба монголо-советских войск в МНР, разоблало вымыслы японцев. В действительности на границе с Маньчжурией в районе озера Буир-Нур произошли следующие события.

11 мая монгольские пограничные заставы в районе Номон-Хан-Бурд-Обо (юго-восточнее озера Буир-Нур в 16—20 километрах восточнее реки Халхин-Гол) подверглись неожиданному нападению сильного отряда японцев, перешедшего границу МНР. Так началась необъявленная война на Халхин-Голе, длившаяся четыре месяца.

Наши войска, находившиеся в МНР, по приказу Советского правительства, верные своим союзническим обязательствам, были введены в район конфликта.

Японское командование в конце мая сосредоточило на Халхин-Голе значительную группу войск с артиллерией, бронемашинами и авиацией. Противник, имея почти тройное превосходство, думал окружить и уничтожить советско-монгольские войска.

Но советские воины и монгольские цирики мужественно, упорно защищали занимаемые рубежи и, получив подкрепление, отбросили захватчиков за государственную границу МНР.

Командование Квантунской армии не смирилось с майским поражением и приняло решение подготовить новое, более крупное наступление. К концу июня японская группировка уже насчитывала около 40 тысяч солдат, более 300 орудий, около 150 танков, свыше 200 самолетов.

К этому времени советско-монгольские войска занимали на восточном берегу Халхин-Гола плацдарм шириной примерно в 20 километров и глубиной до 10 километров, а общая численность советско-монгольских войск, занимавших оборону, составляла 12 541 человек, имелось 139 пулеметов, 86 легких и тяжелых орудий, 23 противотанковых орудия, 186 танков, 266 бронемашин и 82 самолета*.

* Новиков М. Победа на Халхин-Голе. М., Политиздат, 1971, с. 50.

Противник превосходил наши войска по живой силе в три, по артиллерии в два с половиной, по противотанковым орудиям почти в шесть раз. Но уступал более чем в три раза по числу танков и бронемашин.

В конце июня особенно активно действовала японская авиация, и данные нашей разведки указывали, что японские милитаристы готовят новое, сильное наступление, но где будет направление их главного удара — было неизвестно.

Учитывая сложившуюся обстановку, комдив (через некоторое время командующий 1-й армейской группой) Г. К. Жуков приказал направить в район горы Баин-Цаган 11-ю танковую, 7-ю мотоброневую бригады и 24-й мотострелковый полк.

Из этого района советские войска могли быстро направиться на угрожаемый участок для отражения вражеского удара.

Сообщение об июньских провокациях японских милитаристов застало личный состав 82-й стрелковой дивизии в пути. По эшелонам на стоянках состоялись митинги. Гневными были речи выступающих воинов. Младший командир комсомолец Анфалов говорил, что границы Монгольской Народной Республики мы будем защищать, как свои собственные. Мы готовы проучить японских захватчиков. А младший командир комсомолец Бусырев заявил: «В ответ на гнусную вылазку японцев беру обязательство подготовить пулеметный расчет так, чтобы враги почувствовали всю силу и мощь нашего огня».

Воины дивизии выразили свою готовность грудью встать на защиту дружественной нам Монголии. В этом проявилось их понимание интернационального долга, готовность выполнить договорные обязательства СССР об оказании помощи братской стране в случае агрессии против нее.

Эшелоны один за другим подтягивались на станцию Борзя. Здесь в течение трех суток в частях проводили интенсивную работу по приведению в боевую готовность всего вооружения и снаряжения. Командиры и политработники в беседах разъясняли воинам значение Договора СССР и МНР о взаимопомощи, рассказывали о переданных по радио сообщениях ТАСС, в которых говорилось о продолжавшихся провокациях японской военщины в районе озера Буир-Нур и реки Халхин-Гол.

3 июля личный состав дивизии выступил в поход. Марш от станции Борзя до Халхин-Гола (в район горы Хамар-Даба) продолжался почти двадцать суток. Особенно трудной была первая половина пути. Бойцы шли в пешем строю, а имущество и снаряжение следовало на конных повозках. На многие километры по безводной степи растянулись колонны подразделений и обозы. Зной и жажда донимали людей, лошади выбивались из сил. Лишь после двухсуточного отдыха в Баян-Тумене, что расположен в 230 километрах от границы, стрелковые полки были посажены на автомашины. Но и на автотранспорте почти пятисоткилометровый марш занял около семи суток.

Стойко перенесли воины все тяготы походно-боевой обстановки. Они понимали, что впереди еще более тяжелое испытание — бои с коварным и сильным противником.

До того момента, когда 82-я дивизия прибыла в район боевых действий, произошло сражение советско-монгольских войск с противником за гору Баин-Цаган. Здесь сражались 149-й мотострелковый полк, 9-я мотоброневая бригада, 6-я и 8-я кавалерийские дивизии МНР. Имея значительное превосходство в силах, японское командование 2 июля бросило свои части в наступление. Врагу удалось захватить гору Баин-Цаган, расположенную на левом берегу Халхин-Гола и, продвигаясь к югу, создать угрозу окружения советско-монгольских войск на правом берегу реки. Но их замыслам не суждено было сбыться. На помощь обороняющимся войскам пришли танкисты 11-й танковой бригады (комбриг М. П. Яковлев), 24-й мотострелковый полк, 7-я мотоброневая бригада и бронедивизион МНР. Они с ходу атаковали противника. Их действия были настолько стремительными и неожиданными, что враг вынужден был сменить тактику и перейти к обороне. Но, охваченный советско-монгольскими войсками с трех сторон, он не мог удержаться на занятом рубеже. В середине дня 5 июля сопротивление врага было сломлено, и он в беспорядке, оставляя убитых, тяжело раненых, бросая технику, в панике устремился на правый берег реки Халхин-Гол. Переправа была взорвана самими же японцами, и теперь они бросались прямо в воду. Многие тут же тонули, а остальных косил ружейно-пулеметный и артиллерийский огонь наших войск.

Баин-цаганское сражение произвело в Японии удру-

чающее впечатление, но это не образумило японскую военщину.

Поощряемая империалистами США и Англии, она не отказалась от авантюры на Халхин-Голе. Наоборот, правящие круги Японии шли на расширение конфликта. Японское командование после июльских боев спешно стало подтягивать в этот район свежие силы, чтобы предпринять новое наступление и осуществить ранее неудавшийся замысел окружения и уничтожения советско-монгольских войск. К августу группировка противника насчитывала уже 75 тысяч человек.

В район боев подтягивались и советские войска. В том числе: 36-я мотострелковая, 57 и 82-я стрелковые дивизии, 7, 8 и 9-я мотоброневые, 6 и 11-я танковые, 212-я авиадесантная бригады.

В результате в пехоте советско-монгольские войска превзошли противника в полтора раза, в коннице превосходство было незначительным, по пулеметам — в 1,7 раза, по количеству орудий — почти в два раза, по танкам — в четыре раза, в самолетах, особенно в истребителях, преимущество было также на советско-монгольской стороне*.

Замысел советско-монгольского командования состоял в том, чтобы совершить прорыв вражеской обороны на флангах, взять врага в клещи, расчленив его и уничтожить по частям. С этой целью в 1-й армейской группе, осуществляющей операцию, были созданы на левом фланге — Северная, на правом — Южная, а в центре — Центральная группы войск. 82-я дивизия входила в состав Центральной группы. Слева ее соседом была 36-я мотострелковая дивизия, а справа — 57-я стрелковая дивизия Южной группы.

Перед воинами 82-й дивизии командование поставило задачу двумя полками прорвать вражескую оборону с фронта, окружить и уничтожить противника на сопке Песчаной и высоте Зеленой; в дальнейшем во взаимодействии с другими частями овладеть высотой Ремизова.

Перед генеральным наступлением наших войск командный и политический состав, партийные и комсомольские организации политотдела 82-й стрелковой дивизии под руководством Военного Совета 1-й армейской группы

* См.: Шишкин С. М. Халхин-Гол. М., Воениздат, 1954, с. 37.

во главе с комкором Г. К. Жуковым проделали огромную работу по сплочению коллектива дивизии, который с честью выполнил поставленные задачи во время августовского наступления 1939 года.

Советскому командованию удалось ввести врага в заблуждение. По радио открытым текстом передавали ложные сведения о строительстве оборонительных сооружений, заявки на интендантское и инженерное имущество. Много дней подряд вдоль линии фронта курсировали танки со снятыми глушителями, чтобы «приучить» японцев к шуму машин, как к обычному явлению. Мощная звукопередающая станция имитировала забивку свай, создавая у врага ложное представление о большом размахе оборонительных работ.

А тем временем войска готовились к решительным боям.

По приказу командования 1-й армейской группы 601-й стрелковый полк, усиленный одним батальоном 602-го полка, 18 августа был переброшен на северный фланг, в состав Северной группы. Уже вечером 19 августа полк с приданным ему батальоном танков и артиллерией занял исходное положение в пяти километрах северо-восточнее переправы через Халхин-Гол. Боевая задача полка состояла в том, чтобы окружить и уничтожить противника на высоте Палец (высота Фуи), в дальнейшем — наступать на северо-восточные скаты песков с отметкой 751*.

На рассвете 20 августа началось наступление советско-монгольских войск по всему фронту. Оно явилось полной неожиданностью для врага, который сам намеревался 24 августа предпринять наступление. Первыми удар нанесли летчики, затем на японцев был обрушен мощный артиллерийский огонь.

Первый день наступления для 601-го полка сложился не совсем удачно. Лобовые атаки высоты успеха не имели. 22 августа вечером после трехчасовой подготовки полк в четвертый раз перешел в атаку и первый его батальон овладел первой линией вражеских окопов. В этой атаке погиб командир полка майор И. А. Судак, был ранен комиссар полка старший политрук И. П. Злобин**.

* ЦГАСА, ф. 32130, оп. 1, д. 6, л. 4.

** Там же, л. 6.

23 августа полку во взаимодействии с 7-й мотоброневой и 212-й авиадесантной бригадами удалось окружить и разбить противника. Ликвидация остатков врага на высоте была поручена стрелковой роте, а остальные силы двинулись на пески Дальние. 27 августа полк вышел в район высоты Ремизова. Только за три дня боев с 25 по 27 августа воины полка уничтожили более восьми рот противника, гаубичную батарею, батарею 75-миллиметровых пушек, захватили четыре 152-миллиметровых тяжелых дальнобойных орудия, 40 лошадей, 27 автомашин и много других трофеев*.

К утру 31 августа полк во взаимодействии с другими частями окружил противника на высоте Ремизова. Ни мощные блиндажи, ни яростное сопротивление не спасли врагов: часть их была уничтожена, остальные взяты в плен.

Два других стрелковых полка дивизии — 602-й и 603-й — уже на третьи сутки после марша заняли оборону на правом берегу реки Халхин-Гол. Левый фланг 602-го полка примыкал к притоку Халхин-Гола — речке Хайластын-Гол. С этих позиций и предстояло обоим полкам перейти в наступление.

За время трехнедельных оборонительных боев личный состав дивизии приобрел некоторый опыт ведения боевых действий. В решающих боях перед дивизией была поставлена задача сковать противника с фронта, а затем овладеть укреплениями японцев на сопке Песчаной и высоте Зеленой.

Немало мужества и героизма проявили наши воины в боях с врагом. Вдохновителем их героических подвигов была Коммунистическая партия. Дивизионная партийная организация к началу боев насчитывала свыше 950 человек. Коммунисты воодушевляли воинов на боевые подвиги.

Командиры и политработники своей организаторской деятельностью, партийно-политическими мероприятиями и умелым руководством сыграли большую роль в успешных действиях дивизии. 601-й стрелковый полк под командованием майора И. А. Судака и 82-й гаубичный артиллерийский полк, возглавляемый В. Д. Сапаровым, были награждены орденами Красного Знамени.

* ЦГАСА, ф. 32130, оп. 1, д. 6, л. 6.

Партийная политико-воспитательная работа среди личного состава была хорошо поставлена и в других частях дивизии — 602-м стрелковом полку (комиссар Н. В. Беляевских), артиллерийском полку (секретарь партбюро А. Ф. Устинов), отдельном разведывательном батальоне (секретарь партбюро А. Т. Ермаков) и других *.

Особенно большое внимание уделялось разъяснению требований военной присяги. С этой целью проводили политинформации, митинги, собрания, беседы, читки книг и газет. Этому посвящались многие выступления дивизионной многотиражки «За Родину!», «боевые листки». В одной из бесед, посвященной выполнению воинского долга, боец-комсомолец Александр Козалупов заявил: «Я буду с честью выполнять принятую мною присягу». А кандидат в члены партии боец Иван Дружинин говорил: «Наши войска показали мощь Красной Армии в боях на горе Баин-Цаган. В предстоящих сражениях умножим силу наших ударов по врагу». Такое настроение было характерно для наших воинов.

Перед решающими боями стало известно о награждении орденом Ленина танковой бригады, которой командовал комбриг М. П. Яковлев. О героизме танкистов в сражении на горе Баин-Цаган воинам дивизии рассказывали командиры и политработники, агитаторы.

Находясь вдалеке от родных краев, воины поддерживали письменную связь с предприятиями и колхозами, где они работали до призыва в армию. Красноармеец саперного батальона А. В. Толстиков предложил написать коллективное письмо в Осинскую МТС. В этом письме давался наказ колхозникам хорошо выполнить уборочные работы. О своих делах бойцы писали так: «Мы счастливы, что нам партия и правительство доверили такое великое дело, как защита МНР и СССР». Красноармеец 5-й батареи гаубичного полка Н. П. Яневский писал в родной колхоз: «Я хорошо понимаю слова принятой присяги и требования Конституции. Буду до последней капли крови защищать границу МНР, как нашу советскую границу». Обращаясь к колхозникам, Яневский призывал: «Товарищи колхозники! Укрепляйте обороноспособность страны и поднимайте культурную, зажиточную жизнь колхоза» **.

* ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 71, л. 18, 20.

** Там же, д. 50, л. 135.

Большое воспитательное значение имели беседы с воинами о годовщине разгрома японцев у озера Хасан. «Ответим двойным хасановским ударом по врагу!» — этот лозунг получил широкое распространение в частях дивизии. Воины жили мыслью о разгроме противника на Халхин-Голе и стремились приумножить боевые традиции своих отцов, сражавшихся за честь и свободу Советской Родины на фронтах гражданской войны. Огромное политическое воздействие на них оказали громкие читки романа Николая Островского «Как закалялась сталь». Такие читки, например, в арtpолку проводил красноармеец Никифоров*. Образ Павки Корчагина, мужественного и бесстрашного бойца, сражавшегося за светлые идеалы нашей революции, звал воинов на подвиги.

Согревала и вдохновляла бойцов сыновняя любовь к ним советского и монгольского народов. Велика была радость личного состава, когда в части дивизии пришли подарки от трудящихся Улан-Батора и семей советских военнослужащих, проживавших в этом городе.

Красноармеец 4-й батареи гаубичного арtpолка Ф. Н. Казаков писал в «Боевом листке: «Я выражаю глубокую благодарность за подарок. В этот знаменательный для меня день даю обещание, что возложенные на меня задачи буду выполнять образцово. Если выпадет мне честь быть в бою, я самоотверженно буду биться с врагом, не щадя своей жизни, добиваясь полного разгрома презренных гадов». **

Слова с делами у воинов не расходились. В боях они проявляли поистине массовый героизм. Образцом для всех были коммунисты и комсомольцы. Вот несколько примеров.

На участке, в направлении сопки Песчаной и высоты Зеленой, занимаемом 602-м стрелковым полком при поддержке батареи 76-миллиметровых орудий, японские захватчики несколько раз пытались прорвать линию обороны и выйти к переправе. Они сосредоточили здесь немало минометов, пулеметов, использовали авиацию и артиллерию. Сотни бомб и снарядов враг обрушил на полковую батарею. Отражая яростные атаки противника,

* ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 50, л. 108.

** Там же.

батарея под командованием старшего лейтенанта А. И. Букирева и старшего по батарее младшего лейтенанта Н. Я. Пепеляева за сутки выпускала до четырехсот и более снарядов, уничтожая огневые позиции контратакующего врага. Многие бойцы и командиры батареи были выведены из строя — тяжело ранены А. И. Букирев и Н. Я. Пепеляев. Но враг не прошел.

По одной из батарей арtpолка враг открыл сильный огонь. Снаряды рвались на огневой позиции. Некоторые бойцы растерялись. Тогда политрук батареи В. И. Григорьев, командир огневого взвода Карусов и парторг батареи И. Е. Беляев стали у орудия и открыли ответный огонь по врагу. Их поступок увлек остальных артиллеристов. Метким огнем они подавили вражескую батарею *. За проявленную в боях храбрость коммунист Иван Ермалович Беляев награжден орденом Красного Знамени.

Активную поддержку в наступлении 601-го стрелкового полка оказали артиллеристы 1-й батареи гаубичного полка под командованием старшего лейтенанта коммуниста А. Н. Корсакова. Они тяжелыми гаубичными снарядами разрушали батареи, опорные пункты, скопившуюся пехоту и конницу врага. За умелое управление огнем А. Н. Корсаков награжден орденом Красной Звезды.

На многих участках боевых действий танкисты в тесном взаимодействии с пехотой и артиллерией открывали ураганный огонь по врагу, стремительно бросались в атаку и расстреливали его с близкой дистанции. В одном из боев в день генерального наступления был тяжело ранен командир танка Т-26 И. Г. Дружинин. За мужество в бою он награжден медалью «За отвагу».

Артиллеристы обеспечивали поддержку атак пехотинцев. Только 23 августа огнем арtpолка было уничтожено десять минометов, до двадцати пулеметов и четыре наблюдательных пункта противника. Отлично действовала в бою батарея, которой командовал М. Ахметзянов. Часто расчеты выходили на открытые позиции и расстреливали огневые точки противника прямой наводкой. За мужество и умелое управление огнем в бою командир батареи награжден орденом Красного Знамени **.

* ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 50, л. 98.

** Там же, л. 167.

Бои носили ожесточенный характер. Так, рота, командование которой в бою принял коммунист младший лейтенант Ф. А. Корнеев, шесть раз атаковала Песчаную, и лишь в седьмой атаке высота была взята. Федор Корнеев водрузил на высоте красный флаг. В боях за высоту Ремизова эта рота истребила более сотни вражеских солдат. Отважному младшему лейтенанту был тогда всего лишь двадцать один год. Грудь его украсил орден Красного Знамени*.

Во время штурма Песчаной отличился и рядовой Николай Павлович Игошев. В первой же атаке 20 августа выбыл из строя командир отделения. Игошев принял командование на себя. Взяв побольше гранат, он повел отделение на высоту. За ним последовал весь взвод. Игошев первым ворвался во вражеские окопы и закидал японцев гранатами. 23 августа получил ранение командир роты. Под сильным артогнем Игошев оттащил его в безопасное место. Высшей наградой — орденом Ленина — отблагодарила Родина за ратный подвиг коммуниста Николая Игошева**.

В боях воины всячески оберегали своих командиров, часто спасали им жизнь. Например, пулеметчик А. И. Килин под сильным артогнем вынес с поля боя раненого командира роты, а комсомолец Румянцев помог раненому командиру батальона капитану Рубинову. Комиссара полка И. П. Злобина спас от гибели комсомолец Серебров. Часты были случаи, когда рядовые бойцы брали на себя командование отделениями и взводами, если выбывал из строя командир. Тот же А. И. Килин в бою принял командование взводом и управлял им умело. За мужество и храбрость он награжден орденом Ленина***.

Был среди пулеметчиков красноармеец В. А. Пестренин. Родом он из села Черновского. Во время боя к нему подкрался японский офицер и саблей пытался нанести удар по голове. Пестренин успел в последний момент прикрыть голову левой рукой, и удар пришелся по кисти. Превозмогая адскую боль, он здоровой рукой сбил офицера с ног, выхватил у него саблю и заколол врага. После этого Пестренин еще нашел в себе силы, чтобы

* ЦГАСА, ф. 32218, оп. 1, д. 14, л. 10.

** Там же.

*** Там же, л. 13.

огнем прикрыть раненого командира роты Серина, которого товарищи выносили с поля боя*.

Кизеловский шахтер Григорий Наумович Вагин до призыва в армию работал на шахте имени Володарского. В армии стал артиллеристом, ему было присвоено звание младшего лейтенанта. В боях на Халхин-Голе он командовал огневым взводом, а затем взводом управления артиллерийской батареи 601-го стрелкового полка. Со своим передовым наблюдательным пунктом, с разведчиками и вычислителями он был все время в боевых порядках наступавших стрелковых подразделений. Под пулеметным и артиллерийско-минометным огнем противника вел себя смело, подавая пример подчиненным. Очень быстро и точно засекал цели, умело корректировал огонь батареи. В бою за одну из сопок он обнаружил вражеские миномет и батарею. Быстро передав целеуказание огневикам, младший лейтенант помог уничтожить вражеские огневые точки, а это позволило нашим пехотинцам успешно завершить атаку. За мужество и отвагу, проявленные в боях, Г. Н. Вагин удостоен ордена Красного Знамени**.

Подлинный героизм на поле боя проявили и санитары. Санинструктор одного из подразделений 602-го стрелкового полка Матвей Якимович Браславский под ураганным огнем оказывал помощь раненым, выносил их в безопасное место или отправлял на пункт медицинской помощи. Но вот Браславский увидел, что продвижению подразделения мешает проволочное заграждение. Он подполз к проволоке с ножницами и перерезал ее. Когда Матвей Якимович сам был ранен, товарищи по оружию вынесли его с поля боя. Его подвиг увенчан орденом Ленина***.

Во время боевых действий на Халхин-Голе в июле-августе саперы 82-й стрелковой дивизии играли значительную роль в организации инженерных сооружений — мосты, блиндажи, проволочные заграждения, минные поля. Они обеспечивали переправу частей и подразделений дивизии на восточный берег реки. Вторая саперная рота под командованием старшего лейтенанта С. И. Силина возвела переправу через реку Халхин-Гол и два моста через Хайластын-Гол. Саперам неоднократно приходилось отбивать атаки противника.

* ЦГАСА, ф. 32218, оп. 1, д. 14, л. 13.

** ЦГАСА, ф. 32130, оп. 1, д. 6, л. 37.

*** Там же, ф. 32113, оп. 1, д. 50, л. 164.

Ратные подвиги бойцов и командиров 82-й стрелковой дивизии по достоинству были отмечены партией и правительством. Наиболее отличившиеся в боях 601-й стрелковый и 82-й гаубичный артиллерийский полки были награждены орденами Красного Знамени*. Около полутора тысяч бойцов, командиров и политработников награждены орденами и медалями. Высшего отличия — звания Героя Советского Союза — удостоены майор Н. Н. Запужев и младший командир П. Е. Пономарев. Из числа награжденных 304 коммуниста и 209 комсомольцев**.

Многие участники боев были награждены орденами и медалями Монгольской Народной Республики. В 1959 году, когда отмечалось двадцатилетие победы на Халхин-Голе над японскими захватчиками, Указом Президиума Великого народного хурала МНР от 15 августа награждена большая группа советских воинов, в том числе и наши земляки. Орденом Красного Знамени МНР награжден Василий Афанасьевич Пестренин, орденом «Боевых заслуг» — сержант Дмитрий Егорович Мальцев, а также бывший начальник политотдела дивизии Н. И. Работкин.

Монгольский народ свято чтит память о героях Халхин-Гола. В районе сражений сооружен величественный монумент — памятник дружбы двух братских народов. На красном мраморе на монгольском и русском языках высечены слова:

«Вечная слава воинам-героям Советской Армии и мужественным цирикам Монгольской народно-революционной армии, павшим в боях с японскими захватчиками в районе реки Халхин-Гол за свободу и независимость миролюбивого монгольского народа, за мир и безопасность народов, против империалистических агрессоров».

Победа над японскими захватчиками вызвала восторженные отклики по всей нашей стране. Ликовала и братская Монголия. Чувства и мысли монгольского народа были выражены в приветствии Маршала МНР Чойбалсана бойцам, командирам и политработникам советских и монгольских войск. В нем говорилось:

«Поздравляю участников халхин-гольских боев с успехами, достигнутыми в решительном наступлении на япон-

* «Красная Звезда», 1939, 18 ноября.

** ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 71, л. 22.

цев. Желаю вам дальнейших побед в разгроме врага на нашей земле.

Бойцы РККА и бойцы Народно-революционной армии не зазнаются успехами и не успокаиваются на достигнутом. Они удесятят энергию для того, чтобы множить свои победы и быть готовыми к любым случайностям, помня, что враг коварен и способен на всякую подлость.

Да здравствуют советско-монгольские войска, героически отстаивающие неприкосновенность границ свободной МНР!»

Это приветствие прославленного героя Монгольской Народной Республики было встречено повсюду, в том числе и в частях нашей дивизии, с воодушевлением.

Вскоре после разгрома японских захватчиков в Москве проходила сессия Верховного Совета СССР. В адрес сессии личный состав 603-го стрелкового полка отправил телеграмму. Вот ее текст:

«Пусть знает каждый депутат, что попытка японской военщины не увенчалась успехом. Враг окружен и уничтожен. Советские патриоты... еще раз показали всему миру непобедимую мощь нашей социалистической Родины.

Пусть помнят враги нашей Родины, что нет такой силы в мире, которая могла бы задержать победоносное шествие коммунизма в нашей стране*.

Полетели весточки с фронта на фабрики, заводы, в колхозы и совхозы Прикамья. В них сообщалось об итогах боев, о готовности выполнить любой приказ Родины. Пулеметчики одного из полков писали в Пермь: «На нашу долю выпала великая честь оправдать доверие партии и правительства — уничтожить японских захватчиков на границах МНР. Мы с этой задачей справились»**.

Разгром японских войск в пограничном районе МНР был сокрушительным. Достаточно сказать, что противник потерял около 50 тысяч человек, из них 25 тысяч убитыми. Такого поражения японская армия еще не знала. Это были вынуждены признать правящие круги Японии в опубликованном заявлении военного министерства Японии. Японская газета «Асахи» писала: «Происшедшие события по размеру и серьезности настолько велики, что в один день всего не расскажешь. Степь оказалась усыпанной трупами наших храбрецов».

* ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 50, л. 211.

** Там же, л. 223.

Какие же выводы сделала японская военщина из поражения на Халхин-Голе? Может быть, японские генералы дали себе зарок никогда больше не вступать в военный конфликт с СССР или МНР?

Правящие круги Японии в годы второй мировой войны сосредоточили в оккупированных ими северных провинциях Китая миллионную Квантунскую армию, нацеленную на наш Дальний Восток. В 1945 году доблестные Советские Вооруженные Силы наголову разгромили и эту отборную армию, вынудив милитаристскую Японию к капитуляции. Эта победа имела огромное историческое значение для судеб национально-освободительного движения народов всей Азии.

Давняя дружба советского и монгольского народов, фундамент которой был заложен еще В. И. Лениным и Сухэ-Батором, в дни боев на Халхин-Голе зримо предстала всему миру как образец непоколебимого боевого единства двух братских народов.

За десятилетия, минувшие после памятных событий 1939 года, еще более окрепла дружба советского и монгольского народов. Ныне МНР состоит членом братской семьи народов социалистических стран. Нас связывают узы дружбы, закрепленные Договором о сотрудничестве и взаимопомощи. Этот Договор создает гарантию мирного развития страны, успешно строящей с помощью Советского Союза социализм.

3

Поздней осенью 1939 года с победой возвращались демобилизованные воины 82-й дивизии в свои родные края. Им на смену пришло молодое пополнение бойцов. Как боевую эстафету приняли они от участников боев наказ бдительно стоять на страже любимой Родины, на страже мирного труда монгольского народа.

Недолгой была передышка. Вскоре началась Великая Отечественная война с гитлеровскими захватчиками. Лютый враг подходил к сердцу нашего государства — к Москве. 82-я дивизия, став моторизованной, была переброшена на запад.

Вот что писала «Красная звезда» 18 марта 1942 года в связи с приказом Наркома Оборона СССР о преобра-

зовании дивизии в 3-ю гвардейскую мотострелковую дивизию:

«В суровые октябрьские дни прибыла на фронт 82-я мотострелковая дивизия. Она встала на защиту Москвы.

Бойцы, командиры и политработники дивизии впервые столкнулись с немецко-фашистскими войсками. Но у дивизии уже был боевой опыт по защите родной страны. В схватках с врагами нашей Родины дивизия завоевала немеркнущую славу, и два ее полка уже тогда были награждены орденом Красного Знамени. Много бойцов и командиров проявили мужество и храбрость, беззаветную преданность Родине, показали образцы героизма. Правительство наградило 1467 бойцов, командиров и политработников, отличившихся в боях, орденами и медалями Союза ССР.

Боевая слава дивизии была приумножена в боях с немецко-фашистскими захватчиками.

Дивизия вместе с другими частями получила приказ остановить наступление противника и нанести удар на дальних подступах к столице. Напряженные бои продолжались днем и ночью.

Первый удар фашистским войскам был нанесен у деревни Труфановка, где дивизия показала стремительность удара, мощь оружия, храбрость своих бойцов.

Враг яростно атаковал части дивизии. Неоднократно пытался он прорвать заслон, приблизиться к Москве. Но оборона крепла с каждым днем, и вот наступил долгожданный день, когда полки перешли в контратаку и нанесли сокрушительные удары по врагу. Только один полк в ожесточенных боях уничтожил 95 фашистских танков и истребил до полутора тысяч немецких солдат и офицеров.

Дивизия перешла в решительное наступление. Прорвав оборону врага, части ее с боями захватывали опорные пункты немцев и неустанно преследовали отходящего противника, ломая его сопротивление.

Дорохово, Можайск, Бородино, Семеновские Флешы — исторические места Отечественной войны 1812 года — вот район, освобожденный славной дивизией от захватчиков. Вслед за взятием Можайска дивизия в течение одного дня освободила от фашистов 77 населенных пунктов.

Артиллеристы дивизии сопровождали пехоту огнем

своих орудий, способствовали ее продвижению вперед, метко уничтожая огневые точки врага и его укрепления. Зенитчики дивизии за два месяца боев сбили 23 вражеских самолета. Разведчики и связисты, саперы и минометчики — все дрались мужественно и отважно, грудью защищая родную столицу.

В трудных боях ковалась слава дивизии, завоевавшей почетное звание гвардейской».

Высоко пронесла дивизия по фронтам Великой Отечественной войны овеянное славой боевое знамя, на алом бархатном полотнище которого изображение В. И. Ле-нина.

ШТУРМ ЗЕЛЕННОЙ И ПЕСЧАНОЙ

В жаркие июльские дни мы перешли на новые позиции. Японцы были оттеснены от реки и бежали в манханы (так называются песчаные осыпающиеся котлованы). На широком зеленом лугу повсюду валялись трупы японских солдат и офицеров.

При наблюдении с командного пункта полка за местностью нам казалось, что равнина до сопот может быть легко преодолена, а сопки не опасны и доступны. Только две высоты — в дальнейшем их назвали Зеленая и Песчаная — представлялись грозными препятствиями. На этих высотах расположились главные огневые позиции противника. У подступов к ним и развернулся в боевой порядок наш 603-й стрелковый полк.

Вместе с комиссаром Пильником я часами стоял на наблюдательном пункте, рассматривая местность в бинокль. Высокая трава и заросли камыша, раскинувшиеся впереди позиции полка, таили для нас опасность. Мне почему-то казалось, что именно здесь японцы готовят удар. Поделился своими мыслями с комиссаром.

— Конечно, — сказал он. — Вероятнее всего, что враг именно отсюда начнет атаку. Он, безусловно, подготовился к наступлению.

Разведка вскоре подтвердила наши предположения. Высокая трава, камыш, чахлые кусты ивняка, черемухи и крушины покрывали подступы к манханам. Каждый манхан представлял собой естественно замаскированное укрепление.

У противника было огромное преимущество перед нами. Все наши позиции легко просматривались, нас можно было обстрелять в любом направлении. Мы же ви-

дели перед собой только гряды сопок, на вершинах которых то там, то здесь вспыхивали дымки выстрелов.

Наш полк стоял в этом месте около месяца. Враги почти ежедневно пытались атаковать наши позиции, но всякий раз безуспешно. По ночам они бросали в атаку большие группы солдат. Подпустив врага поближе, мы забрасывали его гранатами и уничтожали штыковыми ударами.

Не предпринимая, по существу, наступления, мы с каждым днем все ближе подтягивались к высотам, выматывали силы противника. Легко можно было заметить, что вражеская пехота от неудачных попыток наступать устает. Атаки японцев становились менее решительными и менее упорными, реже раздавались их крики «банзай!». У нас же росла сплоченность подразделений, бойцы и командиры приобретали опыт, сноровку, фронтовую закалку. И что еще очень важно — крепла лютая ненависть к врагу, росло неудержимое стремление ринуться в бой и разгромить противника.

В течение десяти дней шли дожди. Они прекратились только 18 августа. Наши бойцы сидели в сырых окопах и блиндажах и с нетерпением ожидали генерального наступления. В беседах с командирами и политработниками они говорили:

— Наверно, недолго будем терпеть нахальство захватчиков. Как, товарищ командир, скоро?

— Вот когда придет приказ «Идите и громите!», кажется, сердце выскочит от радости...

В заявлениях красноармейцев и командиров, поданных перед боем в партийную организацию, с особой силой была выражена глубокая преданность Родине, партии.

«В эти боевые дни, накануне решительного сражения с врагом, прошу принять меня в Коммунистическую партию большевиков», — так заканчивались многие заявления...

Перед генеральным наступлением мы занимали оборону под самыми высотами Зеленой и Песчаной, у их подножия.

Как уже было сказано, противник находился на исключительно выгодном в тактическом отношении рубеже, господствовавшем над всеми нашими позициями. Но и это еще не все. Каждый подступ к высотам был у япон-

цев минирован и защищен огнем артиллерии и минометов.

По данным разведки, проведенной посредством боя, а также из скудных показаний пленных мы узнали, что враг сосредоточил на высотах огромные силы и огневые средства, превратив высоты в настоящий укрепленный район. Они соорудили целый ряд основательно укрепленных траншей, убежищ и укрытий, соединенных между собой ходами сообщения.

В сопках японцы вырыли узкие щели, каждая длиной до двенадцати и более метров. В длинных коридорах установили столбы толщиной в двадцать сантиметров. Стены коридоров обложили брусьями. Потолок в блиндажах сделали из накатника, устланного затем котельным железом и бетонными кирпичами. Сверху были уложены в шесть рядов мешки с песком, а затем — двухметровый слой земли. Каждое такое укрепление имело выходную дверь и было тщательно замаскировано. В одном узле сопротивления было по несколько таких убежищ. Перекрытия такого тяжелого типа свободно выдерживали огонь нашей артиллерии крупного калибра. Ко всему этому Зеленая и Песчаная были связаны между собой цепью песчаных манханов. К тылам шли глубокие окопы, и по ним проложена телефонная связь.

Словом, японцы устраивались надолго, уверенные в успехе затеянной ими авантюры. По всему было видно, что они готовились зимовать на монгольской земле, накапливали в интендантских складах запасы зимней одежды, отороченные волчьим мехом тулупы, жаровни с углем. Впоследствии все это снаряжение и припасы стали нашими трофеями.

Два укрепленных бастиона — Песчаная и Зеленая — стояли перед полком. Следовало решить задачу, как овладеть ими.

Очевидно было одно: взять одновременно обе высоты фронтальной атакой нельзя. Кроме потерь в личном составе, ничего не добьешься. Наш удар во фланг и в тыл неприятеля также должен встретить сильное сопротивление. Засевший в манханах противник будет обстреливать нас с выгодных позиций.

Детально изучив оборону врага, мы пришли к заключению, что необходимо прорываться между высотами и брать сначала сопку Зеленую. Захват ее даст нам воз-

можность выйти в тыл врага, к высоте Песчаной. Кроме того, ворвавшись внутрь оборонительной полосы, мы сможем расстроить всю систему обороны противника на участке к югу от речки Хайластын-Гол.

Приказ командования о наступлении все наши красноармейцы, командиры и политработники встретили с радостью. Проходя по окопам, я слышал голоса:

— Дождались, товарищ командир! Наконец-то...

В батальонах и ротах проходили собрания, митинги. Вечером политруки читали воинам листовки, рассказывавшие о боевых задачах.

19 августа... Кончается день. Солнце скрывается за холмами. Командиры батальонов, вызванные мною на один из рубежей (сопка с седловиной), явились минута в минуту, с военной аккуратностью. Я выбрал именно эту сопку, так как с ее вершины видны почти все участки, на которых мы решили развернуть полк для осуществления боевой задачи. Здесь можно было наглядно говорить о завтрашнем бое.

Приказ мой был краток. Я изложил замысел боя и особо подчеркнул, что полк действует на ответственном участке, что выполнение задачи связано с большими трудностями. А план был таков: для окружения высоты два батальона врываются в полосу обороны противника и рассекают ее, приняв на себя ответный удар с трех сторон...

Как командир полка я понимал, что для выполнения этой задачи потребуется огромная выдержка, упорство, умелая организация взаимодействия, четкое управление действиями рот, всеми огневыми средствами. И в отданном устном приказе все эти вопросы были в центре внимания.

По решительным, сосредоточенным лицам командиров понял, что мои товарищи готовы к выполнению любых заданий. Боевые задачи батальонов были определены так: первому стрелковому батальону (командир Матюшенко) со взводом танков (четыре машины), взводом полковой батареи и двумя взводами противотанковых орудий выйти с правого фланга в тыл противника на юго-восточном скате высоты Зеленой, прервать связь противника с песчаными манханами, откуда ведется огневое прикрытие Зеленой. Ворвавшись в полосу враже-

ской обороны, организовать тщательное прикрытие правого фланга своего батальона.

Третьему батальону (командир Коробков) с батареей противотанковых орудий, взводом полковой батареи, двумя минометами выйти на северо-западный скат высоты Зеленой. Задача — отрезать врага от высоты Песчаной. Одновременно огнем правофланговой роты сковать японцев на высоте Песчаной.

Второму батальону (командир Броновец) со взводом противотанковых орудий, взводом полковой батареи и четырьмя минометами сковать противника на высоте Зеленой. Батальон помогает первому и третьему батальонам выполнить боевые задачи по окружению высоты.

Изложив задачи каждого батальона, я указал, что завершив окружение, все батальоны по особому сигналу одновременно пойдут в атаку, чтобы полностью уничтожить противостоящего врага. При этом первый и второй батальоны выйдут к реке Хайластын-Гол и отрежут противника на высоте Песчаной, а третий батальон, окружив высоту с запада и северо-запада, будет добивать его штыком и гранатой. В заключение уточнил сигналы и еще ряд деталей предстоящего боя.

Командиры батальонов по очереди повторили полученную боевую задачу, добавляя, что приказ ясен и будет выполнен.

...Стояла темная ночь, степная, осенняя. Холодный ветер мел песок на барханах. Нужно было расходиться. Крепко пожав друг другу руки, командиры скрылись в темноте, направляясь в свои батальоны.

Ночь на нашем участке фронта прошла относительно спокойно. В батальонах шла кропотливая подготовка к завтрашней атаке. Японцы, привыкшие к тому, что мы «стоим в длительной обороне», не подозревали о наших планах и намерениях.

На рассвете, в точно установленный час, в воздух взвились условные ракеты. Одновременно на обеих высотах задрожала земля. Артиллеристы с ураганной силой начали огневую обработку вражеских позиций. Высоты впереди покрылись столбами дыма и песка. Наши батальоны под прикрытием артогня выдвинулись на исходные рубежи.

В это же время советские бомбардировщики начали сбрасывать бомбовый груз на головы японцев. На пози-

циях врага поднялись столбы черного дыма. Затем наши батареи по сигналу перенесли огонь в глубь оборонительной полосы противника.

Я с нетерпением смотрел на часы, ожидая решительной минуты. И вот она наступила. Батальоны пошли в наступление.

По всей линии в одну и ту же секунду пронеслось боевое: «Ура! За Родину!». Бойцы выбежали из окопов и кинулись вверх по склонам холма, укрываясь за каждым песчаным выступом.

Враги, не ожидавшие такого дружного натиска, сначала несколько растерялись. Но, придя в себя, они обрушили на нас огонь артиллерии и минометов. Винтовочный и пулеметный огонь слышен был непрерывно. Бойцы атаковали сопку. Короткими перебежками, припадая к земле, они упорно двигались вперед. Вот от наших исходных позиций отделились санитары: по-пластунски преодолевали простреливаемые участки, подхватывали раненых и уносили их в окопы.

Сильный огневой удар принял на себя батальон Броновца. В бой с этим батальоном были вовлечены основные силы японцев, занимавших высоту.

В это время батальоны Матюшенко и Коробкова, воспользовавшись замешательством противника, не разгадавшего нашей тактики, стремительным ударом, буквально на плечах сбитого боевого охранения врага ворвались на передний край японской обороны и продвинулись вглубь примерно на километр.

Всю ночь и весь день противник безуспешно пытался восстановить прежнее положение на участках прорыва, совершенного первым и третьим батальонами. Однако Матюшенко и Коробков прочно закрепились здесь. Одновременно второй батальон продолжал сковывать противника и отвлекать его внимание от флангов.

Затем новым броском первый и третий батальоны проникли еще дальше в глубину обороны противника. Они натолкнулись здесь на цепь укрепленных манханов, изрытых траншеями. Противник с двух сторон бил жестоким огнем. Все же благодаря помощи танков батальоны ворвались в оборонительную полосу без больших потерь.

Высота Зеленая... Название это явно не соответствовало теперь действительности. После того как наша ар-

тиллерия обработала эту высоту, она стала совсем пепельной.

Японцы попрятались в блиндажах и траншеях, не принимая штыкового боя. Из укрытий они отбивались огнем минометов, пулеметов и гранатами. У наших батальонов почти не было возможности вести артиллерийский и пулеметный огонь. Они находились в таком близком соприкосновении с противником, что нельзя было открыть огонь без риска поразить ворвавшиеся во вражеские траншеи свои подразделения.

Позади сопки бушевало пламя — огромное море огня, окруженное черным дымом. Там работали наши огнеметы. По ту сторону сопки стояли и наши танки. Их пушки били по склонам. А между танками двигалась пехота. Все выше и выше взбиралась она к котлованам, где скопились отступавшие вражеские войска.

Борьба носила решительный характер. Сближение с противником было так стремительно, что японцы, лишенные возможности перезарядить оружие, кидали в наших бойцов, как пики, винтовки штыками вперед, швыряли банки с горючим, а гранаты их нередко не успевали взорваться. Наши бойцы подхватывали их и кидали обратно в неприятельские траншеи, пускали в ход и свои гранаты, бились штыком и прикладом.

Как ни прятались вражеские солдаты в своих укрытиях, как ни огрызались они излюбленными своими минометами, высота Зеленая метр за метром переходила в наши руки.

24 августа, во второй половине дня, воспользовавшись ожесточенным боем внутри оборонительной полосы, наш второй батальон занял с фронта переднюю линию траншей и водрузил красный флаг на высоте Зеленой. Тотчас же из зеленых кустов, заслонявших розовые вечерние облака, вырвался шквал огня. Обозленные тем, что мы водрузили на высоте свой флаг, враги открыли огонь из всех оставшихся у них пулеметов, минометов, винтовок.

Однако вскоре и на соседнем склоне взвился красный флаг. Водрузил его первый батальон. Установил флаг и третий батальон.

В заключительные дни штурма появилось особенно много героев. Политрук Цуканов с бойцами ворвался под пулеметным огнем в траншею и забросал неприятеля

ля гранатами. Пулеметчики Чернов и Желтиков, окруженные противником со всех сторон, в упор расстреливали неприятеля. Политруки Есипов и Мартынов, увлекая за собой бойцов, захватывали траншею за траншеей. Рядовой Дьяков, находясь в оборонительной полосе врага, организовал засыпку блиндажей мешками с песком, запирая окопавшихся там японцев. Незаметные прежде бойцы показали чудеса отваги.

Утром 25 августа высота Зеленая была очищена от врага. Мы захватили здесь много имущества, массу штабных бумаг, карт с нанесенной обстановкой, важные оперативные документы.

Итак, наш полк с честью выполнил первую боевую задачу и уже в ночь на 26 августа приступил к выполнению последующей.

От сопки Песчаной нас отделяло теперь не более восьмисот метров — густой камыш, осыпи, мелкий кустарник. К ней можно было пробраться по узкой лошине — ползком и пригибаясь. Воспользовавшись темнотой, бойцы стали штыками и гранатами пробивать себе путь к высоте Песчаной. Окружение ее произошло по намеченному плану.

На рассвете с раскатистым «ура!» батальоны кинулись в новую атаку. Японцы сосредоточили все свои силы и предприняли контратаку. Наши пулеметчики рассеяли их. Остатки атакующих были встречены штыками.

Лишенные помощи и связи с тылом, японцы сопротивлялись еще упорнее, чем на Зеленой. Бой продолжался весь день. Но к вечеру 26 августа на Песчаной высоко и гордо развевались наши красные победные знамена.

На высотах Зеленой и Песчаной был уничтожен почти целый вражеский полк. Захвачены четыре штаба, тринадцать орудий, больше двух десятков пулеметов, девятнадцать гранатометов, тысячи снарядов, патронов и масса снаряжения. Мы захватили также оружейную мастерскую, санитарную часть и другие службы вражеского полка.

Все дни боев за сопки Зеленую и Песчаную я находился во втором батальоне. Отсюда удобнее всего было руководить полком. А в критические моменты на том или ином участке шел туда, где обстановка требовала моего вмешательства.

Теперь, вспоминая эти горячие дни и часы, я могу

с гордостью сказать, что бойцы и командиры нашего полка с честью выполнили боевую задачу. Неприятель был окружен точно по намеченному плану. Разбиты сильные, укрепленные бастионы врага на монгольской территории.

Отлично работал штаб, возглавляемый молодым энергичным капитаном Першиным. Прекрасно действовали связисты под руководством капитана Скрябина.

В этих завершающих боях, как в зеркале, отразилось беспримерное мужество и отвага нашей родной армии. Век буду помнить эти штурмовые дни! Никогда не забыть мне моих боевых товарищей!

Комкор Г. К. Жуков (справа),
Маршал МНР Х. Чойбалсан,
командарм 2-го ранга
Г. М. Штерн (фото 1939 года.
Взято из книги М. Новикова
«Победа на Халхин-Голе». М.,
1971 г.).

Группа ветеранов 82-й стрелковой дивизии (фото 1974 года). Слева направо: В. А. Петюнин, В. С. Тахтуев, А. Ф. Морозов, Н. И. Работкин, В. Н. Катаев, Н. Г. Коноплев, С. И. Силин, А. Н. Корсаков, Ф. Г. Бубнов, Н. Я. Пепеляев, П. А. Неволин.

Бойцам, командирам и политработникам
82-й дивизии — пламенным патриотам
социалистической Родины!

БОЕВЫЕ ТОВАРИЩИ!

...Части героической Рабоче-Крестьянской Красной Армии, совместно со славными частями армии Монгольской Народной Республики нанесли сокрушительный удар японской военщине в боях у горы Баин-Цаган и у реки Халхин-Гол. Сотни бойцов, командиров и политработников покрыли себя неувядаемой славой в борьбе. О таких отважных героях, как танкист Яковлев, связист Пономарев, артиллерист Ларкин, ст. лейтенант Серин и других, знают не только действующие части, но и весь наш Советский народ. На примере их действий воспитываются новые сотни славных героев патриотов социалистической Родины...

...Жгучая ненависть к провокаторам войны горит в сердцах советских патриотов. Всякому терпению есть конец!

Мы уверены в наших силах и оружии. Настал час беспощадной расправы с врагами.

За счастливую и радостную жизнь!

За героический советский народ!

Смерть провокаторам войны!

Боевой привет всему личному составу дивизии!

Командир дивизии

Комиссар дивизии

Начальник политотдела дивизии

Из обращения командования 82-й стрелковой дивизии к воинам перед генеральным наступлением

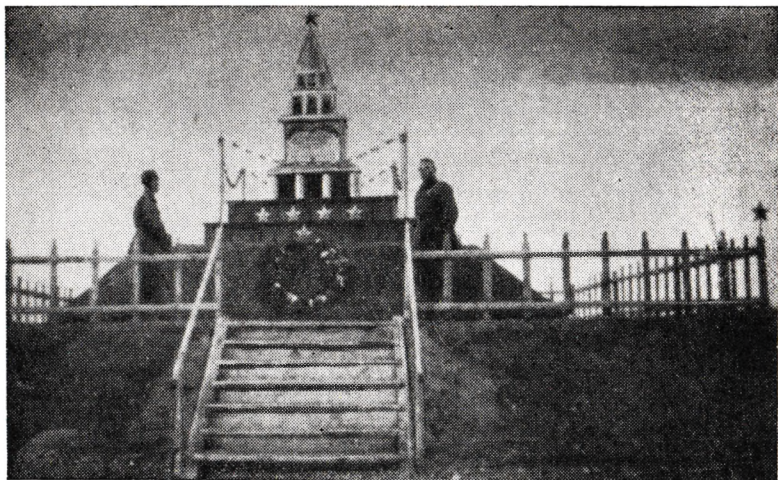
Участники боев на Халхин-Голе
в Кремле после вручения на-
град Председателем Прези-
диума Верховного Совета
СССР М. И. Калининым (фото
1940 года).

Заседание дивизионной партийной комиссии 82-й стрелковой дивизии (фото 1939 года).

Вручение комсомольских билетов в окопах в дни боев (фото 1939 года).

**Памятник на братской могиле
в районе боев на Халхин-Голе
(фото 1939 года).**

**На сопке Песчаной водружен
красный флаг (фото 1939 года).**

Герой Советского Союза
Н. Н. Зайюльев, командир
603-го полка 82-й стрелковой
дивизии, ныне генерал-майор
в отставке (фото 1939 года).

Герой Советского Союза
Н. Я. Пепеляев, командир огне-
вого взвода батареи 76-мм
орудий 602-го стрелкового пол-
ка, ныне подполковник в от-
ставке (фото 1940 года).

Герой Советского Союза
П. Е. Пономарев, командир
отделения 603-го полка 82-й
стрелковой дивизии (фото
1940 года).

Н. И. Работкин, начальник
политотдела 82-й стрелковой
дивизии, ныне подполковник в
отставке (фото 1940 года).

Участники боев на Халхин-Голе
орденоносцы А. Ф. Устинов и
П. А. Неволин делегаты
2-й Пермской областной пар-
тийной конференции ВКП(б) в
1940 году.

После боя. Цирики (бойцы)
Монгольской народно-револю-
ционной армии с работниками
редакции газеты «За Роди-
ну!»». Справа — редактор газе-
ты Б. С. Батавин, крайний
слева — печатник Б. Г. Люби-
мов (фото 1939 года).

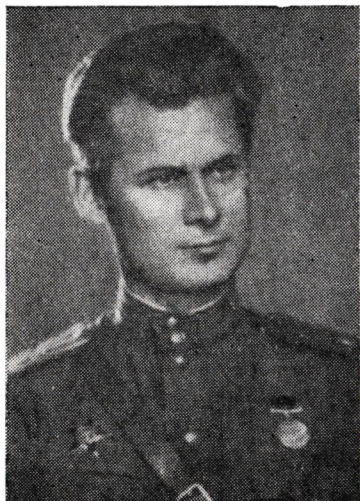

М. И. Медников, командир мотострелковой роты 82-й стрелковой дивизии (фото 1940 года).

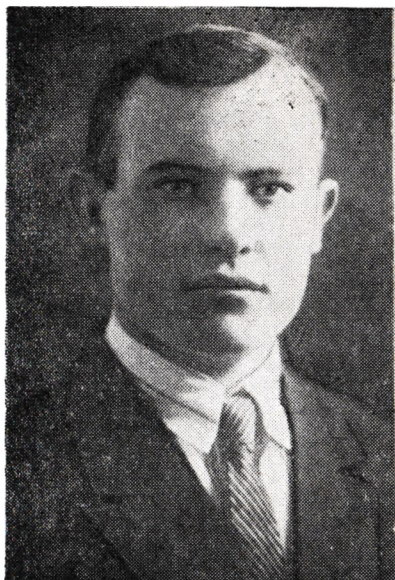
А. Т. Ермаков, секретарь партбюро отдельного батальона 82-й стрелковой дивизии (фото 1939 года).

В. П. Рюмин, начальник штаба отдельного медико-санитарного батальона 82-й стрелковой дивизии (фото 1940 года).

А. В. Торшилов, механик-водитель танка Т-26 отдельного батальона 82-й стрелковой дивизии (фото 1940 года).

А. В. Пысенко, политрук бронетанковой роты отдельного батальона 82-й стрелковой дивизии (фото 1938 года).

А. И. Букирев, командир батареи 76-мм орудий 602-го стрелкового полка (фото 1939 года).

Б. С. Батавин, редактор газеты «За Родину!» 82-й стрелковой дивизии (фото 1939 года).

Н. П. Власов, командир 3-й роты 601-го стрелкового полка (фото 1938 года).

И. Г. Дружинин, командир танка Т-26 отдельного батальона 82-й стрелковой дивизии (фото 1943 года).

А. И. Килин, пулеметчик 602-го стрелкового полка (фото 1942 года).

Я. И. Чепурных, политрук батареи 76-мм орудий 603-го стрелкового полка (фото 1946 года).

Г. И. Пепеляев, ответственный секретарь редакции газеты «За Родину!» 82-й стрелковой дивизии (фото 1947 года).

А. И. Кайгородов, литературный сотрудник газеты «За Родину!» 82-й стрелковой дивизии (фото 1939 года).

Ф. М. Некрасов, старший инструктор политотдела 82-й стрелковой дивизии (фото 1938 года).

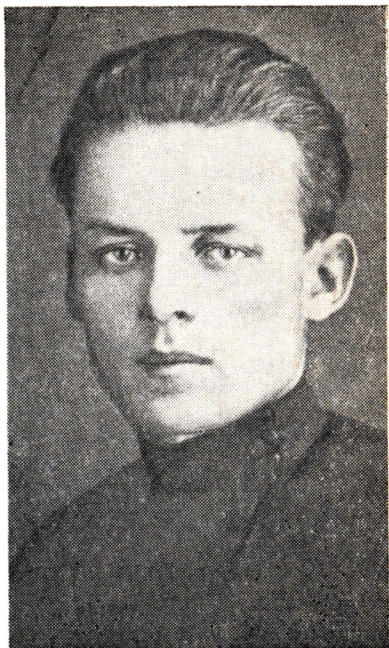
С. М. Ширинкин, комиссар отдельного батальона 82-й стрелковой дивизии (фото 1943 года).

Н. Ф. Ягодников, командир минометного взвода 602-го стрелкового полка (фото 1940 года).

А. Н. Корсаков, командир 1-й батареи 82-го артиллерийского полка, ныне подполковник в отставке (фото 1944 года).

С. Ф. Басманов, командир пулеметной роты 602-го стрелкового полка (фото 1935 года).

ВРАГ НЕ ПРОШЕЛ

Дневная томительная жара сменилась быстро подкравшимся прохладным вечером, а грохот артиллерийской канонады и гул самолетов — тревожной тишиной.

Наступила памятная для меня ночь с 12 на 13 июля 1939 года. Фронтная, темная-темная ночь, полная коварства и неожиданностей со стороны врага. Я только что обошел всех бойцов своего отделения, побеседовал с ними, как был вызван к командиру батальона.

— Товарищ Пономарев, — обратился он ко мне, — получите боевую задачу: возьмите с собой двух бойцов и идите в секрет в кусты, что находятся в направлении седловины между сопками Песчаной и Зеленой.

Командир батальона пояснил, с какой целью выставляется наш секрет. Повторив задачу, я отправился выполнять приказ.

Японские разведчики неоднократно пытались в этом месте проникнуть в расположение нашей обороны. Нужно было помешать им, если они и этой ночью предпримут разведку. С разрешения командира взвода я взял с собой двух бойцов отделения — Власова и Абросимова, и мы пошли в секрет. Двигались молча, пристально вглядываясь в темноту.

Вот и пологая сопка, а наискось от нее другая — выше, острым горбом врезается в небо. Между сопками — седловина, где и должен был залечь наш секрет.

Уже больше ста метров отделяет нас от правофланговой пулеметной роты, мы у начала лощины. Тихо. Лишь изредка глухо, откуда-то слева, доносились одиночные орудийные выстрелы да стремительно взлетали ракеты, озаряя расплывчатое очертание сопки.

Впереди, метрах в четырехстах, находились японские позиции. Еще раз оглянулись туда, где шла линия окопов нашего батальона, и стали спускаться в ложину. Но что это? Какой-то шорох послышался впереди из кустов.

«Японцы», — пронеслось в сознании.

Власову приказал подобраться к кустам и наблюдением установить, что явилось причиной донесшегося до нас шороха. Власов быстро вернулся.

— Впереди большая группа противника, — доложил он.

Действительно, когда я пристально взгляделся, то увидел, что прямо на нас двигалась темная, колеблющаяся масса.

«Надо предупредить штаб о приближении японцев», — сообразил я. Шепотом приказываю:

— Товарищ Власов! Немедленно — в штаб! Доложи о приближении японцев. Двигайся низменной стороной, скрытно.

— Есть! — ответил он и быстро скрылся из виду.

Только исчез в темноте Власов, как метрах в тридцати появились японцы.

— Ложись, — прошептал я Абросимову, падая на землю. И в тот же миг идущий впереди офицер выстрелом из револьвера убил Абросимова.

Почти одновременно раздался и мой выстрел. Японский офицер сделал два шага вперед и, взмахнув руками, повалился на землю. Секрет обнаружен, и мешкать было нельзя. Пока японцы еще в куче, я сделал несколько выстрелов. Мои пули сразили еще двух вражеских солдат. Остальные растерялись. Я не дал им опомниться и одну за другой бросил гранаты. В панике враги разбежались кто куда.

Воспользовавшись замешательством противника, решил сменить позицию. И только поднялся для перебежки, как снова упал под свист пуль. Я не заметил, как вторая группа японцев неожиданно подошла с фланга.

Положение осложнилось. К тому же я почувствовал резкую боль в ноге.

«Ранен! Но ничего, руки держат оружие», — успокаивал себя и, переползая с места на место, продолжал вести огонь по врагу.

Оправившись от первого удара, противник изменил тактику. Ползком с двух сторон враги приближались ко

мне. Вот с визгом, улюлюканьем, с криками «банзай!» кинулась на меня группа слева.

Впереди бежали трое. Уже слышно их учащенное дыхание. Я выстрелил, и один из них повалился на землю. Снова прицелился, нажал на спусковой крючок, но выстрела не последовало.

«Неужели набился в винтовку проклятый песок?» — догадался я, и холодная дрожь пробежала по моему телу.

А японцы уже передо мной! Но нет! Не сдамся! Я вскочил, даже не почувствовав боли в раненой ноге, и с силой вонзил штык в живот одному из нападавших. Он, как сноп, повалился на землю. Но тут подскочил другой сбоку. Развернувшись, сильным ударом приклада по переносице свалил и его.

После этого враги утихли, и я получил передышку, чтобы подготовиться к новой встрече. Быстро подполз к убитому Абросимову, взял его винтовку, патроны и две гранаты. Снова первая группа наступает, снова свист пуль и резкая боль в боку (я вторично ранен, и теперь в бок). Зажал рану рубашкой, затянул ее ремнем. Открыл огонь, а затем метнул гранату, вторую.

Японцы бросились вправо, но там их встретил огонь оборонявшегося батальона. Влево — такая же для них встреча. Потеряв, по-видимому, немало убитыми, они отошли.

Но мне не стало лучше. Я знал, что враг притаился, следит за мной. Решил вырыть себе хоть какой-нибудь окопчик. Рана в боку жжет, ногой пошевелить нельзя, но, собрав все силы, лежа, соорудил небольшое укрытие. Осмотрел винтовки. Обе забиты песком, стрелять из них нельзя. Пересилив боль, подполз к убитому японцу и взял у него винтовку, патроны, маузер.

Вскоре враги снова открыли огонь. Я отстреливался. Они молчат — и я молчу, зорко вглядываясь в темноту.

Ужасно томительно тянулась эта ночь. Но вот рассвело. Вижу: ползет ко мне один. Выстрелил. Видать, ранил. За ним — второй. Выстрелил по нему. Убит... больше они не пытались приближаться.

Чувствую, что голова кружится, темнеет в глазах. Это дает знать о себе большая потеря крови. Вдруг слышу сзади какие-то шорохи. Опять? Повернув отяжелевшую голову, увидел, что это наши бойцы-связисты. Проверяя

линию, они нашли меня почти без сознания. Когда товарищи понесли меня, маскируясь в кустарнике, я успел заметить, что на месте ночной схватки валялись трупы японских солдат, их каски, винтовки. Неподалеку с выброшенными вперед руками растянулся мертвый Абросимов. А сзади, уткнувшись лицом в траву, порыжевшую от крови, лежал человек в красноармейской форме.

«Власов!» — догадался я. Мне стало понятно, почему не пришла помощь...

Находясь на излечении в госпитале, я узнал, что правительство наградило меня орденом Ленина и Золотой Звездой Героя Советского Союза. Награды, да еще такой, я не ожидал. И вспомнилась мне прожитая жизнь: и доля бедняцкая, и служба рядовым милиционером, и схватка с врагами. Думал и о партии нашей — это она воспитала меня и подняла на подвиг.

ОГНЕННЫЙ АВГУСТ

Поезд пронзительно и протяжно загудел и стал замедлять ход. Все ближе подплывал перрон маленькой станции, загрохотали буфера, и эшелон остановился.

Борзя.

Здесь кончалась первая часть долгого пути по железной дороге через Свердловск, Красноярск, Читу и начиналась вторая — марш в район горы Хамар-Даба, почти восьмисоткилометровый переход пешком, на лошадях и машинах через монгольские степи к далекой реке Халхин-Гол. Там 11 мая 1939 года подверглись неожиданному нападению японо-маньчжурских войск монгольские пограничные заставы. Там предстояли бои 82-й стрелковой дивизии с японскими захватчиками.

Эшелон разгружали быстро. И так на дорогу было уже потрачено одиннадцать дней! Здесь, на станции, прибывающим частям предстояло привести в боевую готовность все вооружение и как можно быстрее двинуться к Халхин-Голу.

Солдат встретила необычайная жара. В выцветшем июльском небе повисло огромное жгучее солнце. В сухом воздухе веяло бескрайней степью, пыльными ветрами, песком и конским потом. Впереди лежала бесконечная равнина — желтая, выжженная знойным солнцем земля, высохшая без воды, усеянная редкими кустиками харгана, сопками, одинокими могильными курганами.

— Халхин-Гол, — повертел на языке незнакомое слово Николай Пепеляев. Там должен был принять боевое крещение и он, командир огневого взвода полковой батареи 76-миллиметровых орудий 602-го стрелкового полка.

Даже спустя тридцать шесть лет после тех далеких

боев Николай Яковлевич ясно вспоминает, как тяжел был трехнедельный марш через безводную пустыню. Узкие колеса орудий вязли в песке, лошади не хотели идти, от тысяч ног, лошадиных копыт и колес в горячий воздух поднимались клубы мелкой пыли. Пыль обжигала лицо, лезла в глаза. От пыли солнце краснело, оно горело над головами, словно раскаленный глаз азиатского божества. Ночи обрушивались темные, почти черные, за несколько шагов глаз уже ничего не различал, словно упирался в черную стену. Звезды над головой тлели пригоршнями тусклого песка. А утром вновь поднималось обжигающее солнце. Особенно тяжело было с водой. Норма на весь день — одна фляга. Сколько раз хотелось отвернуть горячее горлышко и выпить до дна эту теплую противную жидкость. И только огромным усилием воли Николай сдерживал себя и пил экономно, мелкими глотками, растягивая драгоценные капли.

Иногда к колонне из глубины степей вылетали редкие всадники — кочевники-араты, проскакав некоторое время невядалеке, они поворачивали выносливых низкорослых лошадок назад в степь и таяли на горизонте.

На привалах политруки рассказывали бойцам о Монголии, о вождях монгольского трудового народа Сухэ-Баторе и Чойбалсане, о вероломстве и жестокости японских захватчиков, о воинском долге перед братским народом.

В поселке Баян-Тумен 602-й стрелковый полк пересел на машины. Командование дивизии понимало, что обеспечить надежную связь с армией на таком огромном расстоянии лошади не в силах. Расстался со своим верным Ельцом и Николай Пепеляев. Чувствовалось, что не сегодня-завтра войска вступят в бой. Первыми признаками приближающегося фронта стали машины, везущие раненых, гул самолетов, пролетающих в небе, скопление боевой техники, танки, бронемшины. С каждым днем жара переносилась легче, глаза, привыкнув к ослепительному солнцу, жадно разглядывали неведомую землю: оказывается, она жила своей юркой и незаметной жизнью, выглядывали из норок суслики, мелькали степные антилопы, реяли в огромном небе орлы. Испытание жарой и жаждой было первым боем Николая Пепеляева и тысяч других советских бойцов.

26 июля наши истребители вдруг стремительно спи-

кировали вниз на идущую колонну и... открыли огонь. Уже потом Николай научился безошибочно различать легкий И-16 от поджарых и тяжеловесных японских самолетов. А первый раз ошибся, бросился на землю, стараясь втиснуться поглубже в песок. За первым налетом последовал второй, и вдруг где-то близко ударила артиллерия, засвистали снаряды, полк вышел к реке.

Вот она — Халхин-Гол! Первая и последняя река, которую увидел здесь младший лейтенант Пепеляев. Стремительная и мутная река, пронизанная клубами песка, так не похожая на его Чусовую, мутная, грязно-желтая, бегущая в пограничное озеро Буир-Нур. Тащит течение вниз трупы, туши убитых лошадей, лижут волны опрокинувшиеся машины. Нельзя пить из реки Халхин-Гол.

За рекой вытянулась цепочка сопок, господствующих над местностью. Две самые грозные из них называли Зеленая и Песчаная. У подступов к ним развернулся 602-й стрелковый полк.

Над мутным потоком навис шаткий мост. Здесь под шквальным артиллерийским огнем началась переправа. Качались и скрипели под машинами бревна, мелькала между ними желтая, как песок, вода. Глаза Николая застилал пот, а впереди — близкий берег, прыжок в воду — и вот уже твердая земля, голый и плоский скат сопки, где как на ладони видно японцам и бегущих солдат, и пушки, ползущие к старым траншеям, и машины на другом берегу. И вдруг дождь — он закапал с пустого неба, слабый, развеянный ветром, но все равно такой долгожданный и родной.

Позиция, где расположилась полковая батарея, находилась на склоне между Зеленой и Песчаной сопками. Впереди, на наблюдательном пункте, командир полковой батареи старший лейтенант Александр Ильич Букирев корректировал огонь. Обязанности старшего по батарее нес Николай Пепеляев. Это он направлял артиллерийский обстрел в заданном командиром направлении. В первый же день, отражая яростные атаки противника, батарея выпустила почти пятьсот снарядов. А затем навалилась черная тревожная ночь, когда можно было перевести дыхание, лечь и закрыть глаза. Легко вставляли перед глазами знакомые картины: родной дом, мать и отец, оставшиеся далеко на Урале, поле за околицей и озеро, полное тихой пресной воды.

...Еще в марте 1935 года ушел Николай на учебный пункт в Косогорский сельсовет перед призывом в армию и, выделившись среди сверстников недюжинной силой и природной смекалкой, вместе со своим товарищем Сашей Подвинцевым получил направление в школу младших командиров артиллеристов, в Пермь. Побыл три дня дома, попрощался с отцом Яковом Павловичем, с матерью Анной Яковлевной и уехал. В городе был первый раз, хоть и мала тогда была Пермь, но было чему удивляться деревенскому пареньку.

Школу закончил с отличием и в конце 1936 года получил звание командира орудия. Одну из самых современных пушек того времени — 76-миллиметровую дивизионную образца 1930 года — Николай знал назубок. В 1938 году окончил курсы младших лейтенантов и стал кадровым военным, нашел на ворот гимнастерки первый кубарь. В том же году он стал кандидатом в члены партии. В июне 1939 года 602-й полк был поднят по боевой тревоге, погружен в эшелон и отправлен на восток. В пути Николая и его товарищей настигла телеграмма ТАСС о провокации японской военщины, стало ясно, что путь дивизии лежит на Халхин-Гол...

Быстро занимался рассвет над сопками. Стремительно отступала ночь. Проступал на фоне голубого неба силуэт горы Хамар-Даба.

Позиции, занятые японцами, позволяли держать господство над местностью. Сопки были превращены в настоящий укрепленный район с траншеями, убежищами и укрытиями, с узкими ходами сообщения. Зеленая и Песчаная были связаны между собой цепью песчаных манханов, между ними шли глубокие окопы и была проложена телефонная связь: Пока на Халхин-Гол не подтянулись все наши войска, у японцев было преимущество в артиллерии и самолетах. На полковую батарею, вросшую в землю на скате холма, обрушился ураганный огонь, снаряды и бомбы.

Первое время, услышав свист снаряда, Николай падал на землю, но потом понял: тот, который свистит, тебе не страшен, он уже пролетел над головой, страшен тот, которого не услышишь... Трудно писать о войне, трудно представить, как пикируют японские бомбардировщики, как взлетает в небо разодранная земля, как валится на землю подкошенный солдат... Огонь полковой батареи

обеспечил надежное прикрытие нашей пехоте, позволил не только удержать захваченные рубежи, но и шаг за шагом продвигаться все ближе и ближе к зловещим сопкам.

Николай Пепеляев не боялся смерти, каждый день, каждый час он, прижимая к уху трубку полевого телефона, вслушивался в далекий голос комбата, в голос, заглушаемый взрывами снарядов, и, прищурившись от пыли, задыхаясь от жары, с красными воспаленными глазами хрипло и страшно кричал:

— НЗО-один, четыре снаряда! К бою! Беглым огнем!

— Огонь!!!

И в небо ввинчивались снаряды, и над сопками взлетали клубы дыма, веера взорванной земли.

— Огонь!!!

И уже летят над гребнем вырванные из земли доски перекрытия, несутся сорвавшиеся с перевязи лошади. «Так им, так!»

— Огонь!

16 августа заместитель командира взвода Запольский, оторвавшись от телефона, крикнул Пепеляеву:

— НЗО-один, четыре снаряда, к бою!

Николай прыгнул на дно траншеи и вдруг ничего не услышал, а только почувствовал, как что-то тупое и горячее ударило его в бок, в грудь, в ногу, прошило огненной молнией.

«Только бы устоять на ногах», — подумал он, чувствуя, как падает на землю, лицом вниз... В тишине процарапался чей-то сдавленный крик:

— Запольский убит! Пепеляева убило!

— Нет, врешь, я еще поживу, — скрипнув зубами, пробормотал Николай и потерял сознание.

Через четыре дня, 20 августа, в то самое время, когда Пепеляев бредил на нарах в прифронтовом госпитале, на рассвете в прозрачный степной воздух взвились условные ракеты, и по всему фронту началось долгожданное генеральное наступление. 24 августа после тяжелых боев над сопкой Зеленой всколыхнулось Красное знамя, а через день красный флаг был водружен и над Песчаной.

Николай Пепеляев не видел ни этого флага, ни того, как, выкатив пушки на открытую местность, била его батарея по японским танкам прямой наводкой: его не

было в атаке, но он сделал все для победы на правом берегу желтой, как песок, реки Халхин-Гол.

А потом была Великая Отечественная война. Бои под Москвой, на Западном и 1-м Украинском фронтах, взятие Берлина и Праги. 9 мая 1945 года кончилась война для Николая Яковлевича Пепеляева, командира батареи 57-миллиметровых пушек 2-го батальона 17-й гвардейской механизированной бригады 6-го гвардейского корпуса 4-й гвардейской танковой армии.

...Возвращался домой солдат, шагал по мирной земле, по проселочной дороге, вьющейся через августовские поля, высоко-высоко в небе стоял и звенел жаворонок, от знакомых запахов травы и земли кружило голову. А вот за поворотом и родное Карасье. Правда, не было уже в живых ни отца, ни матери, погиб на фронте брат, и на встречу Николаю выбежала только одна сестра Мария, смотрела огромными счастливыми глазами, молчала. Многих нет в живых, зато есть великая Победа, одна на всех...

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА В БОЕВОЙ ОБСТАНОВКЕ

С прибытием 82-й стрелковой дивизии в район Халхин-Гола требовалось провести значительную перестройку партийно-политической работы применительно к новым условиям боевой обстановки, готовить бойцов и командиров к решающим боям, вселить в них уверенность в победе над врагом. Такова была основная задача Военного Совета и политотдела армии.

Готовясь к решающим боям, политотдел дивизии разработал план партийно-политического обеспечения боевых приказов командования, подготовки бойцов и командиров к разгрому врага. Для выполнения этой задачи требовалось от всех коммунистов, политработников и командиров усилить активность непосредственно в подразделениях — ротах, батареях, взводах и отделениях, а также в тыловых органах, от которых зависело своевременное материально-техническое обеспечение боя.

Наряду с организационными мероприятиями в плане работы политотдела большое внимание уделялось пропагандистской работе.

В период подготовки к боям было проведено немало бесед с бойцами о целях и задачах советских войск, находящихся на территории дружественной нам Монгольской Народной Республики, о воспитании любви к своей Родине и ненависти к врагу, строжайшем соблюдении военной тайны, выполнении боевого приказа — священном долге советского воина. О героизме, отваге и мужестве наших воинов, зверствах врагов в отношении пленных бойцов, командиров и политработников было

широко известно в подразделениях. Бойцам постоянно говорили также о взаимной выручке в бою.

В работе с командным и политическим составом, политотдел ставил своей целью добиться, чтобы они овладели искусством ведения наступательного боя, чтобы каждый командир и политработник в период наступления и успешного продвижения вперед ясно понимал свою роль в бою.

Многие вопросы для командного и политического состава — особенности ведения боя в барханах, сопках, боевые действия ночью, управление штурмом опорных пунктов в условиях равнинной и песчаной местности — требовали большого напряжения и усилий в выполнении боевого приказа по разгрому врага.

Большое значение в воспитании бойцов имели рассказы о героизме и мужестве бойцов и командиров дивизии. Всколыхнул всех подвиг связиста коммуниста П. Е. Пономарева, в ночь с 12 на 13 июля 1939 года вступившего в схватку с группой японцев, пытавшихся пробраться в тыл нашей дивизии. Дважды раненный, он не дал врагам прорваться, уничтожил их. За доблесть и отвагу П. Е. Пономареву было присвоено звание Героя Советского Союза.

А в начале августа лейтенант П. Ф. Болдырев с группой разведчиков проник в глубь расположения противника. Напали на японский штаб в блиндаже — забросали его гранатами, и, применив штыковой удар против сопротивлявшихся японцев, разведчики захватили ценные штабные документы и пулемет.

Инструкторы политотдела В. Д. Высотин, Ф. М. Некрасов, секретарь партийной комиссии И. В. Горшков, помощник начальника политотдела по комсомолу М. П. Сухановский, военкомы полков Н. В. Беляевский, Н. А. Пономарев, секретари партбюро гаубичного полка — М. С. Гусаров, артиллерийского — А. Ф. Устинов, разведбатальона — А. Т. Ермаков, бывая в своих подразделениях, помогали командирам овладеть всеми формами воспитательной работы. Показательной в этом отношении была работа командира 603-го стрелкового полка Героя Советского Союза майора Н. Н. Заиюльева (ныне генерал-майор в отставке) и комиссара полка старшего политрука Н. Л. Пильника (погиб в бою). Главное их требование заключалось в том, чтобы командиры и политра-

ботники батальонов и рот, подчиненные им командиры лично вели воспитательную работу со своими бойцами. Они определяли задачи политрукам, секретарям партийных и комсомольских организаций, умело использовали свое влияние на бойцов и командиров полка.

В подготовке личного состава дивизии к наступлению огромную роль сыграли памятки в помощь агитатору, «боевые листки», «молнии». Особенно большую работу провела дивизионная газета «За Родину!», редактором которой был Б. С. Батавин. Газета неустанно популяризировала подвиги пехотинцев, разведчиков, артиллеристов, связистов и других героев. Она разъясняла боевые задачи, обобщала боевой опыт, помогала воспитывать бойцов на традициях Красной Армии, в духе дружбы, преданности своей Родине.

В период подготовки к наступлению и проведению отдельных боевых действий значительно увеличился прием в партию и комсомол лучших бойцов и командиров дивизии. В партийные и комсомольские организации поступали десятки заявлений от них.

Так, за период пребывания дивизии в обороне, августовских боев и после боев по 5 декабря 1939 года было принято в члены — 52 человека и кандидаты ВКП(б) — 161 человек*.

Подчас парторганизации не всегда могли справиться с разбором заявлений: были трудности с рекомендациями, созывом собраний, отсутствием фотографий.

Несмотря на трудности проведения партийных собраний в боевой обстановке, партийные бюро полков и отдельных батальонов подготавливали их с особой тщательностью. Основными вопросами были авангардная роль коммунистов в бою, маскировка, взаимная выручка, политико-воспитательная работа в роте и во взводе, прием в партию. Обычно на собрании разбирали один-два вопроса. Это делалось для того, чтобы не затягивать собрание на продолжительное время.

В боевой обстановке не представлялось возможным проводить общие собрания первичной партийной организации. Вместо них приходилось проводить делегатские собрания — один-два делегата от трех — пяти членов партии. А когда обстановка не позволяла провести выборы

* ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 71, л. 104.

делегатов, тогда их назначали комиссары и ответственные секретари партийного бюро из числа партийного актива. Делегатские собрания проходили ночью, в темноте, чтобы не привлекать внимания противника.

На одном из таких собраний 82-го артиллерийского полка накануне генерального наступления комиссар полка Н. А. Пономарев подвел итоги прошедшего боя и определил конкретные задачи по разгрому врага. Затем выступали многие коммунисты, в том числе кандидат в члены ВКП(б) наводчик 6-й батареи А. А. Поморцев. Он сказал: «Беру на себя обязательство быстро и точно установить прицел для прямой наводки, чтобы из орудия наверняка расстреливать врага». Свое обязательство он выполнил, за что был награжден орденом Красного Знамени *.

В 602-м стрелковом полку на заседании партийного бюро с участием партийного актива был заслушан доклад командира полка капитана М. Ф. Ишейкина о готовности подразделений полка к выполнению приказа о наступлении и задачах коммунистов по обеспечению выполнения боевого задания. Сразу же после заседания члены партбюро и партийный актив разошлись по ротам на передовые позиции. Там, собрав коммунистов, рассказали им о решениях собрания, а те в свою очередь доводили задачи до каждого бойца **.

Большое место в работе партийных организаций дивизии было уделено выполнению партийных поручений — помощь комсомольским организациям, проверка работы пищевых блоков, проведение бесед с бойцами на переднем крае.

Партийные организации дивизии мобилизовывали личный состав на выполнение задач по разгрому японских милитаристов, оказывали на него свое воздействие в бою, были надежной опорой командиров и политработников в выполнении боевых приказов.

Большая работа, проведенная политотделом и партийными организациями в подготовительный период в войсках, во многом способствовала успешному осуществлению наступления советско-монгольских войск и быстрой ликвидации японских захватчиков у Халхин-Гола.

* ЦГАСА, ф. 32113, оп. 1, д. 71, л. 9; д. 50, л. 201.

** Там же, л. 18.

Накануне наступления инструкторы политотдела, военкомы полков и отдельных батальонов, работники редакции газеты «За Родину!» уже знали, что 20 августа по всему фронту армии, в том числе и на участке 82-й дивизии, войска перейдут в наступление. Все разошлись по войсковым частям и подразделениям для проведения митингов и бесед по разъяснению приказа о наступлении.

День решительного наступления был самым трудным и ответственным периодом в работе политотдела. Нужно было каждую минуту знать о положении на фронте полков и батальонов, установить имена отличившихся в боях, выяснить настроение бойцов, командиров и военкомов, проинформировать всех бойцов своего участка о первых успехах и о действиях дивизии.

В период наступления политотдел тесно был связан со всеми частями и подразделениями, военкомиами и секретарями партийных организаций.

Наша 82-я дивизия во взаимодействии с другими соединениями первой армейской группы в упорных боях освобождала сопку за сопкой, с каждым днем сжимала кольцо окружения противника. К утру 31 августа 1939 года был уничтожен последний очаг сопротивления.

Рука об руку с советскими воинами сражались цырики Монгольской народно-революционной армии. Наша совместная победа способствовала укреплению независимости Монгольской Народной Республики. Подлинной славой покрыли себя бойцы, командиры и политработники — участники боев на Халхин-Голе. Среди них и воины 82-й стрелковой дивизии.

Много лет прошло с тех пор. В памяти еще живы образы бойцов, командиров и политработников, которые своим самоотверженным трудом и кровью добывали победу на полях сражений с коварным врагом. Многие из них отдали жизнь в боях, немало и таких, кто из-за ранений потерял здоровье. Они не щадили себя во имя защиты своей Родины и братского нам народа Монгольской Народной Республики.

В БОЮ ПРОВЕРЕННЫЕ

СЕКРЕТАРЬ ПАРТБЮРО

Отдельный разведывательный батальон в составе 82-й стрелковой дивизии, выполняя приказ командования, совершал марш в район реки Халхин-Гол. Там, на восточной границе Монгольской Народной Республики, советские и монгольские части вот уже несколько недель вели бои с превосходящими силами японских войск, коварно вторгшихся на территорию МНР со стороны Маньчжурии.

Наш батальон спешит. Мы пока не слышим разрывов снарядов, нам пока еще ничто не говорит о войне. Форсированным маршем преодолеваем тяжелый многокилометровый путь по знойным пустынным степям Монголии.

Вот проезжаем мимо высокого холма. Он одиноко стоит среди бескрайней степи. Может, это могильный курган? Может быть, на этом месте некогда стоял, оглядывая необозримые пески и солончаки, воин Чингисхана? Ведь именно здесь семь веков тому назад существовало государство Чингисхана, и, как память былого, на карте обозначен так называемый вал Чингисхана...

Перед глазами — желтая, выжженная знойным солнцем земля с редкими, чахлыми кустиками харгана. Вероятно, такой она была и семьсот лет назад. Но в наш, в двадцатый век, здесь свершились большие перемены: под воздействием Октябрьской революции в России на древней земле возникло государство нового типа, и монгольский народ с братской помощью Советского Союза строит свою новую, счастливую жизнь. Мы, советские

воины, шли на помощь народу Монголии в свалившейся на него беде — отразить нашествие японских захватчиков.

Короткая стоянка в городе Баин-Тумен (ныне Чойбалсан). Секретарь партбюро батальона Андрей Тимофеевич Ермаков подсел в одну из машин к бойцам мотострелковой роты. Завязалась беседа. Отвечая на многочисленные вопросы, секретарь партбюро рассказал воинам о братской стране.

— Вскоре после Октябрьской социалистической революции вожди трудового монгольского народа Сухэ-Батор и Чойбалсан создали революционную партию аратов. Они установили связь с Советской Россией, заручились поддержкой русского народа, — рассказывал секретарь партбюро.

Слушая рассказ Ермакова, бойцы узнали, как в Монголию вторглись белогвардейские банды барона Унгерна, выполнявшего волю японских империалистов, как в 1921 году на помощь монгольской революции пришла Красная Армия, которая вместе с монгольскими революционными войсками разгромила белогвардейцев, как летом того же 1921 года было торжественно провозглашено образование Монгольской Народной Республики — государства трудовых аратов, как накануне четвертой годовщины Великого Октября монгольская делегация во главе с Сухэ-Батором была принята В. И. Лениным. Ведь именно в этой беседе Владимир Ильич нарисовал перспективу развития отсталой страны, минуя капиталистическую стадию, по пути к социализму.

— Мы с вами, подобно тому как это сделали красноармейцы восемнадцать лет назад, идем на помощь братьям-монголам. Верные обязательствам, взятым по Договору о взаимопомощи, мы до конца выполним свой долг, будем защищать от посягательств границы Монгольской Республики, как свои собственные, — заявил под общее одобрение секретарь партбюро.

Андрей Ермаков... Смотришь на него и думаешь, как все ладно получается у этого коренастого тридцатилетнего человека, как он умеет доходчиво разъяснить бойцам самую суть ленинской политики нашей партии, с какой любовью и уважением относится он к людям, как внимательно прислушивается к мнению других, не пренебрегает дружеским советом. Недаром его любили все, кто знал.

...А под колеса машины стелется припудренная мелкой пылью все та же бескрайняя степь. Далеко-далеко у горизонта она сливается с синевой небосвода. Тихо, пусто кругом.

Бойцов мучит жажда, палящий зной. Но они стойко переносят тяготы этого марша. Еще около четырехсот километров пути — и к исходу июльского дня батальон прибыл в назначенный район у подножия горы со странным названием Хамар-Даба. Здесь было стойбище кочевников-аратов. Они только что покинули его. Мы увидели удаляющийся караван арб, навьюченных верблюдов и стадо скота. Всадники на низкорослых резвых лошадках погоняли караван.

Расположились у подножия Хамар-Дабы. Должно быть, где-то недалеко отроги Большого Хинганского хребта. А километрах в пяти — река Халхин-Гол, берущая начало в этих горах.

По западному берегу Халхин-Гола — передовые позиции. Там наши бойцы и монгольские цирики ведут бои с японцами. Слышна оружейная канонада. Да, это уже фронт. Наступила ночь. Она здесь подкрадывается внезапно, без привычных нам сумерек. Первая ночь вблизи фронта...

Личный состав построился. Будет митинг. Лица бойцов и командиров строгие, сосредоточенные. На душе тревожно: что-то принесет завтрашний день?

Командир батальона капитан Корнев и комиссар старший политрук Красных коротко разъяснили сущность боевой задачи батальона. Особенно запомнились слова секретаря партбюро Андрея Ермакова.

— Монголия — братская страна, — говорил он. — Власть в ней принадлежит народу, свободному от гнета феодалов. Благодаря бескорыстной помощи Советского Союза экономика страны быстро растет. Строятся фабрики, комбинаты, создаются коллективные хозяйства аратов. Некогда темный и забитый, народ учится грамоте, поднимает свою культуру. И вот теперь японские милитаристы хотят отнять у монголов счастливую жизнь, ввергнуть их снова в нищету, превратить в своих безответных данников. Мы пришли сюда, чтобы помешать врагам осуществить свои коварные замыслы. Я верю, что коммунисты, комсомольцы, все беспартийные бойцы выполнят свой долг перед народом Монголии, перед своей Роди-

ной, пославшей нас защищать братскую страну. Смерть захватчикам!

На этот призыв бойцы ответили дружными возгласами, аплодисментами.

Вперед вышел командир отделения коммунист Сергей Свищев. Речь его была немногословна. В наступившей тишине он сказал:

— От имени бойцов и младшего командного состава я заверяю, что мы не посраим славы советского оружия. Мы умножим боевые победы наших отцов. Среди нас не будет малодушных и трусов. Били захватчиков на Хасане, будут биты они и на Халхин-Голе!

Неожиданно начал моросить дождичек. Мы даже обрадовались этому: все же не так томит духота после знойного дня. Под покровом темноты батальон двинулся к восточным скатам высоты и к рассвету сосредоточился в указанном месте, вплотную подойдя к реке Халхин-Гол.

Реку мы увидели утром, когда вместе с командиром батальона, замаскировавшись, изучили местность, на которой нам предстояло вступить в бой. Река, прижимаясь левым берегом к высоте, быстро несла свои воды в приграничное озеро Буир-Нур.

За рекой с километр в ширину раскинулась прибрежная полоса, богатая растительностью. Много небольших озерец, поросших мелким кустарником. А за всем этим — полупустынная степь до самой границы, отстоящей на этом участке километрах в двадцати от реки. На полпути до границы возвышается цепочка сопок, господствующих над местностью. На них-то и закрепились японцы.

Наступил день — наш первый день боев с японскими милитаристами. На всю жизнь запомнились мне слова секретаря партбюро, которые он сказал нам, командирам, перед боем:

— На святое дело вы идете. Будьте смелыми, мужественными, а вместе с тем помните, что вам вручена судьба красноармейцев. Умело руководите их действиями в бою.

Таким был наш отсекр — так в то время сокращенно именовали руководителей парторганизаций воинских частей. Он просто и толково мог объяснить существо событий, всегда был среди красноармейцев, умел зажечь их

словом. Люди тянулись к нему: в каждом он видел не только бойца, но и человека, со своим характером, со своими мыслями и думами.

Это благодаря влиянию нашего отсека в ряды ленинской партии во время боев вступило одиннадцать воинов и среди них Георгий Гитин, Николай Филиппов, Федор Баленко и другие. Это он, Андрей Тимофеевич Ермаков, был нашим духовным наставником. И все мы были бесконечно рады тому, что за проявленное мужество в боях на Халхин-Голе А. Т. Ермаков был награжден медалью «За отвагу». Немалой наградой ему были большая любовь и доверие всех бойцов и командиров разведбата.

ПАМЯТИ ДРУГА

Это было осенью 1924 года. Среди студентов Пермского педагогического техникума на политпросветотделении появился новый студент — белокурый, голубоглазый, чуть сутуловатый.

Все в нем: и чистый звонкий голос, и черты лица, и общительность, и готовность помочь товарищам — располагало к себе, вызывало доверие. И на первом же комсомольском собрании Сергей Басманов был избран членом бюро.

Совместная учеба, потом работа в одном районном селе, служба в армии в роте одноклассников крепко сдружили нас, и очень больно, что эта дружба так внезапно оборвалась: Сергей погиб в боях на Халхин-Голе.

Нет, не оборвалась. Он жив в сердце моем и других его друзей. Он как человек, достойный подражания, стоит перед моими глазами. Жизнерадостный, твердый в своих убеждениях, он увлекал других своей кипучей энергией, вел за собой. Где бы ни работал Сергей — заведующим районной избой-читальней, пропагандистом райкома партии или управляющим отделением Госбанка — он всегда отдавал работе все свои силы, знания, энергию. В 1932 году он был принят в партию.

К весне 1939 года Сергей Басманов был уже отцом семейства: старшему сыну Юрию исполнилось семь лет, Станиславу — год и шесть месяцев. Ждали в семье третьего, который вот-вот должен был появиться на свет. Но не дождался его Сергей, был призван в ряды Крас-

ной Армии. Лейтенант Басманов стал командиром пулеметной роты и в составе 82-й стрелковой дивизии выехал в далекую Монголию.

Батальон, в составе которого находилась пулеметная рота Басманова, получил задачу: остановить наступление японцев на одном из участков и сдерживать их до подхода главных сил нашей дивизии. Выполнение этой задачи и было поручено роте Сергея Басманова.

Брезжил рассвет. Прозрачный и серебристый от росы, вставал день двадцать пятого июля. Над рекой стлался туман, он длинными космами тянулся к высоте. Под его покровом пулеметная рота переправилась по шаткому мостику на восточный берег реки и заняла выгодные позиции на сопках.

Наступило утро. Лейтенант Басманов еще раз проверил готовность к бою каждого пулеметного расчета. Не успел он вернуться на свой наблюдательный пункт, как японцы начали артиллерийский обстрел. В ясное утреннее небо поднялись черные фонтаны земли и дыма. Снаряды рвались в районе обороны пулеметчиков.

Двадцать минут длился артиллерийский обстрел. Двадцать минут — пустяковое время в обыденной жизни. Но тем, кто находился под огнем, они казались вечностью. Грохот разрывов, едкая гарь взрывчатки, тучи мелкого песка. Нечем дышать, не слышишь собственного голоса... Но вот стена разрывов стала отходить в тыл обороны. Командир роты приказал готовиться к отражению атаки противника, а сам отправился на позиции первого взвода. Здесь со стороны противника наиболее выгодные подступы к нашей обороне. Только успел добраться до взвода, как из-за гряды песчаных барханов, с криком «банзай!» ринулось в атаку не менее двух рот противника.

— Без команды не стрелять! — приказал Басманов. — Огонь — по сигналу красной ракеты!

Японцы подходили все ближе. Наши пулеметы молчали. Видимо, враги сочли, что огнем артиллерии они подавили все наши огневые точки. Бежали не боясь, штыки наперевес. Четыреста, триста метров... Расстояние неумолимо сокращается. Вот уже можно различить разъяренные лица врагов. А сигнала все нет и нет, пулеметы молчат. И вдруг в небе взвилась красная ракета, и ожила наша оборона, застрочили пулеметы. Длинными очере-

дями, с минимально близкой дистанции ударили по вражеским цепям. Как подкошенная трава, падали вражеские солдаты, устилая поле трупами. Атака противника захлебнулась. Оставшиеся в живых поспешили скрыться за сопками.

Но враг не успокоился. Он снова предпринял еще более жестокий артналет. На отрывку окопов у пулеметчиков было очень мало времени, и они не успели сделать надежных укрытий. Появились раненые. Им была оказана первая помощь, и они продолжали оставаться в строю. А тяжелораненых на плащ-палатках оттащили за западный склон сопки.

И снова атака противника, еще более яростная, чем первая. И снова наши «максимы» хлестнули по врагу свинцом. Несмотря на губительный огонь, он рвется к позициям пулеметчиков. В роте увеличились потери, но она стойко удерживала рубеж. Выбыл из строя командир первого взвода. Умолк правофланговый пулемет. Обстановка накалилась до предела: именно в этом месте враг прилагал все усилия, чтобы вклиниться в нашу оборону.

Но нет, правофланговый пулемет умолк лишь на минуту. Лейтенант Басманов, мгновенно оценив обстановку, сам бросился к пулемету, и он снова ураганным огнем стал косить вражеские ряды. Они не выдержали огня, попятились, побежали, ища укрытия.

Прикрывая отход, японские пулеметчики, залегшие на барханах, открыли ответный огонь по нашим позициям.

И тут случилось непоправимое: вражеская пуля угодила в голову лейтенанта Басманова. Руки Сергея не отпустили рукоятку, пальцы его продолжали нажимать на спусковой рычаг. Пулемет смолк лишь после того, как кончилась лента с патронами.

Обе яростные атаки были отбиты. Коммунист Сергей Басманов выполнил боевой приказ: враг не прошел. А в это время на помощь пулеметчикам подоспели стрелковые роты батальона. Они развернулись в боевой порядок для контратаки. Стремителен был их удар по противнику. Бойцы жестоко отомстили врагу за гибель лейтенанта.

Правительство высоко оценило боевые заслуги Сергея Басманова. Указом Президиума Верховного Совета

СССР он посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Фронтовые друзья после боя послали жене лейтенанта Августе Ивановне письмо и подробно рассказали о подвиге Сергея Федоровича, «Его подвиг, вся его героическая жизнь вдохновляла и вдохновляет всех нас на борьбу, на новые подвиги», — писали фронтовики из далекой Монголии и просили Августу Ивановну воспитать детей такими же, каким был Сергей Басманов.

И дети Сергея Федоровича унаследовали от отца то главное, что составляет смысл всей нашей жизни — убежденность в правоте того дела, которому их отец посвятил всего себя без остатка.

Земной поклон коммунистке Августе Ивановне, передавшей детям частицу души отца-коммуниста.

БЕСПРИМЕРНОЕ МУЖЕСТВО

Нельзя без волнения слушать рассказ о его подвиге в боях у Халхин-Гола. Сам он, вспоминая бывшее, волнуется, как будто снова находится у высоты Песчаной в своем танке и пулеметным огнем отражает яростные атаки японцев.

Торшилов Алексей Васильевич... Тогда, в 1939 году, ему, механику-водителю танка, было двадцать шесть, и для него ничего не составляло переплыть стремительную реку Халхин-Гол, чтобы без промедления доставить в штаб донесение.

Вот что он рассказал.

...Нашей танковой роте была поставлена задача поддержать стрелковую роту, которая должна была произвести разведку боем, чтобы выявить огневые точки противника на сильно укрепленной высоте Песчаной, занятой врагом.

Проснулся я рано. Мой танк стоял в песчаном углублении. На броне, как золотые звездочки, лежали пожелтевшие, опаленные дневным зноем листочки мелкого кустарника. Небо и река, вобравшая его краски, — свинцово-серые. Чуть-чуть моросил мелкий, нудный дождик, шептался о чем-то прибрежный камыш. Где-то в его зарослях разноголоса переговаривались дикие гуси и утки. Они частенько по утрам будили нас своим гомоном. Им и пальба нипочем: улетят куда-то на время, а к ночи

снова возвращаются в облюбованные камыши. Странно все это выглядело: война и птичий гомон по утрам...

Но размышлять на эту тему было некогда. Пóслышалась команда: «По машинам!» Мгновенно, сел за рычаги своего Т-26. На подходе к высоте Песчаной танковая рота развернулась в боевой порядок и открыла огонь по укреплениям врага. Под защитой нашей брони стрелковая рота пошла на сближение с врагом.

Японцы открыли ответный огонь. Трудно нашим бойцам продвигаться по песчаному склону высоты под огнем врага. Но отважные и выносливые уральцы преодолели этот барьер и сблизились с противником. В ход пошла карманная артиллерия — гранаты. Накал боя нарастал с каждой минутой. В японской обороне скоро заговорили все огневые точки, чего и добивались наши разведчики.

И вот сигнал отхода — зеленая, красная ракеты. Под прикрытием танкового огня наши бойцы отошли на исходные позиции. К десяти часам утра и мы были на своем прежнем месте. Командир танковой роты доложил командиру батальона о том, что задача выполнена, но один танк не вернулся.

— Немедленно направить танковый взвод на розыски машины и спасение экипажа, — приказал комбат.

— Есть, — ответил командир роты и повернулся к командиру взвода, у которого остался под сопкой танк. А тот стоял взволнованный, потупив глаза. Его растерянный вид не внушал уверенности, что он сумеет выполнить задачу. Тогда командир роты приказал мне:

— Старшина Торшилов, с тремя танками отправляйтесь на поиск подбитой машины, возьмите ее на буксир и спасите экипаж.

— Есть спасти экипаж и вытащить танк, — ответил я. Затем подозвал механиков-водителей и сказал, что буду прикрывать их пулеметным огнем, а они должны подойти к оставшейся машине и отбуксировать ее, если она потеряла свой ход.

Испив из котелка холодной воды на дорогу, мы устремились к сопке. Местность неровная, через смотровую щель трудно наблюдать. Но мы рады, что кустарник в какой-то степени помогает маскировке наших танков. Вот и подножие сопки. И вдруг я увидел наш застрявший танк. Он стоял неподвижно в словно специально отрытом глубоком песчаном окопе.

Развернув свой танк в сторону вражеских окопов, я взялся за рукоятки пулемета. Тем временем экипажи двух подошедших машин закрепили трос к крюку застрявшего Т-26, срыли крутой край рва и завели мотор. В этот момент японцы, услышав шум и обнаружив нас, открыли минометный огонь.

Пять минут длился непрерывный минометный обстрел не менее как из трех батарей. Сплошной дым и грохот поднялись вокруг. Осколки мин барабанили по броне. Но вот обстрел на минуту затих. Я быстро открыл люк, выскочил из танка и подбежал к подбитой машине. Оказалось, что только один из трех танкистов остался невредим, двое — тяжело ранены.

Пока оказывал помощь раненым, я не заметил, как два неприятельских взвода пошли в атаку. Бросился к своей машине. Но японцы открыли по мне огонь, над головой засвистели пули. Пришлось залечь за бугор возле танка. Японцы подошли уже близко: на расстояние броска гранаты. Они не заметили, куда я скрылся, оглядывались, а я тем временем изготовил две гранаты и одну за другой бросил в притаившуюся группу врагов.

Взрывы гранат вызвали у них замешательство. Воспользовавшись им, я быстро вскочил в свой танк, захлопнул люк. Яростно заработал мой друг и спаситель — пулемет. Японцы залегли. Мои гранаты и пулеметный огонь уложили немало врагов. Но было совершенно очевидным, что оставшиеся в живых не оставят меня в покое: уж очень заманчивой была для них добыча — танк. Так оно и оказалось: японцы снова двинулись к моему танку. Впереди шел офицер. Левое плечо у него залито кровью. Он дико кричал, взмахивая правой рукой в сторону моего танка, и был страшен в своих черных роговых очках. Он силился поднять солдат в атаку на танки. Меня тут такое зло взяло, что словами не передать. Короткая очередь из пулемета — и офицер свалился на песок.

С криками «банзай!» они все бросились к танкам. Но мой пулемет снова вдавил их в песок. Вдруг я увидел, что на выручку к ним приближается еще одна группа. Немедленно дал очередь по врагам. Но они все равно упорно ползли к танкам.

Шел уже второй час неравного боя. В танке стало невыносимо жарко, обмундирование прилипло к телу, хо-

телось пить. Сухой язык еле ворочался во рту. Да нельзя оторвать рук от пулемета.

А противник насеждает. Снова большая группа во главе с офицером бросилась к танкам.

— Банзай! Борсевики! (большевик) — кричали они, подбадривая себя.

— Ну что ж, мало вам? Так получайте! — И я нажал на гашетку пулемета. Бил длинными очередями. Так вернее. И снова от большой группы остались в живых единицы. Залегли, не смеют поднять головы.

Устал я, тяжело мне стало, а вместе с тем и радость в моем сердце. Радость от того, что еще жив, что могу бить лютого врага, что враг не захватил наши машины и не захватит, пока жив буду.

Но что это? Японцы снова зашевелились. Неужели им мало того, что получили? Да нет, они бегут! Бегут! И снова скороговоркой запел мой пулемет, посылая смертельные струи в спины убежавших.

Вдруг пулемет умолк: кончились патроны. В наступившей тишине я услышал рокот моторов. Ко мне подходили танки родного батальона. Рассказать, что я пережил в этот момент, просто невозможно. Быстро завели моторы, вытащили из западни подбитую машину, и я вскоре оказался среди боевых друзей.

...Так закончил свой рассказ герой-танкист А. В. Торшилов. В этом бою на его счет было записано до полуроты истребленных врагов.

Указом Президиума Верховного Совета СССР механик-водитель Алексей Васильевич Торшилов был удостоен высшей награды — ордена Ленина.

В годы Великой Отечественной войны Алексей Торшилов мужественно сражался с гитлеровскими захватчиками и был награжден орденом Отечественной войны I степени и медалями.

ПОТОМКАМ В ПРИМЕР

О мужественном поведении этого несгибаемого коммуниста стало известно из захваченных документов после разгрома японских провокаторов на Халхин-Голе.

...На западе, у самого горизонта, еще сияла узкая алая полоска. Небольшие озерца, что раскинулись в долине, отражали этот свет, словно лишенные глубины.

А над головой небо становилось густым, черно-лиловым, далеким. Одна за другой в нем зажигались звезды. Горьковато и пряно пахли листья мелкого кустарника. Несмело подала голос какая-то ночная птица и тотчас умолкла. Должно быть, ее испугал шорох людей, которые один за другим вышли из кустов и направились в сторону передовой линии. Это группа одной из рот разведывательного батальона шла в ночной поиск.

Вскоре они были в окопах передового наблюдательного поиска роты. Здесь им сообщили, что изменений в обстановке нет, и они исчезли в темноте ночи.

Прошло около сорока минут напряженной тишины. За это время группа разведчиков вплотную подкралась к боевому охранению японцев, стала охватывать его, заходить в тыл справа. Все шло хорошо. Наши разведчики были близко у цели, и вдруг ночную тишину разорвал лай японской сторожевой собаки. Залаяла вторая, третья. Яростный лай покатился по вражеским окопам.

Разведчики залегли. В темноте замелькали вспышки винтовочных выстрелов, застрочили пулеметы, открыли огонь минометы. Мины ложились защитным поясом впереди неприятельского поста. Командир нашей группы заметил, что не менее взвода вражеских солдат обходят разведчиков справа. Поняв, что поиск сорвался, он дал приказ отходить. Два бойца с ручным пулеметом остались прикрывать отход ядра группы.

Политрук Александр Васильевич Пысенко сказал командиру, что остается с группой прикрытия, и немедленно присоединился к двум бойцам, уже открывшим пулеметный огонь по противнику. Стал стрелять и политрук. Вдруг он почувствовал, что обе ноги прошли японские пули. Умолк ручной пулемет. Пулеметчик был тоже тяжело ранен. А враг все ближе. Никому не сказав о своем ранении, преодолевая боль, политрук приказал одному из бойцов:

— Пулемет и диски ко мне. Выноси раненого, я прикрою огнем отход и потом догоню вас.

Политрук понимал, что ему самому не уйти. А пулеметчик не сможет вынести двоих раненых. Японцы были всего в тридцати метрах. Боец помог ему установить пулемет. Пысенко положил перед собой две гранаты и открыл огонь. Расстрелял один диск, второй, третий... Все.

Пулемет стал бесполезным. Политрук извлек из него затвор и забросил далеко в сторону. Приготовил к бою гранаты.

Пулемет молчал, и враги бросились на израненного политрука. Взрывы гранат на какой-то момент остановили их. Из взвода противника половина выбыла из строя.

А кровь из ран хлещет и хлещет. С каждой минутой слабеет политрук. Голова его склонилась к земле, и он потерял сознание...

На поиск политрука была направлена группа наших бойцов, но его уже не нашли.

...Меркли звезды. Светлая полоска на востоке все ширилась, разрасталась. Взошло солнце. И с его появлением в небо поднялись черные султаны земли и дыма, поднятые рвущимися снарядами. То ли от солнечного света, то ли от грохота пушек политрук Пысенко пришел в сознание. Долго не мог понять, где он и что с ним происходит. А поняв, ужаснулся: плен! Пожалел, что остался жив. Понимал, что будут пытаться допрашивать, требовать сведений о расположении советских войск. Но он ничего не скажет врагу! Рванулся, попробовал встать — и не смог. Силы оставили его.

Перед затуманенными глазами предстали картины недавнего прошлого. Увидел себя подростком в заводском поселке на Украине, выпускной вечер в средней школе, потом студентом института в Иваново... И вот он, молодой инженер, приехал на Урал. Он конструктор отдела главного энергетика завода имени В. И. Ленина, технический инспектор ЦК союза при завкоме профсоюза... Вспомнил, как жена и трехлетняя дочурка провожали его на военные сборы... Воспоминания прервал резкий голос.

— Коммунист? — спросил его японский офицер, видимо, переводчик.

Политрук скосил глаза и увидел японского майора, увидел переводчика.

— Да, я коммунист, член ленинской партии, — твердо сказал он и добавил: — Больше ничего не скажу.

...На правом фланге нашей дивизии, где погиб политрук Александр Васильевич Пысенко, в районе высот Песчаная и Зеленая бои закончились. Долго искали бойцы своего политрука. Мы понимали, что японцы не оставят его живым. И вот в мелком кустарнике обнаружили труп,

кое-как заброшенный песком. Это был наш политрук. На груди его вырезана звезда, уши и нос отрезаны. Грудь и живот исколоты штыками. А ноги пробиты пулями...

В последний путь политрука провожал весь батальон. На вершине сопки мы похоронили славного сына Родины, стойкого коммуниста, отважного бойца. Над его могилой поставили простой обелиск и написали: «Остановись! Преклони голову перед прахом героя!»

НИКОГДА НЕ ЗАБУДУ

Когда я вспоминаю этот большой и радостный день, перед глазами моими появляется большая глубокая яма. Ветры выдули из нее песок, унесли его в степь. В Монголии такие ямы называют манханами. Часто по краям манханы обрастают низким, жестким и колючим кустарником. Мы сидим в таком манхане недалеко от линии фронта.

Мы — это одиннадцать бойцов, прибывших сюда с передовой, и я — младший лейтенант, командир мотострелковой роты, Медников Михаил Иванович.

Мне тридцать два года. Профессия самая мирная — учитель. Но Родина призвала меня на другие дела, и я стал воином. Впрочем, почти весь состав нашей дивизии состоял из людей таких же мирных профессий, и они, как и я, оставили свои любимые дела, чтобы выполнить долг перед народом, защитить государственные интересы Родины, помочь братской стране.

Одиннадцать человек из разных подразделений сидят в манхане, ведут тихий разговор. Я сижу рядом с младшим командиром Сергеем Свищевым. Тем самым Сергеем, который от имени бойцов и младших командиров давал клятву у подножия высоты Хамар-Даба.

Лица у всех напряженные. Мы сегодня вступаем в великую семью Коммунистической партии. Здесь, на Халхин-Голе.

Все мы понимаем, что вступать в партию на фронте, во время жестоких боев, могут те, кто решил твердо и навсегда связать свою судьбу с ней. Мы понимаем, что если для спасения другого нужно пожертвовать жизнью, то это в первую очередь должен сделать коммунист. Он первый в разведке, в атаке, и все, собравшиеся здесь, чувствуют это всем сердцем.

У меня сегодня особенно ответственный день. Перед собранием я получил боевую задачу: на рассвете атаковать противника, укрепившегося на левых скатах высоты Песчаной, отвлечь на себя его внимание, чтобы обеспечить группе бронетанковой роты захват языка на правом фланге высоты.

Отвлечь на себя внимание — это значит в темноте, без артиллерийской подготовки, подойти к вражеским укреплениям вплотную, забросать гранатами, обрушить на врага всю силу огневой мощи роты. Но в свою очередь и на себя принять всю силу огня окопавшегося противника.

Подготовка к этой операции уже проведена. Бойцы поужинали, сосредоточились в двухстах метрах от передовой, готовятся к броску. С коммунистами и комсомольцами роты проведены беседы, и я уверен, что задача будет выполнена.

Мои размышления были прерваны тихой командой:

— Встать, смирно!

Все одиннадцать разом встали. К нам подошли члены партийной комиссии.

— Вольно, садитесь, товарищи, — сказал секретарь парткомиссии старший политрук И. В. Горшков.

— Начнем заседание, — продолжал он.

И заседание началось. Без стула и без стола. Где-то на правом фланге громяют минометы, слышна пулеметная перестрелка: японцы беспокоят наших соседей — подразделения монгольских войск. На нашем участке тихо.

Секретарь парткомиссии положил папку на колени. Узкий луч электрического фонарика осветил полосу белой бумаги — это один из членов комиссии приготовился вести протокол.

Докладывал секретарь партбюро нашего батальона политрук Ермаков. Прочитал заявление и анкету командира бронетанковой роты лейтенанта П. Ф. Болдырева, дополнив ее рассказом об умелых действиях лейтенанта в боевой обстановке, особенно в разведке.

Рассказал автобиографию лейтенант Болдырев. Коротка она у человека, которому всего двадцать семь лет. Окончил среднюю школу, военное училище, служил на границе, теперь — на Халхин-Голе. И все. Парткомиссия единогласно приняла его кандидатом в члены партии.

Вот уже приняты в семью коммунистов восемь бойцов, из них пятеро рабочих и три колхозника. Дни и ночи отважные воины находятся на передовой, ходят в разведку и своими делами служат примером для других. Наконец политрук Ермаков прочитал мое заявление:

«Прошу принять меня кандидатом в члены ленинской партии. На фронте, а если останусь жив, то и в мирной обстановке я оправдаю доверие партии...»

Вечером 16 июля 1939 года меня приняли кандидатом в члены Коммунистической партии.

И где бы я ни был с тех пор — был ли начальником штаба стрелкового полка в годы Великой Отечественной войны, директором ли средней школы, я никогда не забывал обещание, которое дал в тот день: оправдать доверие партии.

После заседания парткомиссии я с лейтенантом Болдыревым задержался на краю манхана. Вокруг стояла тревожная тишина. Отчетливо были слышны шорохи перебегающих грызунов, стрекотание цикад. Вот запела ночная птичка кулан-жоро. Ее сразу узнаешь по непрерывному щебетанию.

Мы наслаждались тишиной, вбирали ее в себя. Нам так не хватало ее в те дни... Но мы знали, что через три часа она будет распорота разрывами гранат, пальбой винтовок, пулеметов...

— Пошли, пора, — сказал лейтенант Болдырев. — Надеюсь, товарищ Медников, что твоя рота обеспечит огнем выполнение задачи нашей роты.

— Ни пуха ни пера, боевой товарищ, — ответил я, — мы сделаем все.

Задача была выполнена...

...Много лет прошло с тех пор, много в жизни моей было и радостных, и тяжелых дней. Все они прошли, канули в вечность. Но тот день — 16 июля — не забудется.

В то время мы не задумывались над тем, почему люди в напряженные для Родины дни — будь то война или мирное строительство — вступают в партию. Почему в радости или беде они обращаются к партии, идут к ней за советом, за помощью, сами приносят ей свои лучшие идеи, посвящают ей подвиги и хорошие дела. Теперь я твердо знаю: так они поступают потому, что Коммунистическая партия — это ум, честь и совесть каждого из нас.

ДИВИЗИОННАЯ ГАЗЕТА

Наш воинский эшелон идет на восток, через родные горы Урала. Итак, редакция в пути. Автобусы — на платформе. Редакционные работники — в купе вагона. Решили выпускать походную газету. Для начала она будет уменьшенного формата и на одной стороне листа.

Всех волнует вопрос, можно ли будет на ходу, ручным способом набирать: ведь типография в автобусе, а автобус на платформе. Тряска при движении изрядная. Но наши наборщики Баталов и Овсянников обещают справиться с этой нелегкой работой.

Еще сложнее с версткой. Но здесь нас должны выручить остановки эшелона. На остановках также будем связываться с редколлегиями «боевых листков» и военковским активом.

Основные темы статей и заметок: бдительность в пути, соблюдение военной тайны, сохранение военного имущества, всемерное укрепление дисциплины.

Первый номер газеты был встречен красноармейцами и командирами очень тепло. Это нас еще больше воодушевило. Следующие номера уже выходили на двух полосах.

Наборщики прекрасно справлялись с работой. Печатали также на ходу. Машину вертели вручную. Красноармейцы сами вызывались «крутить газету». «Только бы, — говорят, — скорее выходила».

Газету распространяли в трех эшелонах.

Большинство остановок были очень краткими. «Пункт сбора материалов», как его называл секретарь редакции Пепеляев, установили у вагона-кухни. Бойцы и командиры, получая завтрак, обед или ужин, тут же имели воз-

возможность передать редакции заметку. Активно помогали нам «боевые листки».

На одном из разъездов узнали о сообщении ТАСС, посвященном событиям в Монгольской Народной Республике. Необходимо было поскорее достать текст сообщения и напечатать в своей газете. Но где достать? Мы — на колесах. Газет нет, и мы приняли решение в Иркутске связаться по телефону с редакцией местной газеты, чтобы получить эту информацию. Вот и Иркутск. Позвонил в редакцию. Записывал, а сам поглядывал на хвост эшелона. Железнодорожники успокаивали: если эшелон уйдет, они помогут догнать товарищей. Через станцию у нас предполагалась большая остановка.

Разговор по телефону продолжался.

— Халхин-Гол? Есть! Диктуйте дальше...

Эшелон тем временем ушел. Сообщение ТАСС у меня в кармане. Через два часа догнал свою двигающуюся редакцию. Сообщение, так волновавшее всех, пошло в набор, и вскоре на маленьком разъезде на берегу Байкала состоялся митинг. Суровые лица бойцов и командиров теплеют, когда говорят о подвигах бесстрашных советских летчиков.

Под громкое красноармейское «ура!» митинг закончен. Запела труба горниста.

— По вагонам!

— В путь! Вперед!

И поезд, словно угадав наши мысли, идет быстрее, мча эшелон дальше на восток, через бесчисленные байкальские туннели.

Наутро редакцию засыпали резолюциями. Бойцы, командиры и политработники клялись с честью выполнить воинскую присягу, говорили о своей готовности защищать безопасность Родины. Этому мы и посвятили передовую статью. В пути тем же «иркутским» способом получили новые сообщения ТАСС.

После станции Карымской эшелон сворачивает на юг. Теперь никаких сомнений нет в том, что мы идем в Монгольскую Народную Республику. Тихая станция Петровский завод... Полустанки с воинскими эшелонами. Вот и конечный пункт — станция Борзя. Позади остался одиннадцатидневный путь. А впереди — главное: бои, проверка нашего духа, умения.

Закончена разгрузка несложного редакционного иму-

щества. Наши автобусы, наборный и машинный, послушно скатываются с платформы по бревенчатым настилам. Вещи погружены в автобусы, туда же переселяемся и все мы — редакционные работники, наборщики, печатники.

Через несколько километров, проехав поселок Барнаул и Чиндант II, остановились лагерем на берегу быстрой и мутной речки Борзя.

Расставили палатки. Из автобуса выкатили движок. Старый, много раз чиненный движок. Проверили ход печатной машины: она работала безотказно. Приготовленные заранее заметки и корреспонденции пустили в набор.

А впереди новый путь — на этот раз своим ходом по незнакомой монгольской степи.

Жара, безводье, отсутствие населенных пунктов, незнакомая страна... Всего в степном походе мы выпустили шесть номеров. Наборщики и печатники работали с подлинным героизмом. Во время остановок они не отдыхали.

В степи мы почти не получали газет. Информация ТАСС отсутствовала. На помощь нам пришли военкоры-связисты. Они организовали приемку информации. Так появились в газете долгожданные сведения о событиях на Родине и за рубежом.

В газете мы регулярно давали короткие статьи под рубриками: «Советы бойцу», «Личная гигиена», «Правила питья воды в походе», «Поход в жару», «Как отдыхать на привалах».

Не доезжая до города Баян-Тумен, мы встретились с ранеными бойцами нашего 603-го полка, уже участвовавшего в боях. Правдивые патриотические рассказы раненых мы поместили в газете. Отважные воины Красной Армии рвались обратно на фронт.

...Тамсаг-Булак. На краю селения у изгиба степных дорог — следы недавней бомбежки. Редакционные машины мы глубоко зарыли в землю. Сверху прикрыли их веревочной сеткой с вплетенной травой.

До сих пор газету экспедировала сама редакция. Выезжая в части, мы привозили газеты. Раздавали их и встречающимся эшелонам, автоколоннам. Нам приходилось нелегко, поскольку мы не имели других средств передвижения, кроме своих тяжелых специальных машин. С прибытием в Тамсаг-Булак экспедирование проходило через политотдел.

Первыми выехали на передовую линию работники редакции Пепеляев и Хазов.

Давно уже редакция ставила вопрос о переименовании газеты. Старое название «За боевые темпы» недостаточно полно выражало настроение бойцов. Газете дали заголовок «За Родину!». Заголовочного деревянного шрифта у нас не оказалось. Как же сделать новый заголовок?

— На линолеуме! — подал кто-то мысль. Но кто сможет вырезать заголовок?

— Попробую, — вызвался печатник Любимов.

Где достать линолеум? Нашли выход: вырезали кусок линолеума, покрывавшего пол «наборного» автобуса.

Выпуск первого номера «За Родину!» был ознаменован нашим знакомством с японскими самолетами.

Послышались глухие взрывы. Подкравшиеся на большой высоте вражеские летчики пытались неожиданно бомбить Тамсаг-Булак. Но стервятники допустили просчет. Их бомбы рвались в степи, в стороне от селения, куда они сбрасывали их, спасаясь от наших зениток и истребителей. Мы впервые наблюдали воздушный бой.

Первый номер газеты выпустили со свежим материалом, привезенным с фронта Пепеляевым и Хазовым. Их сообщение заслушали на собрании сотрудников и бойцов, работавших в типографии.

Пепеляев и Хазов рассказали о подвиге бесстрашного командира отделения Павла Пономарева, Героя Советского Союза. 18 июля было напечатано письмо командира взвода Антипина «Как командир отделения Пономарев бил японцев».

Но вот поступил приказ командования: продвинуться ближе к передовой линии фронта. Вместе с бойцами шла и наша редакционная колонна.

Ливень испортил дорогу. 20 июля, к рассвету, мы были у склонов горы Хамар-Даба во втором эшелоне штаба дивизии. Передовая была от нас всего в шести километрах.

Утро. Моросит дождь. Замаскированные сетками и травой наши типографские автобусы готовы к работе. Саперы уже копают для машин новые земляные убежища. Наборщики, не теряя времени, набирают материал для очередного номера. Наш движок, прикрытый от дождя навесом из брезента, в полной исправности. Рядом

идет редакционное совещание. Сидеть негде: кругом мокро. В плащ-палатках, накинутых на плечи, стоим под дождем, обсуждаем основные темы ближайших номеров.

Вместе с инструктором-литератором Андреем Кайгородовым мы в этот день пошли собирать материал об артиллеристах. Батарея только что отстрелялась. Побеседовали со старшиной Усатовым и наводчиком Беляевым. Они прежде всего рассказали нам не о себе, а о связистах Дремина и Кудряшеве, которые трижды под яростным артогнем врага хладнокровно и четко восстанавливали порванную связь.

Нашли Дремина. Рассказывая о себе, он говорил: «Думать об опасности было некогда».

И вдруг команда: «Воздух!». В небе — вражеский разведчик-корректировщик. Летит довольно низко.

— Ну, сейчас японская артиллерия бить будет, — говорит Усатов.

И действительно, ближе и ближе рвутся снаряды.

Наши читатели требовали от газеты сводок боевых действий. В «Героической красноармейской» — газете армейской группы советских войск в МНР — такая сводка печаталась. Ее писали в редакции. В качестве данных для сводки использовали свежий материал штаба армейской группы и информацию из соединений, частей, с передовых позиций.

Мы тоже принялись за составление своей дивизионной сводки по тому же принципу. Нам помогали политический отдел и штабные работники.

Вечером на командных пунктах полков, батальонов мы знакомились с последними приказами, донесениями, сообщениями дежурных. Военкоры в ротах уточняли интересующие нас данные, коротко говорили, что нового у них. Беседовали с красноармейцами. У них одно желание — скорее в бой, а легкораненые упорно отказывались ехать в санитарный батальон. Да, это действительно советские богатыри!

С богатым материалом спешили «домой» — в редакцию. Добирались где пешком, где с кухней, где с санитарными машинами. Вот и «дом родной». Заметить его, тем более ночью, очень трудно: все тщательно замаскировано. И только ухо улавливает рокот движка. Это печатают вторую полосу газеты «За Родину!». Первая половина ждет сводки. Скорее ее составить, быстрее

набрать! А завтра бойцы прочтут сводку «С полей боевых действий нашей части».

Уже начинало светать. Кончился один из фронтовых дней. Усталость напоминала о себе. Отдохнуть надо бы. Лучшее место — около печатной машины в автобусе. Рокот моторчика и лязг машины усыпляют. Печатник Федоров поглядывает изредка, чтобы ненароком рычаг «американки» не задел голову журналиста, уснувшего вблизи этой машины.

...30 июля осталось в памяти навсегда. Накануне батальон 603-го полка смелой контратакой сильно потеснил противника. Нужно было обобщить опыт бойцов: как действовать лопатой, штыком, прикладом. Утром Пепеляев, наш ответственный секретарь редакции, уехал в 603-й полк с заданием побеседовать с бойцами о проведенных боевых действиях.

Через несколько часов секретарь политотдела сообщил нам тяжелую весть: разрывом японского снаряда тяжело ранены комиссар 603-го полка Пильник и наш Пепеляев.

Немедленно едем с Кайгородовым в санбат.

Пепеляеву уже сделали операцию. Он лежал на носилках. Голова, руки, ноги перевязаны. Сквозь повязки раны кровоточат.

Садимся рядом на землю.

— Здравствуйте, боевые товарищи! — первые слова раненого секретаря редакции.

И второе:

— Товарищ редактор, в газете мы опечатку допустили: командир 603-го полка Заиюльев, а не Заюльев!

Доктор Кравец рассказал нам, как мужественно держался Пепеляев во время операции. Ни одного стога, ни одной жалобы...

Много замечательных военкоров выросло у нас в эти боевые дни. Все они так же, как и весь наш редакционный коллектив, стремились сделать газету интересной, боевой, злободневной. Комсорг из 603-го полка Яговцев ежедневно информировал нас о ходе боевых действий на участке его части. Разведчик — редактор «боевого листка» Стерлядев рассказывал в заметках о каждой удачной разведке. Старший политрук Пильник, политруки Пысенко и Севастьянов не только сами писали в газету, но и повседневно привлекали бойцов и командиров

к участию в дивизионной газете. Лейтенант Крапивин интересно описывал боевые эпизоды. Пулеметчик Федоров писал о том, как занимали новые рубежи, как маскировались, что предпринимал неприятель.

Десятки бойцов, командиров, политработников, геройски сражавшихся в боях, стали нашими активными военкорами, с ними мы поддерживали живую связь.

Была на исходе первая половина августа. Редакция получила приказ перебазироваться в первый эшелон штаба дивизии. Утром 18 августа мы двинулись в путь. Но не успели проехать и полпути, как получили новый приказ — срочно напечатать листовки с обращением командования и политотдела к воинам и памятку бойцу. Немедленно, тут же, в степи, неподалеку от второго эшелона, развернули типографию. Значение порученной работы понятно. В листовках было обращение командования дивизии и политотдела к воинам о долгожданном наступлении! Памятка бойцу также говорила о наступлении.

«Клянемся Родине, партии беспощадно расправиться с ненавистными захватчиками!». С таким лозунгом вышла газета в первый день генерального наступления. В номере были заметки пехотинцев, артиллеристов, разведчиков, связистов. Все они говорили об одном: о желании с честью оправдать доверие Родины.

Нам дали задание в дни наступления выпускать газету ежедневно, пусть даже за счет уменьшения формата.

Провели совещание. Оно было коротким. Как говорится, «слышимость была плохая»: через наши головы летали снаряды, в небе стремительной тучей неслись самолеты.

Решение наше было такое: выпускать газету ежедневно, не уменьшая размера.

Наборщики, печатники и работники редакции забыли о сне. Весь коллектив, в том числе и новые сотрудники редакции младший политрук Ерохин и красноармеец Гушин, был полон желания помочь фронтовикам на передовых позициях добиться быстрее уничтожения врага.

23 августа газета вышла с лозунгами: «Враг в кольце!», «Беспощадно истребим японских провокаторов!».

Перед нашей дивизией стояла конкретная задача — захватить Песчаную и Зеленую сопки.

24 августа газета дала призыв: «За полную победу, боевые товарищи! Штыком и гранатой очистим Песчаную и Зеленую сопки от японских псов!»

Вскоре бойцы, возглавляемые командирами и политработниками, с честью выполнили свою задачу. Вместе с дивизией прошла боевой путь и ее газета.

РАЗВЕДЧИК ЛЕЙТЕНАНТ БОЛДЫРЕВ

О нем нам в редакции рассказал работник политотдела старший политрук Высотин Вениамин.

— Повидайтесь с лейтенантом Болдыревым. Это бывший пограничник, отличился при налетах на вражеские штабы. Действовал умело, храбро. Состоялся как бы поединок разведчиков — наших и японских. И наши оказались более инициативными, оперативными, смелыми.

И вот вечером на склоне Хамар-Дабы в низенькой палатке на двоих — встреча с Болдыревым.

Этот спортивной внешности, подтянутый командир держится просто. Однако в спокойной позе сидящего человека чувствуется напряженная, готовая в любую минуту раскрыться сила привыкшего к движению тела. Лицо — волевое, взгляд — острый, все замечающий. На вид командир разведчиков лейтенант Павел Федорович Болдырев даже несколько суров. Но, когда он улыбается, суровость исчезает, и по чуть озорным глазам видно, что Паша Болдырев — в прошлом крестьянский парень — любит и пошутить, и повеселиться. Как ни общо звучат эти слова, но они про него: это идейный и закаленный в боевых схватках воин, воспитанный комсомолом, партией командир. Службу в Красной Армии считает своим призванием. С юношеских лет увлекался стремительностью суворовских походов. А история гражданской войны, вооруженных сил советской державы? Это его «воздух» — так сказать, «условия его существования». О Фрунзе, Щорсе, Чапаеве, Лазо он не может говорить без восхищения.

Откуда у лейтенанта военная закалка? Он был пограничником. В этом — ответ, секрет.

В 1933 году Болдырев служил на Дальнем Востоке, среди гор и кедров Уссурийского края. На границе было тревожно. Из пограничного маньчжурского городка Саньчу-го частенько на нашу территорию засылали шпионов, диверсантов. Их неизменно задерживали зоркие пограничники. Бывало, небольшой японо-маньчжурский отряд, «заплутавшись», оказывался на нашей территории.

Дело доходило до жарких перестрелок, а порой и до рукопашных схваток.

Здесь-то Павел и вошел во вкус работы разведчиков. Он на практике освоил значение тщательной маскировки, всю сложность действий одиночного бойца ночью, понял, где место и каково должно быть поведение командира в бою.

Эти навыки помогли Болдыреву в боях с японскими захватчиками на монгольской реке Халхин-Гол.

У разведчиков свои, особые задачи. И не всегда резонно им вступать в бой с противником.

Однако усложненная боевая обстановка подчас вынуждала, обязывала разведку начинать бой, чтобы разведать силы и огневые средства врага. Так, например, случилось 29 июля 1939 года, когда Болдырев со своими разведчиками неожиданным ударом с фланга по японским позициям помог соседнему подразделению. Храбро действуя штыками и гранатами, они опрокинули яростно сопротивляющегося врага и заняли его окопы.

Взбешенный противник сосредоточил по группе смельчаков орудейный, минометный и пулеметный огонь. Во много раз превосходя разведчиков численностью, враги трижды кидались в атаку, пытаясь вернуть свои позиции. И каждый раз стойкие разведчики умело отражали вражеские атаки. Именно, умело. У разведчиков был ранен только один человек.

...В начале августа 1939 года Болдыреву с товарищами поручили произвести разведку глубины обороны противника. Обстоятельная разведка должна была уточнить местонахождение штаба японской части. А если позволит обстановка, произвести на штаб налет и захватить штабные карты, документы.

Болдырев созвал товарищей, подробно разъяснил, как лучше действовать:

— Все решает подготовка. Местность, подходы, направление изучить, определить сейчас же, не откладывая. Как стемнеет, пойдем. Сигналы знать точно, действовать инициативно, быстро, не забывая общей задачи. А она ясна: обнаружить штаб и совершить на него внезапный налет! Но налет — не просто: раз-раз — и ходу! А с толком: взять что надо и исчезнуть; взятое должно быть доставлено во что бы то ни стало!

...В монгольской степи день меркнет сразу, без сумерек. И лишь потускнели краски раздольного в этих краях заката, болдыревцы были в пути.

Полкилометра двигались и, пригнувшись, шагом, и перебежкой, и ползком, а километр — только ползком. Вся трудность и заключалась в том, чтобы до последнего момента оставаться незамеченными.

...Вот засекли расположение японского блиндажа, по всем приметам — это тот самый штаб. Как гром среди ясного дня прогремел разрыв наших гранат, влетевших в блиндаж. Рев ошалевших врагов перешел в визг, когда болдыревцы пустили в ход штыки и ножи.

Воспользовавшись паникой, лихие разведчики захватили ценнейшие документы, оперативные карты и японский пулемет, стоявший на охране штаба.

— Заодно уж, чего ему там пропадать, — шутил лейтенант.

Операция была выполнена с блеском. И ни одного раненого — чем не мастерская работа?!

Подобный ночной рейд вскоре был повторен.

Августовской ночью болдыревцы вышли на задание. Сильно вызвездило. Это заставляло двигаться с особой осторожностью. А разведчики были на этот раз не одни. Им была придана группа пехотинцев с тремя ручными пулеметами.

...За сопкой — огромный манхан — песчаная котловина. В нем свободно можно расположить полк. Штабные пещеры и блиндаж охранялись небрежно, да и замаскированы были не ахти. Видимо, японские штабники чувствовали себя в полной безопасности. Эта самонадеянность, беспечность и погубила врага. Красноармейские гранаты обрушились на него внезапным вихрем, смерчем. В ход наши разведчики пустили штыки и приклады. Штабники разбежались из пещеры и блиндажа. И секретнейшие бумаги, корреспонденция, личные печат-

ти штабных офицеров, их документы стали добычей болдыревцев.

Надо было спешить в обратный путь. Ясно было, что противник сумеет быстро установить малочисленность нашей группы и примет все меры к ее уничтожению.

Возвращение назад было делом нелегким. Японцы окружали манхан. Забили вражеские пулеметы, с шипением и уха́нем рвались мины. «Банзай!» слышалось уже совсем рядом.

Не теряя ни минуты, группа стремительно двинулась вперед.

Лейтенант Болдырев после возвращения рассказывал:

— Обманули мы их. И чем? Ракетами. Создали видимость, что идем на прорыв в направлении, откуда пришли. А сами кинулись в противоположную сторону. Потом дали очереди с короткой дистанции из всех трех пулеметов — и ходу! Удачно получилось. Выиграли время и ушли. И опять не потеряли ни одного человека. Ну, раненые не в счет. Много помогла темнота: в манхане было как в чернильнице, а края его просматривались на фоне звезд хорошо.

Павла Болдырева и его товарищей, бесстрашных разведчиков — младших командиров Волкова, Воронова, Флаас, красноармейцев Баркова, Терентьева, Ознобихина, Шишкарева, Федорова, Коптева — знали все. Вся часть гордилась ими.

...Дружно жили смелые разведчики. В период боев Павел Болдырев получил телеграмму из дому: «Родился сын». Событие было воспринято как общая радость. Папашу от души поздравляли, качали. Нашлись шутники, советовавшие счастливому отцу назвать сына Халхин-Гол, а если еще будет дочь, то Хамар-Даба. Отец сиял и на добродушные шутки не сердился.

...Жизнерадостные разведчики всегда были готовы к бою, готовы выполнить любое ответственное задание.

Узнав о том, что правительство наградило его орденом Красной Звезды за образцовое выполнение боевых заданий, за доблесть и мужество в бою, Павел Федорович заявил:

— Я очень взволнован наградой. Ведь особенного я ничего не сделал. Мы просто старались выполнить приказ как можно лучше.

Немного подумав, добавил:

— Недавно меня приняли в партию. Этот день и день, когда я узнал о высокой правительственной награде, самые счастливые.

Инструктор Высотин сообщил редакции, что политотдел дал агитаторам указание провести беседы о делах болдыревцев, показавших, как можно и нужно выполнять боевые задания.

В Павле Федоровиче Болдыреве я вижу прообраз наших пограничников, первыми принявших на себя удары гитлеровской военной машины в 1941 году.

Он и его товарищи — участники этого грозного пролога Великой Отечественной войны — по праву занимают подобающее им почетное место в рядах славных защитников чести, свободы и независимости нашей Советской Родины.

УЧЕНЫЙ И ВОИН

Рассказать об Александре Ильиче Букиреве можно очень многое. Это был удивительно интересный человек с прямо-таки завидным жизнелюбием. Он был полон стремления принести возможно больше пользы для людей, для нашего общества. С полным основанием можно о нем сказать, что он был видным ученым и храбрым воином, умелым артиллерийским офицером. И просто не верится, что кусочек свинца, полученный от японского снайпера в боях на Халхин-Голе в 1939 году, через двадцать пять лет внезапно оборвет жизнь этого человека: в августе 1964 года среди нас не стало Александра Ильича Букирева.

Весна на Урале в 1939 году была теплой и дружной. Снег стаял рано, и под яркими лучами по-летнему жаркого солнца природа ожила, зазеленели дубравы, изумрудным ковром оделись поля.

Теплый день клонился к вечеру. Ассистент кафедры зоологии позвоночных Пермского университета Александр Ильич Букирев из окна вагона с интересом следил за быстро менявшимся ландшафтом: поля, перелески, темный лес у горизонта, поймы речушек в обрамлении цветущих черемух...

Он, старший лейтенант запаса, ехал на очередной военный сбор. И как бы ни настраивался Александр Ильич размышлять на военный лад, он снова и снова возвращался к тому, что было предметом его повседневных забот. Ведь он зоолог, точнее ихтиолог, и для него самые любимые и интересные животные — это рыбы. Даже ста-

рые потомственные рыбаки не все знают, сколько разных видов их обитает в бассейне Камы. Он же вместе с начальником рыбохозяйственной экспедиции, уже известным в то время ихтиологом М. И. Меньшиковым, прошел на лодках по Каме от истоков до устья Вишеры и выяснил, что на этом отрезке реки встречается тридцать четыре вида рыб! Большинство из них живут тут постоянно, а некоторые приходят издалека — с Волги и даже из Каспия. Об этом вместе с руководителем экспедиции и товарищем он написал еще в 1934 году, пять лет назад.

Потом друзей привлек Иртыш, и Александр Ильич становится автором уже трех ихтиологических работ. В этих исследованиях описывается, как растут рыбы (ведь по чешуе можно определить, сколько каждой из них лет), где откладывают икру, чем питаются. Но это не все. Нужно помочь рыбакам. И ученый рекомендует, сколько следует добыть рыбы, например, в озерах бассейна реки Конды, с тем, чтобы не уменьшилась численность ее в водоеме. А для увеличения запасов вкусного сига-сырка советует расселить его в те озера, где до сих пор он еще не обитает.

Работы по рыбам и рыболовству Камы и Иртыша оказались интересными, и некоторые сведения из них включены в справочники и сводки по пресноводным рыбам Советского Союза. Они и поныне не потеряли своего значения и служат важным сравнительным материалом для ихтиологов.

Теперь у Александра Ильича другая мысль: узнать, как и почему двигаются рыбы, какую роль в их движении играют плавники. Для этого требуется тонкая, почти ювелирная работа. Острым скальпелем нужно обнажить плавник, а затем выяснить, какие нервы и их тончайшие веточки подходят к плавнику и помогают приходить в движение. За таким занятием можно сидеть часами, оно не наскучит, и терпения хватит, а вот времени — не всегда. Его приходится делить между научной работой и студентами. К тому же он еще и секретарь парткома университета.

У Александра Ильича сочетались качества активного общественника, серьезного исследователя, педагога и прекрасного товарища. Скромный, даже застенчивый, он пользовался большим авторитетом не только среди студенчества, но и у научных работников. Он умел выслу-

шать любого и, если нужно, дать добрый совет. И к нему шли многие.

Несмотря на сильную занятость, ученый задумал писать диссертацию. Посоветовал ему это один московский профессор, удивительно симпатичный старик, предложив изучать строение плавников... И сейчас, отправляясь на военный сбор, ученый мысленно возвращался к лабораторному столу, заставленному банками с тщательно отпрепарированными рыбами, к прерванной любимой работе. Утешало лишь то, что это ненадолго.

Но не мог знать Александр Ильич, что поступил приказ о формировании стрелковой дивизии на базе одного из полков, что суждено этой дивизии сразу же грузиться в эшелоны и отправиться на Дальний Восток.

Старшего лейтенанта назначили командиром батареи 602-го стрелкового полка. Что ж, коль «в воздухе пахнет грозой», он готов выполнить свой долг. А на Востоке действительно было неспокойно.

Эшелон шел долго. Постепенно исчезли милые сердцу горы и леса. Поразил изумительной красотой Байкал. Здесь Александр Ильич впервые. И, конечно, думалось ему об обитателях этого величайшего в мире озера, о рыбах... Но пока прочь эти мысли.

Наконец батарея 602-го стрелкового полка достигла своего места назначения. Перед Александром Ильичем предстали бесплодные солончаки и яркие, слепящие глаза, песчаные дали. Ни глотка воды. Хотя и много озер, да все они соленые. А на горизонте река со странно звучащим названием — Халхин-Гол. Там — враги... И снова вспомнился далекий Урал, но мысли о родном крае быстро сменились другими. Надо разместить солдат и надежно укрыть орудия. Обстановка боевая, медлить нельзя. Тут помогли и природная смекалка, и опыт полевой жизни, полученный в научных экспедициях. Он умел быстро поставить палатку, сварить рыбацкую двухслойную и даже трехслойную уху и, главное, умел быть полезным среди любого люда — рабочих, колхозников, рыбаков. Они часто говорили: «Вы вот ученый, а держитесь просто, и с вами легко».

Итак, огневые позиции выбраны, пушки замаскированы, отрыты окопы для бойцов. А они, бойцы, были молоды, к походно-боевой обстановке непривычные, кадровой службы в большинстве своем не проходили. Их так и на-

звали: «приписники». Это означало, что человек был приписан к какой-то части и на протяжении нескольких лет вызывался на два-три месяца на сборы. Да и сам командир батареи был таким же приписником. И тем не менее он был старше их по возрасту, по житейскому опыту, да и в артиллерийском деле понимал не хуже кадрового командира. Очевидно, поэтому-то комбат часто слышал, как за глаза они называли его отцом. Так повелось еще и потому, что командиру все можно было доверить, обо всем посоветоваться: и о любимой девушке, и о доме, желанном и далеком, и о заветной мечте — стать снайпером артиллерийского огня.

...Шли жаркие бои. Артиллерийские снаряды рвались в расположении нашей обороны. Враг свирепствовал. Всюду, насколько хватал глаз, была степь, высохшая от зноя, да желтые пески. Обильный пот слепил глаза. Хотелось пить. Под шквалом неприятельского огня бойцы на какой-то момент растерялись, попрятались в укрытия. Пушки замолчали. Нужно было немедленно выяснить, что происходит на огневой позиции батареи. Старший лейтенант Букирев с наблюдательного пункта поспешил на огневую. Около километра, где ползком, а где короткими перебежками, преодолел он быстро. Завидев командира, бойцы встали к орудиям. Он не бросил ни одного слова упрека смущенным огневикам, но от этого им было тем более неловко за свою оплошность.

После этого случая привязанность их к командиру батареи возросла. Когда через несколько дней потребовалось переправить одну пушку через реку Халхин-Гол, многие бойцы добровольно вызвались выполнить эту операцию. Старший лейтенант не стал рисковать жизнью товарищей. Понтонный мост был пристрелян японцами, и переправа под неприятельским огнем представлялась очень опасной.

Александр Ильич поехал один. Удача сопутствовала ему и на этот раз. Снаряды рвались около идущей машины, и прямого попадания не было. А осколки тоже не задели его. С тех пор Букирева стали называть счастливым.

Настал день генерального наступления по всему фронту. Наши пехотинцы и танкисты взяли врага в клещи. В одну из контратак противника батарея Букирева оказалась лицом к лицу с врагом. Местность была ровная.

И командир батареи приказал выкатить орудия на открытую позицию, бить врага прямой наводкой. Александр Ильич сам руководил действиями орудийных расчетов. Бой был выигран. Но когда, казалось, уже все было закончено, пуля японского снайпера тяжело ранила Александра Ильича.

...Врачи не обещали хорошего исхода. Лишь железное здоровье, воля к жизни и тщательный уход помогли Александру Ильичу встать на ноги.

Сам он никогда о себе не рассказывал, и если друзья спрашивали, за что его наградили орденом Ленина, он только пожимал плечами, как бы говоря: «Да, собственно, ничего героического я не сделал. Воевал как положено солдату, когда защищаешь свой дом или дом друзей».

Вернувшись после ранения в родной город, Александр Ильич снова занялся любимой работой. Он продолжал вести занятия на кафедре зоологии позвоночных и писать кандидатскую диссертацию. Вскоре его назначили ректором университета, и он успешно стал руководить учебной и научной работой старейшего на Урале вуза. Но мирные дни продолжались недолго. Началась Великая Отечественная война.

В числе первых добровольцев ушел в армию и старший лейтенант запаса коммунист Букирев. Ученый опять стал артиллеристом. И снова воевал как истинный патриот и воин. Он командовал артиллерийским дивизионом, был начальником артиллерии стрелковой бригады, дивизии, работал в штабе артиллерии армии, фронта. Руководил боевыми действиями полка, изучал боевой опыт, обобщал его и внедрял в войсковую практику. Им написаны работы об опыте артиллерии в боях при окружении противника, об опыте боев по истреблению танков. Его наставление о борьбе с танком «королевский тигр» было быстро распространено по фронтам и принесло немалую пользу солдатам.

Пройдя всю войну в действующей армии, в том числе в войсках Воронежского, а затем 1-го Украинского фронтов, подполковник Букирев участвовал в штурме Берлина и освобождении Праги. Он вместе с другими победителями с чувством глубокого удовлетворения поставил свою подпись на стене горящего рейхстага.

Высокое мужество, упорство в достижении цели проявил в боях офицер Букирев.

Много фронтовых друзей у Александра Ильича. Немало в семье хранится от них писем. Вот, например, письмо от Виктора Владимировича Белододеда. В нем есть такие слова: «Пусть прошло более пятнадцати лет, но чувство глубокой благодарности Вам за то многое, что Вы сделали для меня, быть может сами того не зная, связано с Вашим именем. Много человечески хорошего я не только узнал от Вас, но и впитал, сделал своим».

Боевые подвиги подполковника Букирева в годы Великой Отечественной войны высоко оценены Советским правительством. Он награжден орденами Красного Знамени, Кутузова III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями.

Но позади и это. В мае 1946 года подполковник запаса Букирев, успешно защитив кандидатскую диссертацию, вновь стал ректором университета. Снова он полон мирных мыслей и творческих раздумий. Его приход заметно сказался на жизни университета, налаживавшейся после тяжелых военных лет. Сразу началось строительство новых общежитий, расширялись спортивные секции, бурно развивалась самодеятельность. Партийная и комсомольская организации постепенно укреплялись, пополнялись за счет людей, демобилизованных из Советской Армии. К счастью, сохранились основные довоенные кадры профессоров и преподавателей. Ректор стремился к тому, чтобы в университете широко велась научная работа, была теснее связь ее с производством. Улучшилась и постановка учебной работы, увеличилось число студентов и преподавателей.

Но по-прежнему урывками приходилось заниматься любимым делом, редко бывать в экспедициях и даже не всегда, когда хочется, на рыбалках.

«Сколько еще вокруг нас интересного, и как мало, оказывается, знаем мы свой край, — думал ученый. — Недавно рыбаки рассказывали, что в истоке Ирени живет какая-то неизвестная рыба. Вкусная, немного похожа на хариуса, только вот с пятнышками. Неужели форель, которая когда-то водилась в притоках Камы и уже давно исчезла? Надо обязательно проверить, выяснить, но для этого необходимо отлучиться из города на несколько дней...»

Вернувшись из очередной поездки, весной 1948 года Александр Ильич заболел. Поначалу думалось, что все

обойдется, но болезнь неожиданно осложнилась. Медики сообщили, что рана, нанесенная японским снайпером, открылась. Положение стало крайне тяжелым. Даже известные хирурги Москвы пожимали плечами и в конце концов посоветовали положиться на его крепкий организм. Не подвел он и на этот раз.

Часто в кругу родных и друзей ученый шутил, что он счастливчик: уже дважды обманул смерть — в 1939 и 1948 годах. И живет, вопреки предсказаниям врачей, сверх положенного ему срока.

Ректорство пришлось оставить и перейти доцентом на кафедру зоологии позвоночных. В 1952 году Александр Ильич стал заведовать кафедрой. Теперь, так он полагал, целиком отдаст свое время студентам и исследованиям.

А. И. Букирев продолжал дело, начатое его товарищем и другом профессором М. И. Меншиковым по изучению рыб и рыболовству водоемов Пермской области и Сибири.

В 1953—1954 годах ему наконец-то удалось обнаружить в бассейне Камы ручьевую форель. Она была известна около ста лет назад, но в последние десятилетия ее никому не удавалось обнаружить, и существование этой рыбы подверглось сомнению. Оказалось, что форель и ныне водится в реке Ирени, а в других водоемах, где встречалась ранее, уже исчезла.

Первыми и пока единственными являются работы А. И. Букирева по ископаемым рыбам бассейна Камы. Александр Ильич Букирев опубликовал тридцать семь работ, из них более двадцати пяти ихтиологических.

За заслуги в развитии науки, за многолетнюю безупречную работу и активную общественную деятельность А. И. Букирев в 1953 году был награжден орденом «Знак Почета». К боевым орденам добавился орден за отличие в труде.

Более четверти века Александр Ильич читал зоологические и специальные ихтиологические курсы, руководил работой ихтиологов в естественнонаучном институте при госуниверситете. Вместе с М. И. Меншиковым он подготовил около трехсот специалистов. Среди них есть доктора, кандидаты и сотрудники научно-исследовательских учреждений. Ученики двух верных друзей-ихтиологов работают почти на всех крупных водоемах Союза и участвуют в рейсах в дальние районы Мирового океана.

Александр Ильич обладал редким обаянием, пользовался огромной любовью студентов, имел много товарищей и друзей.

Восьмилетняя депутатская деятельность создала ему авторитет среди различных слоев населения. Из бывших учеников, аспирантов и студентов возник солидный коллектив, который трудится над изучением рыб новых водоемов области — камских водохранилищ.

Ректорат Пермского университета по заслугам оценил деятельность А. И. Букирева и представил его к званию профессора. В октябре 1962 года он был утвержден в этом звании.

Все, казалось, шло хорошо, но как-то не научился он отдыхать. И в отпуске приходилось работать. А рана после болезни так и не зарубцевалась, организм слабел. Теперь уж нельзя было надеяться на железное здоровье. Несмотря на неоднократные предостережения врачей, профессор упорно работал, не отдыхая даже тогда, когда болезнь задерживала его дома.

Летом 1964 года Александр Ильич опять тяжело заболел. Временами казалось, что надежд на хороший исход нет. Постепенно дело пошло на поправку, и можно было выйти на улицу. Но когда он говорил своим друзьям: «Сегодня, 23 августа, исполнилось двадцать пять лет со дня моего смертельного ранения, а я еще живу», — он уже был обречен. Через три дня его не стало.

Пуля, полученная в боях на Халхин-Голе, стала роковой для бывшего командира батареи 602-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии Александра Ильича Букирева. Это был настоящий человек — обаятельный, простой и скромный, отдавший все свои силы служению народу, Родине, которую он любил пламенно и нежно.

ПЕРВЫЙ БОЙ

На реку Халхин-Гол первый батальон 601-го полка прибыл в июле 1939 года. Николай Петрович Власов был тогда командиром третьего взвода и парторгом третьей роты этого батальона.

Личный состав батальона — народ надежный. Кадровых военных, правда, было немного. Но остальные ежегодно призывались на сборы в лагеря и азы военного дела знали неплохо.

Остался позади долгий путь через всю страну, легли вокруг незнакомые, непохожие на привычные прикамские места земли. Жаркое, изнуряющее солнце висело над пустынной равниной, над голыми холмами. Ни дерева, ни кустика — один высохший бурьян шумел под ветром да лениво перекачивался песок.

Батальон шел к месту назначения. Солдаты на ходу совершенствовались в военной науке. Каждый привал, каждую свободную минуту использовали для этой цели. На долгих стоянках учились окапываться, стрелять из ручных и станковых пулеметов, пристреливали винтовки.

Оттачивали свое оружие и политработники. Вели беседы — индивидуально, повзводно, поротно. У Николая Петровича Власова был немалый опыт: член партии с 1931 года, он работал инструктором горкома ВКП(б), в последние месяцы был партследователем при Пермском обкоме партии. На привалах солдаты внимательно слушали рассказ о свободолюбивом народе Монголии, об истории этого государства, о национальных традициях монголов, так не похожих на наши. Политруки говорили: мы пришли в эту страну друзьями и защитниками и обязаны уважать ее законы и обычаи.

Беседы рождали в сердцах воинов чувства справедливого негодования, ненависти к захватчикам, посягнувшим на землю монгольского народа, на его независимость.

Первая встреча с врагом произошла в начале июля 1939 года при переправе через Халхин-Гол. Круглые сутки реку держала под обстрелом японская артиллерия, бомбила авиация. Но не зря наши бойцы использовали любую возможность надежно подготовиться к военным действиям. Первый батальон переправился через реку без потерь.

Недолгий переход — и вот батальон на передовой. Всего триста метров отделяли советских воинов от вражеских позиций. Японцы закрепились на вершине сопки, откуда хорошо просматривалась и великолепно простреливалась вся местность. Наши бойцы вкапывались в желтую скудную землю, ругали беспощадное солнце. Расположение оживало только с наступлением темноты.

Первые же дни на Халхин-Голе изменили армейскую судьбу Николая Петровича. Произошло это так: когда третья рота прибыла на передовую, комроты капитан Чернышев вызвал парторга Власова и политрука Бухаева и предложил им осмотреть позиции. Офицеры шли вдоль передовой. Раскаленный воздух прошивали снаряды и мины противника — вражеские минометы и пулеметы устраивали «крещение» пришедшему батальону.

Во время этого обхода комроты капитан Чернышев получил тяжелое ранение в живот. Его тут же госпитализировали в тыл, и в роту он больше не вернулся.

Спустя некоторое время начальник штаба батальона старший лейтенант Булавский подписал приказ о назначении нового командира роты. Этим командиром стал Власов.

Противник занимал стратегически выгодные позиции — он укрепился на возвышенности, местность была хорошо пристреляна им. Наступили нелегкие дни для наших бойцов. И тут на помощь приходило вдохновляющее слово коммунистов.

В роте ежедневно проводились беседы, политинформации. Выходили «боевые листки», их читали, собравшись в кружок. Вместе читали письма из дому. Казалось, листки хранят тепло родных рук, запахи леса, скошенных лугов, тихих уральских рек. С тоской по дому росла ненависть к японским захватчикам.

По соседству располагалась 6-я монгольская кавалерийская бригада. Ее бойцы, не зная нашего языка, легко сошлись с советскими воинами. В часы затишья они ходили друг к другу в гости, присматривались к распорядку в дружественных армиях. Наш порядок, судя по всему, монголам нравился: и дисциплина, и доброжелательность, и обеды, которыми нередко угощали их наши солдаты.

Такие встречи укрепляли стремление выполнить клятву, данную еще на родине: защищать границы МНР, как свои, родные. В роте Власова заведен был строгий порядок — обязательные обсуждения прожитого дня и планов на завтрашний, политинформации, просто душевные разговоры. Командир и политруки понимали, как важны такие минуты для бойцов, выполняющих воинский долг далеко от родной земли. Особенно любили бойцы, когда к ним приходил младший политрук Мамонтов. Он умел найти путь к сердцу каждого. Воины с нетерпением ждали приказа о наступлении.

Н. П. Власов должен был на этот раз впервые вести роту в бой уже не как парторг, а как командир. Перед наступлением он провел совещание с коммунистами и комсомольцами роты. Политрук Р. Д. Бухаев рассказал бойцам о задачах и значении наступления.

Первый бой надолго запомнился Николаю Петровичу, впрочем, как и все, что происходило в то жаркое лето 1939 года на далекой реке со странным именем — Халхин-Гол. Потом эти события стали историей, вошли в учебники, и название Халхин-Гол, овеянное боевой славой, стало символом бесстрашия, мужества и верной дружбы двух свободолюбивых народов.

А в тот памятный день гудела от взрывов снарядов и авиабомб сухая монгольская степь: обе стороны использовали и авиацию, и артиллерию. Японцы ожесточенно оборонялись.

В этом бою комроты Н. П. Власов получил ранение. Его ранило осколком — было задето горло, и с поля боя командир на танкетке был отправлен в медсанбат соседней части. Пробыл он там двенадцать дней и, едва подлечившись, снова вернулся в свою роту.

Он привык к бойцам, любил их и гордился ими. Н. П. Власов уважал в них боевой дух, верность воинской присяге, железную дисциплину и бесстрашие в бою. Это

проявилось в первые же дни — на переправе, в окопах.

Советская армия, существовавшая к тому времени уже двадцать лет, умела так готовить кадры, что люди, прошедшие службу и сборы в летних лагерях, попав в самое пекло войны, показали себя настоящими героями.

Воины знали точно: захватчики все равно обречены на поражение. Выросшие и воспитанные в справедливейшей из стран, советские бойцы верили в это, а комроты Н. П. Власов и политруки всеми доступными средствами поддерживали в них эту веру. О храбрости и находчивости наших воинов свидетельствует, например, такой факт.

В середине августа, на рассвете на участке третьей роты японцы организовали наступление. Оживление на линии врага первым заметил командир взвода И. В. Ячменев и поднял тревогу. Подпустив врага поближе, батальон встретил японцев ураганным огнем пулеметной роты и минометной батареи. Не ожидая такого быстрого отпора с нашей стороны, надеясь на поддержку артиллерии, японские солдаты растерялись, и наступление было остановлено. Враг понес значительные потери.

В августе советско-монгольское командование решило прорвать оборону противника с флангов, взять врага в клещи, разъединить по частям и уничтожить. Наступлением руководил командующий 1-й армейской группой комкор Г. К. Жуков.

Бойцы третьей роты с нетерпением ожидали боя. Знали — это будет час расправы с захватчиками.

В роте и взводах горячо обсуждалось обращение командования 82-й стрелковой дивизии ко всем бойцам, командирам и политработникам. В беседах особенно подчеркивалась напряженность международной обстановки, разъяснялась важность предстоящего наступления. Советские бойцы знали о победоносных боях родной армии у Хасана, Баин-Цагана, и еще очень хорошо знали они высокую цену свободе, знали, что сражаются за счастье братского народа. Решимость, с которой готовились к боям советские воины, росла с каждым днем, поднимая их боевой дух.

18 августа 601-й стрелковый полк был переброшен на левый фланг фронта, а вечером следующего дня, укрепленный артиллерией, батальоном танков и авиацией, он занял указанные позиции в нескольких километрах от

переправы через реку Халхин-Гол. Отсюда начался прорыв и окружение противника.

Всего несколько дней оставалось до решающего боя, до полного разгрома врага. Но Н. П. Власову не пришлось увидеть это сражение.

27 августа 1939 года, в одном из боев за взятие сопки, командир третьей роты Н. П. Власов был тяжело ранен в ногу, и в то время как его бойцы продолжали дальнейшее наступление, санитарная повозка везла его в тыл, в госпиталь.

Николай Петрович рассчитывал, подлечившись, вернуться в строй, но ранение оказалось серьезным — был поврежден нерв, и бывшего командира и парторга ждала не боевая жизнь в родной роте, а долгие месяцы скитаний по госпиталям, нестерпимых болей, надежд и разочарований.

И самое обидное — в воинских документах появились безжалостные слова: «Годеи к нестроевой».

Прошли годы. Время стерло из памяти многие незначительные даты и события тех лет. Но как одну из самых дорогих наград до последних своих дней хранил Николай Петрович медаль с нерусской, но понятной чеканкой — «Халхин-Гол».

ТАНКИ ИДУТ В БОЙ

— Расскажите о боях на Халхин-Голе, о том, как вы воевали, — попросила я Ивана Григорьевича Дружинина при встрече.

— Халхин-Гол, — задумчиво произнес он. — Давно это было. Мне тогда шел двадцать пятый год. Много времени прошло с той поры, но первые бои особенно памятные. Напоминает мне о них и ранение, полученное в схватке с врагом.

Он на мгновение задумался, как бы размышляя, с чего начать, а затем я услышала рассказ ветерана о том, как советские воины, верные своему интернациональному долгу, пришли на помощь дружественной нам Монгольской Народной Республике, храбро защищали ее границы от японских милитаристов.

1939 год. Халхин-Гол. Звонкое, как переплеск воды, слово тревожно звучало по радио, часто слышалось в разговорах, не сходило со страниц газет. На берегах этой далекой реки шли тогда жестокие бои.

Сражалась там и 82-я стрелковая дивизия, сформированная на Западном Урале. Иван Григорьевич Дружинин был командиром танка Т-26 отдельного танкового батальона.

...Эшелон, груженный техникой и людьми, вот уже которые сутки шел на восток. Мимо проносились незнакомые города, полустанки, разъезды. Иногда поезд останавливался на станциях, и на перроне становилось тесно от людей в серых солдатских шинелях. Был среди них и Иван. После долгого пребывания в вагоне хотелось поразмяться, вдохнуть свежего воздуха.

По ночам же, когда вагон затихал и колеса монотонно стучали на стыках рельсов, ему вспоминался родной завод имени В. И. Ленина, где он работал сначала токарем, затем сменным мастером. Отсюда его и призвали на военные сборы, объявив срок — девяносто дней.

Он не был кадровым военным. Срочную отслужил младшим командиром, возглавлял экипаж танка. Поэтому на сборах он сначала занимался с рядовым составом, обучая новичков искусству вождения танка.

Затем были, казалось, обычные полевые занятия в лагерях. А вскоре они получили новое обмундирование, дополнительную технику, и вот... долгий путь на восток.

В разговорах между собой предполагали, что едут на совместные учения с соседними танковыми частями. Но оказалось не так. Давно остались позади могучие сибирские реки, сверкнул изумрудными красками величавый Байкал, а поезд все шел.

Остановились в Чите. И здесь из газет, купленных в привокзальном киоске, узнали, что японские милитаристы нарушили государственную границу МНР. Сомнений не оставалось — уральцы шли на помощь друзьям.

За Читой железнодорожная ветка расходится. Поезд, набрав скорость, направился к югу. В вагоне было шумно. Все обсуждали происходящие события, вспоминали, что сообщали газеты о японской армии, гадали, каковы они в бою — эти японцы...

Паровоз, спуская пары, замедлил ход, а потом и совсем остановился. Разговоры смолкли. Все как-то внутренне напряглись в ожидании, к чему-то прислушиваясь.

С минуту простояли в полной тишине. Дружинин выглянул из вагона. В едва различимой темноте разглядел только штабеля шпал возле путей. Больше ничего вокруг не было.

Тишину нарушило протяжное «Вы-гру-жайсь!», доносившееся от головного вагона. И тотчас же вокруг зашевелились, задвигались. Все бросились к своим машинам, стоящим на платформах. Быстро сняли чехлы с танков, из шпал сделали спуски для машин. Вскоре техника была выгружена и приведена в готовность. Потом — короткий перекур и звучная команда: «По машинам!» Разом взревели моторы, колонна вышла на марш.

Всю ночь шли параллельно границе. С рассветом остановились в небольшой ложбинке, укрытой со всех сто-

рон сопками. Отдохнули у колодца с водой, проверили технику. А вскоре поступило распоряжение — всем экипажам получить боеприпасы для пулеметов и пушек, установленных на танках, личное оружие. Рядом была граница МНР, которую теперь предстояло пересечь танкистам.

Перед выступлением комиссар батальона провел короткий митинг. Он рассказал воинам о международной обстановке, о роли советских войск, прибывших на помощь братскому монгольскому народу, напомнил о воинском долге каждого из них. В ответных словах солдаты и офицеры клеймили японских милитаристов и обещали защищать границы Монголии до последней капли крови. Затем командир батальона поставил перед танкистами ближайшую задачу — в короткие сроки без поломок провести боевую технику в район боевых действий на реке Халхин-Гол.

По сигналу красной ракеты начался многодневный переход по бескрайним степям Монголии.

Шли с короткими перерывами — круглые сутки. Днем нещадно палило солнце: так, что броня становилась горячей. Воздух в кабине нагревался настолько, что трудно было дышать. Уральцам, не привыкшим к такой жаре, все время хотелось пить. Порой жажда была нестерпимой. А по ночам впору было одеваться потеплее, настолько они здесь холодные.

— Ничего, ребята, — подбадривал свой экипаж Дружинин, — закалимся, как сталь. Хотя не такая уж это и жара. Вот когда начнем бить этих непрошенных гостей, тогда действительно жарко будет.

А экипаж танка — народ молодой, на шутку отзывчивый. Да и командир подает хороший пример. Все они примерно одного возраста, все комсомольцы. В памяти остались только их фамилии. Так чаще всего приходилось обращаться друг к другу по уставу: старший механик-водитель Истратов, младший механик-водитель Туоров, заряжающий Багазов. Ребята боевые, отчаянные. С ними прошел через все бои на Халхин-Голе командир танка И. Г. Дружинин.

Без аварий и поломок боевой техники достиг батальон исходных позиций. То, что прибыли на передовую, поняли по звукам артиллерийской стрельбы, по воздушным боям, то и дело происходившим над головой.

А однажды над нашими укрытиями появился вражеский самолет-разведчик. Он зашел с другого берега, с японской стороны, и был хорошо виден в безоблачной синеве неба.

— Вишь как свободно ходит. Вот бы полоснуть по нему, — вполголоса рассуждали бойцы. — Такая мишень. Да нельзя. Нельзя выдать противнику своего присутствия. А он пошел на хитрость. Сбросил пачку листовок. Поблескивая на солнце, они медленно оседали в степи. Думал враг, что не поймут обмана, бросятся подбирать. Но кругом все было тихо и спокойно. Выпустив для верности несколько пулеметных очередей по нашим позициям, самолет развернулся и медленно, чуть покачивая крыльями, ушел к своим.

Противник располагался на восточном берегу реки. Берег был пологим, местами болотистым, а дальше поднимались сопки. Вот в них-то и окопался враг. В предстоящем штурме вражеских позиций помочь стрелковым частям было приказано батальону уральских танкистов. Для этого им предстояло форсировать реку Халхин-Гол. А сделать это было нелегко: днем к переправе не подойти — японцы беспрестанно бомбили и простреливали ее. Танкисты с большими трудностями переправились ночью и с рассветом заняли указанный рубеж.

В батальоне провели партийные и комсомольские собрания. Воины готовы были до конца выполнить свой долг. И это они доказали в бою.

С первыми лучами солнца началось наступление. Противнику хорошо были видны наши подразделения, движущиеся по равнине. Шквальный огонь полоснул по рядам наступающих. Били из минометов, пушек, пулеметов. Метко посланный вражеский снаряд угодил в командирский танк. Он круто развернулся и замер. И тогда танковый взвод возглавил И. Г. Дружинин.

Ободренная активной поддержкой артиллерии, в атаку бросилась вражеская пехота. Их было много — японских стрелков. Они яростно шли вруклопашную. И кое-где начали теснить наших.

Быстро оценив всю сложность обстановки, Дружинин приказал своему механику-водителю выдвинуть танк вперед. Так, чтобы обзор вражеских порядков был больше и лучше. И затем дал команду ударить из пушки осколочными. Семь снарядов подряд, мастерски выпущен-

ных в цель, сделали свое дело. Волны атакующих откатились.

Но ненадолго. Четыре контратаки японцев выдержали наши подразделения в тот день. Бой затих только к вечеру, когда непроглядная ночь вступила в свои права. Теперь приходилось отбиваться от комариных атак. Комаров на реке было великое множество, и они немало досаждали советским бойцам.

Укрепившись на правом берегу, танкисты получили приказ: активных боевых действий не вести, перейти к обороне и во что бы то ни стало удержаться на занятых позициях.

Противник, очевидно накапливая силы, изредка предпринимал атаки, но безуспешно. Прорваться на другой берег он не мог, переправу же постоянно держал под огнем. Днем она была видна японцам как на ладони. Засев в сопках, они простреливали ее настолько метко, что нельзя было близко подойти к реке в этом месте. А ночью град осветительных ракет висел над переправой. И это очень мешало нашим войскам.

Положение танковых рот на правом берегу было не легким. Оторванные от основных сил, они не получали регулярно подкрепления и продовольствия. Особенно плохо обстояло дело с водой. Расстояние до реки не близкое, да и пить речную воду было опасно, а подвезти ее с другого берега не было возможности. И когда какому-нибудь броневику удавалось проскочить к танкистам, они брали воду из радиатора машины. И чтобы хватило всем, пили ее по договоренности большими или маленькими глотками.

Они не утоляли жажды — эти капли воды, когда целые дни над головой висело раскаленное солнце, а каменистые сопки и песок, казалось, дышали жаром. Тем мучительнее было видеть рядом реку и не поддаться искушению напиться из нее. Но бойцы выстояли, выдержали и это испытание.

Коммунисты и комсомольцы поддерживали боевой дух экипажей. Особенно трудно было молодым, но тут на помощь приходили старшие боевые товарищи. И несмотря на создавшееся положение, рота твердо стояла на занятых рубежах, отбивая атаки врага.

Почти неделю удерживали танкисты важный плацдарм. А потом началась перегруппировка наших сил по

всему фронту, подвоз боеприпасов. Стало ясно, что готовится генеральное наступление.

20 августа, рано утром, начался штурм вражеских укреплений. Разом открыла по ним огонь наша артиллерия, самолеты бомбили их сверху. Танковый батальон прокладывал путь пехоте. Находясь ближе всех к противнику, танкисты первыми ринулись в бой.

Жестоко оборонялся враг. Потеря важных позиций прозила ему поражением. Под ураганным огнем наша пехота не могла пробиться к сопкам, и тут вся надежда была на танкистов.

В тучах пыли и дыма утонули сопки. Трудно было различать цели, и только по ярким всплескам огня можно было определить, где засел враг.

Танк Дружинина находился в центре наступающих, там, куда противник сосредоточил основной огонь. Казалось, что в этом огненном пекле невозможно уцелеть. И немало бойцов погибло в этом бою. Но машина Дружинина упорно шла вперед.

На подступах к сопкам огонь врага стал настолько плотным, что пехота вынуждена была залечь. Хорошо укрепленный огневой дзот на сопке долгое время не давал пехотинцам подняться с земли. Дружинин получил приказ выдвинуть свой танк вперед боевых порядков пехоты и прицельным огнем уничтожить беснующуюся проклятую точку.

В этом поединке экипаж танка вышел победителем. Путь к сопкам был открыт.

Ивану Григорьевичу не довелось увидеть победного конца наступления и полного разгрома врага. Тяжелое ранение надолго вывело его из строя. Медалью «За отвагу» в том бою отмечены мужество и храбрость командира танка Т-26 И. Г. Дружинина.

В боях на Халхин-Голе танкисты всегда были на самых трудных участках фронта. От их действий во многом зависел успех наступления и, в конечном итоге, — свобода братской страны.

Об этом помнит монгольский народ. Юбилейной медалью Монгольской Народной Республики награжден И. Г. Дружинин в день тридцатилетия разгрома японских войск на реке Халхин-Гол. Не забыты и другие ветераны.

Крепнет дружба двух народов, скрепленная кровью в те далекие годы.

В годы Великой Отечественной войны Ивану Григорьевичу не пришлось встретиться с врагом на поле битвы. Он работал на своем родном заводе имени В. И. Ленина. Орденом «Знак Почета» и медалью отмечены его славные дела на трудовом фронте.

Персональный пенсионер, член Пермского областного совета ветеранов войны и совета ветеранов комсомола Иван Григорьевич Дружинин ведет большую общественную работу, принимает активное участие в воспитании подрастающего поколения. Он часто беседует с молодыми рабочими, школьниками. Рассказывает о героических днях, о мужестве и стойкости наших бойцов. Ребята слушают рассказы ветерана, и перед ними встают картины отгремевших боев, незнакомая река Халхин-Гол. На ее берегах по весне расцветают огненные жаркий, красные маки и лилии. Они алеют как капли крови, пролитой когда-то здесь во имя свободы, мира и дружбы.

ПАМЯТЬ НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Давным-давно это было, а в памяти до сих пор те события держатся. Видимо, потому, что это были первые в моей жизни бои и мне, пулеметчику, довелось брать на мушку не фанерную мишень на стрельбище, а реального противника, который яростно огрызался, и под его огнем гибли мои товарищи по оружию.

Мы, советские люди, в те предвоенные годы жили в каком-то постоянном ожидании, что рано или поздно нам придется скрестить оружие с врагами нашего Отечества. А они были и на западе и на востоке. Морально к выполнению своей священной обязанности мы были подготовлены. И то, что в Конституции нашей записано о защите Отечества как о священной обязанности каждого гражданина Страны Советов, было сказано не для красного словца. Это вошло в нашу плоть и кровь. Таковыми воспитала нас Коммунистическая партия.

Думая обо всем этом, я часто вспоминаю свое детство. Сын крестьянина-бедняка, я с ранних лет познал, что такое нужда. В 1914 году отца забрали на войну с германцами. Возвратился он с фронта, и тут революция произошла, Советская власть установилась. Только было воспрянули духом, как нагрянули колчаковцы. Отца ископировали шомполами за то, что секретарем комитета бедноты был. А в мае 1919 года угнали отца с подводой, так он и сгинул где-то в чужих краях. Осенью от тифа мать скончалась. Остался я, пятнадцатилетний парнишка, с малыми сестрами на руках. Так вот и начал самостоятельную жизнь, добывая кусок хлеба и себе, и сестрам.

В 1926 году ушел служить в Красную Армию. Здесь и получил главное направление в жизни. Три года служил

в армии, там же в 1929 году стал коммунистом. Возвратился домой, и избрали меня председателем сельсовета. С той поры и работал на выборных должностях: секретарем партячейки, председателем сельсовета, председателем колхоза, заместителем председателя райисполкома. Участвовал в создании колхозов. Не раз бывал «на мушке» кулацкого обреза, только стрелки были неважные, — жив остался.

Говорю я обо всем этом для того, чтобы поняли меня нынешние молодые люди правильно: в тридцать девятом на Халхин-Голе я сражался за родную Советскую власть, а заодно, как и мои боевые товарищи, помогал монгольским братьям отстоять честь и свободу своей страны от посягательств японских милитаристов.

Делом нашей чести было прийти на помощь стране, которая пробуждалась к новой жизни под влиянием Октябрьской революции. С этими мыслями мы и пришли на Халхин-Гол.

Поскольку я проходил кадровую службу и был знаком с пулеметным делом, доверили мне командовать пулеметным взводом. А случилось это после того, как в один и тот же день оказались ранеными командир взвода Демин и его помощник Бочкарев.

После первых боев мы расположились на одном из барханов. От трудящихся Пермской области привезли нам подарки. Вручал их комиссар 602-го полка Н. В. Беляевских. Назвал он и мою фамилию, пригласив для вручения подарка. При этом комиссар сказал:

— А ну-ка, где Килин, наш заядлый пулеметчик?

Мне немного даже обидным показалось, что комиссар окрестил меня так. Ведь «заядлых» у нас было много: и артиллеристов, и пехотинцев, и многих других. Но, конечно, приятно было получить дорогой сердцу подарок: помнят, значит, нас на далеком Урале. Вроде как бы сил добавилось после этого, больше злости к лютому врагу появилось.

Командиром роты был Н. П. Ротовский. В боях за сопку Песчаную он стал уже командиром батальона 602-го стрелкового полка. Настроение у нас боевое, рады, что бьем врагов. И как тут не спеть, сама душа просила затянуть нашу раздольную, русскую. Вот мы с А. А. Куртагиным запели «Дайте в руки мне гармонь...» Услыхал нашу песню комбат, замечание сделал: вроде

непорядок и не время, да и враги под носом, ослабление бдительности.

И верно, японцы вдруг пошли в контратаку. Так что не допели мы эту песню, слилась она с голосистой скороговоркой моего «максима». Нажимал я на гашетку, а сам уже сквозь зубы допевал незаконченный куплет. А Ротовский только головой покачал: «Вот, мол, какой отчаянный этот народ, пулеметчики. Ну, смотрите у меня! Песня песней, но не прокараульте следующую атаку».

Взвод наш прикрывал стыки 602-го и 603-го полков. Очевидно, чтобы было легче управлять пулеметчиками или по другой какой-то причине, но нас вскоре передали в 603-й полк. Помню, на нашу огневую пришел майор Заиюльев, командир этого полка. Решил, видно, познакомиться с нами. Обратился майор ко мне:

— Как зовут?

— Килин, — отвечаю, — командир взвода.

— Звать как?

С чего это новый командир имя мое хочет знать? Не по-уставному вроде получается. Но назвался я: Александром Ивановичем, говорю, зовут меня. Он тут же сказал:

— А меня Николаем Николаевичем зовут. Вот и познакомились.

Протянул руку, и мы обменялись крепким рукопожатием. Мне такое обращение майора понравилось. И в самом деле, мы же люди одного воинского братства, товарищи. Возможно, в бою мне доведется жизнь его оборонять или наоборот. Вот такая товарищеская близость бойца и командира очень важна на войне.

Наше знакомство с командиром полка подбодрило пулеметчиков. Незадолго до генерального наступления это было.

И вот полк поротно и побатальонно под разрывами шрапнельных снарядов начал переправу через Халхин-Гол, чтобы занять более выгодные позиции. Правда, нашему взводу в первый же день не давал покоя вражеский снайпер, засевший с автоматической винтовкой в надежном укрытии, всего метрах в двухстах. Ему удалось ранить нескольких наших бойцов, а троих убить. Под прицельным огнем он держал тропинку, которая связывала огневую со штабом.

Только на третий день утром обнаружил я его по

чуть-чуть заметному дымку от выстрелов (рановато он начал охотиться за нами: утренний воздух был влажным, и дымок не так быстро рассеивался).

Ну, думаю, из пулемета тебя не возьмешь. Дай-ка я попрошу артиллеристов разнести гнездо — действовали мы на этом участке совместно с расчетом 45-миллиметровой противотанковой пушки. Со второго выстрела из пушки гнездо уничтожили. Один из вражеских стрелков был убит, а второго, раненного, мы забрали в плен. Он и плевался, и пытался кусаться, и много раз с носилок сваливался. Пришлось привязать его к носилкам и в таком виде доставить в штаб. А там язык был очень нужен.

В ходе боев за сопку Зеленую наш пулеметный взвод вместе с полувзводом стрелков и 45-миллиметровой пушкой ночью выдвинулся почти в тыл противника. На рассвете мы заняли огневые позиции. Вскоре, не подозревая о нашем присутствии, появилась колонна противника. Ложиной двигалась уже вторая ротная колонна. Кто-то из наших стрелков справа не выдержал и выстрелил.

В тот же миг в японской колонне послышалась дробь барабана — сигнал для развертывания атаки. (Барабан в японской армии сохранился с незапамятных времен. Может, на него они возлагали большие надежды? Или думали психологически воздействовать на нас?). Пришлось чуть-чуть досрочно «забарабанить» нашим «максимам». Хвост японской колонны, не вышедшей еще из ложины, развернулся в цепь, но голове колонны уже было «некогда» делать этого, и она залегла под огнем трех наших пулеметов. Не знаю, сколько мы уложили японцев в той ложине, не считали. Только досталось им от нашего пулеметного огня порядочно.

Когда поддерживали атаку пехотинцев на сопку Песчаную, нам приказали сменить огневую позицию. Признаться, наша огневая, расположенная на одном из барханов, левее Песчаной метрах в двухстах, по моему убеждению, была просто отличной. Из ложины же, куда было приказано переставить пулеметы, чтобы поддержать атаку стрелков, огонь по Песчаной вести было неудобно. Но приказ есть приказ, и надо сообразить, как его лучше выполнить.

Юркнул я в кучи перекаати-поле, за мною М. Васев, И. Шадрин — вторые номера. Подготовили ячейки себе,

площадки для пулеметов, отрыли два промежуточных окопчика для подносчиков патронов. По-пластунски ползли мы на новую огневую, толкая впереди себя пулеметы. Замаскировались.

Вскоре был дан сигнал поддержать атаку стрелков. После первой же очереди противник, конечно, обнаружил нас. Да и невозможно было не заметить наши пулеметы, расположенные под самым носом, в каких-нибудь ста пятидесяти метрах от него.

Японцы обрушили на нас сильный огонь. По первому пулемету, как я заметил, строчили сразу два вражеских пулеметчика. Двух наших бойцов ранили, а Касьяна Хомякова убили.

Кинулся я к замолкшему «максиму». Некогда оттащить мертвого товарища, пришлось лечь на него. («Ты уж прости меня, браток, что так вот я обошелся с тобой... Бой идет....» — извинился я мысленно перед павшим товарищем.) Падая за пулемет, приметил, что лента в приемнике еще не кончилась. Быстро поставил нужный прицел, нажал на гашетку. Выпустил очередь по одному, затем по второму вражескому пулемету. Замолчали они. После боя похоронили мы Хомякова в монгольской степи со всеми воинскими почестями.

До наступления темноты противник вел себя тихо. Поступил приказ вернуться нам на прежнюю огневую позицию. Пользуясь темнотой, я решил подползти к вражеской траншее. Несколько минут слушал приглушенное талалакание на чужом языке. Затем приподнялся на колени и метнул в траншею пару гранат. И тут началось такое, что небу стало жарко. От пуль и осколков меня надежно укрыла воронка от снаряда.

Товарищи, конечно, меня не ждали. Но через час, как раз в разгар ужина, я появился, и без единой царапины. Вот уж обрадовались пулеметчики!

Дня через два-три полк очистил Песчаную от японцев. Пулеметный взвод, выполнив задачу в соседнем полку, уже возвратился в свой батальон. Командир батальона капитан Ротовский приказал мне оставить при пулеметах по два бойца, а остальным присоединиться к атаке стрелковых рот.

Обходным маневром провел я своих бойцов к вражеским траншеям. Забросали мы их гранатами, а потом бросились врукопашную. Тут в ход пошел и штык, и при-

клад. Добравшись до пулеметного гнезда, я уничтожил его гранатой...

После этого были бои за сопки Лысая, Голая и Верблюды. Жаркий был бой за сопку Ремизова. И снова траншеи, блиндажи, рукопашные схватки..

Бои на Халхин-Голе не были для меня последними в жизни. На долю моего поколения выпало сражаться и с гитлеровцами.

В Отечественную войну я командовал пулеметным взводом. Дважды был ранен. Первый раз в районе Горохова на Буге, когда на двух пленных гитлеровцах «приехал» в санвзвод. Другой раз в ночном бою в городе Глогау — на этот раз врачи полгода латали мою грудную клетку. После демобилизации работал в местных Советах, в колхозах.

В сентябре шестьдесят пятого ушел я на заслуженный отдых. Но и сейчас не хочется мириться с этим... Сердце просит дела. А его у нас — горы.

«ОГОНЬ НА СЕБЯ!»

Это был незнакомый, непривычный для уральцев край. Ровные-ровные, как будто кем-то специально выутюженные степи. Песчаные сопки, похожие на огромные шатры...

Именно эти сопки и стали первым ориентиром для артиллеристов батареи старшего лейтенанта Корсакова. Там, у подножия песчаных шатров, засели враги.

— Нам предстояло вести разведку боем, — рассказывает Андрей Никитович. — То есть вынудить противника на ответный огонь и определить местонахождение его укреплений.

В первый же день боевых действий Корсаков столкнулся с довольно неожиданной проблемой. Снарядов на боевые позиции подвезли крайне мало.

Выручил командир занимавшего здесь оборону стрелкового батальона.

— Нам минометы дали и к ним мин сколько хочешь, а артиллеристов нет, — посоветовал он.

Первая мина легла где-то далеко в стороне от японских окопов. Прежде чем сделать новый выстрел, провели тщательную корректировку, еще круче поставили короткий минометный ствол. И... над линией обороны противника взметнулись в воздух тряпки, обломки дерева, кучи земли.

Так почти месяц и действовала батарея Корсакова. То из своих орудий огонь ведет, то из «подшефных» минометов.

20 августа 1939 года началось генеральное наступление. Воинские соединения, расположенные справа и слева от 82-го артполка, должны были взять в кольцо

вражескую группировку. А артиллеристам была поставлена задача сильным огнем поддерживать прорыв, не давать врагу подтянуть подкрепление.

Как только кольцо сомкнулось, оказалось, что остались артиллеристы «без работы». Снаряды могли задеть своих. Пришлось перебраться вперед, к оставшимся за линией окружения войскам.

На участке, который заняла батарея Корсакова, противник попал «богатый». С наблюдательного пункта старший лейтенант смог быстро найти цель — целый городок складских помещений.

Открыли огонь. Почти сразу же гигантским фейерверком взметнулись вверх два складских корпуса. Японцы попытались было ответить огнем зенитной батареи, но артиллеристы нащупали и ее.

И тогда враг бросил против артиллеристов главные силы. Корсаков увидел в бинокль, что идущие в полный рост солдаты одеты в особую форму, — вероятнее всего, курсанты офицерской школы.

Они шли по степи, как по парадному плацу. А приблизившись к боевым порядкам нашей пехоты, открыли ураганный огонь из винтовок и пулеметов.

— Командир, десантники отступают! — прокричал кто-то рядом с Корсаковым. Но тот и сам видел, что под давлением превосходящих сил противника занимавшая вместе с нами оборону рота десантников начинает отходить.

Наблюдательный пункт артиллеристов остался единственным заграждением на пути наступающих. Вот до них осталось двести метров, сто пятьдесят... Корсакову показалось, что он четко видит лицо каждого японца, словно они здесь, рядом, в нескольких метрах...

— Передавай: огонь на наблюдательный пункт! — крикнул он радисту. — Огонь на нас...

Словно смерч пошел по степной равнине. Столбы песка взметались в воздух и, казалось, не успевали опадать.

Нервы наступающих не выдержали. Один, другой, третий, а за ними и все оставшиеся в живых японцы повернули назад, оставляя буквально в нескольких шагах от наблюдательного пункта трупы своих товарищей.

Тот день стал для Корсакова как бы крещением на смелость. Позднее не раз ему приходилось быть и не в таких переделках. Под Москвой и на Курской дуге, при освобождении Львова и Польши возникали ситуации, что,

казалось, только чудом оставался в живых. Но он считает: именно это «огонь на себя!» помогло ему дойти до стен Берлина, вместе с другими воинами 6-го механизированного корпуса салютовать в освобожденной Праге.

За тот бой уже год спустя, осенью 1940 года, принимал Корсаков в Кремле из рук Михаила Ивановича Калинина свою первую награду — орден Красной Звезды.

НАШ АГИТАТОР

Об агитаторах писать нелегко. Наверное, потому, что качество их работы определяется, в конечном счете, качеством работы всего подразделения. В самом деле, может ли так быть: агитатор, пропагандист хорош, а подразделение со своими задачами еще не справляется? Конечно, может. Значит, работа пропагандиста пока еще не доведена до конца. Но плоды ее зреют, растут и непременно порадуют всех! Нелегкое дело — найти нужные слова, правильный подход к людям, чтобы вместе с ними правильно оценить обстановку, дать событиям, поступкам каждого партийную оценку и определить путь для исправления положения.

Личный состав дивизии под руководством Военного Совета 1-й армейской группы во главе с Г. К. Жуковым, командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций сумел добиться успехов. В этом немалая заслуга наших пропагандистов и агитаторов. Вот таких, как Федор Некрасов.

Он строил свою работу вдумчиво и очень оперативно: знакомился с людьми, знал их нужды, желания, настроения, был в курсе событий на всех участках фронта. Ему всегда было известно, что нового применил в своей тактике враг.

Его слушали охотно — он доходчиво и просто отвечал на острые вопросы, никогда не пытался приукрасить действительность, был всегда с народом: в походе, на привале, перед штурмом и в атаке.

Мы воевали бок о бок с цыриками — воинами Монгольской народно-революционной армии. И Некрасов рассказывал слушателям о Монгольской Народной Рес-

публике, о первом в истории боевом содружестве двух братских армий, возникшем со времен гражданской войны, когда наша страна помогла им крепить новую в Монголии революционную власть. Агитатор знакомил воинов с биографией и боевыми подвигами Чойбалсана, рассказывал о гербе республики, на котором всадник скачет навстречу солнцу.

Некрасов успевал всюду. В то же время он упорно, настойчиво повышал свои военные знания — отлично освоил станковый пулемет. В подразделениях он проводил беседы с агитаторами, подсказывал им темы, советовал, как поднять действенность агитации, побуждал агитаторов быть примером в несении службы, в выполнении боевых заданий.

Дело агитатора — это его жизнь, его деяния. Федор Михайлович Некрасов старался, чтобы у него слова с делами не расходились. Он погиб в бою, когда вел бойцов в стремительную атаку. Он был впереди.

В мирное время Некрасов был очень далек от вопросов военного характера. Он заведовал кафедрой марксизма-ленинизма в Пермском государственном университете. Ему было куда проще разбираться в войнах справедливых и несправедливых, чем во взаимодействиях частей винтовочного затвора или пулеметного замка.

Но коммунисты в ответе за все. И за идейную вооруженность студентов, и за боевую готовность Родины. Поэтому вызов райвоенкомата для прохождения военной службы в 1939 году запасник Некрасов встретил как должное.

Отец Некрасова в самом начале гражданской войны добровольно ушел на фронт. Тверской рабочий-литейщик, коммунист, кто как не он первым должен был встать на защиту завоеваний Октября!

Жена, ткачиха со знаменитой «Пролетарки», провожала мужа внешне спокойная, хотя на сердце было совсем нелегко. Ведь на руках оставались пятеро ребят.

В памяти тринадцатилетнего Феди образ отца так и запечатлелся: в военной шинели с косыми петлицами-застежками («разговорами», как их называли) и в шишастом, аккуратно подогнанном шлеме с большой звездой. Отец, целуя жену и детишек, что-то наказывал, шутил. А потом пришла весть — пал Михаил Некрасов в бою за власть Советов.

...Минуло двадцать лет. Могучей державой стал Советский Союз, но не унялась злоба империалистов. И настало время Некрасову-сыну встать на боевую вахту, почетней которой нет.

1939 год. Военные лагеря встретили воинов неожиданным снегом, запахом хвои, зарослями малинового кустарника и учебой — напряженной и повседневной. Эта уральская весна пролетела стремительно, как стриж перед грозой у прикамского крутогорья.

Изо дня в день Федор осваивал военные навыки, изучал оружие, технику, воинские уставы, стал неплохо стрелять... Все это было непросто и давалось совсем нелегко.

А что касается политической работы в армейских условиях, так он был рожден для нее! Завидный дар агитатора, пропагандиста сказался быстро — редко кого слушали так внимательно. Он не только многое знал, но хотел и умел эти знания передать другим.

А жизнь торопила. События в Монгольской Народной Республике потребовали, чтобы дивизия приняла участие в защите дружественного монгольского народа от разбойничьего нападения японских милитаристов.

Переброска дивизии на восток проходила по тем временам быстро. И в различной обстановке: в эшелонах, на марше по бескрайним степям — не ослабевала политическая работа.

...Помнится короткий митинг в одном из батальонов, недалеко от Халхин-Гола. В небольшой ложине сидя и лежа расположились красноармейцы. Вечерело, тянуло речной свежестью. На востоке, у Большого Хингана, небо набирало темноту... Где-то погромыхивало — не то гром, не то пушки, не то бомбы.

У присутствующих немало вопросов: «Каков враг? В чем его сильные и слабые стороны?», «Где это и чьи бьют орудия?», «Как складывается боевая обстановка?»

Поднялся невысокий плечистый старший политрук с энергичным лицом, спокойным и даже веселым взглядом. Это Некрасов. Он начал разговор просто и даже как-то по-домашнему. Вроде не митинг в прифронтовой полосе, а беседа в цехе, в колхозной бригаде.

Он напомнил, зачем мы сюда пришли, какие задачи у дивизии, полка, батальона, у каждого воина. В чем особенности положения на фронте, каковы уроки опыта

бесстрашных танкистов комбрига Яковлева, стрелков майора Ремизова.

— Враг не прост, воюет умело. Нужны бдительность и воинское умение, чтобы его хитрые приемы нас врасплох не застали. Противника мы разобьем — сомнения нет! Но воевать, биться надо во всю силу и без промашки!

Старший политрук рассказал, чем были вызваны большие потери у полка, который первым, с ходу схватился с японцами на берегу реки, подробно остановился на тактике вражеских снайперов, на особенностях минометного огня противника...

Выступление пришлось воинам по душе: и трудности человек не таит, и подсказывает, как и что. А главное — дух поднимает! Агитатор помог взглянуть на себя со стороны, ощутить величие и благородство своего долга.

Его беседы запоминались. Они были наполнены фронтовыми эпизодами, фактами из жизни подразделений. Тут же был и литературный пример, данные из истории партии, гражданской войны, любопытная географическая справка, хорошая шутка.

Главные темы — о войсковом товариществе, о долге воина — подсказывались событиями тех дней. Агитатор умело сосредоточивал внимание слушателей и на задачах завтрашнего дня. Охотно помогали ему советами, пожеланиями, материалом начальник политотдела Работкин, старший инструктор политотдела Высотин, человек больших знаний и опыта, отзывчивый товарищ.

Дарование рассказчика, оратора, цепкий и наблюдательный ум — все это сочеталось у Федора Михайловича с готовностью постоянно учиться у других, совершенствовать свои умение и знания. Как-то он, восторгаясь, говорил:

— Представьте себе: степь, жара! И вот по дороге, хотя какая уж тут дорога, шагает взвод — связисты нашего Ширинкина. И не просто шагают, а подбирают шаг под гармонь, поют: «Оседлаю я горячего коня!» Да и как поют — ансамбль! Залюбовался и заслушался! И ведь не для кого-нибудь они все это делают, а для себя, от души! Чудесные люди. Не знаю, как там насчет «горячих коней», а воевать умеют: видел их под огнем. Вот у кого надо учиться бесстрашию, а у Степана Ширинкина — учиться воспитывать людей.

...Вот и ночь перед началом генерального наступления на неприятельские позиции, ночь на двадцатое августа 1939 года.

Приказ требовал: бойцам отдыхать. Но почти никто не спал: сколько времени ожидали этого дня, часа!

Было тихо и звездно, обычная монгольская ночь. Некрасов беседовал с красноармейцами. Он являл собой пример спокойствия, уверенности в победе, а дорога к ней — ой не легка!

Войскам предстояло взять сопку Песчаную. В тактическом отношении это была важная высота, к тому же отлично подготовленная к обороне и являвшаяся ключевой позицией в обороне противника. Занять ее — значит, во многом обеспечить успех общего, решающего штурма. А географически — это не просто сопка в привычном понятии, а целая группа больших, средних и малых возвышенностей — тоже сопки, высот, холмов.

В назначенный предрассветный час подразделение двинулось к Песчаной. Вместе со всеми был и Некрасов. Задача — быстро занять одну из больших высот. Успех подразделения позволил бы полку с рассветом, после авиационной и артиллерийской подготовки, осуществить задуманное командованием наступление.

С вражеской стороны не стреляли: то ли не заметили, то ли выжидали. Но через некоторое время огонь противника прижал наших людей к земле. Промедление грозило сорвать операцию, а это притормозило бы общее наступление на этом участке.

— Вперед! За Родину!

Некрасов и командиры стремительно рванулись к высоте. Федор Михайлович бежал, подбадривая бойцов.

Грохот и вой от взрывов гранат, визг осколков, вихри песка, крошево редкого кустарника.

Еще рывок. Вот и высота...

Одна из мин разорвалась прямо перед Некрасовым. Как бежал он навстречу врагу, так и упал головой вперед. Опаляющий жар сжег, обуглил до черноты лицо, десятки осколков впились в тело героя. Даже незатейливый жестяной портсигар (леденцовая коробочка, память о ребятишках) оказался пробитым осколками.

С чувством горькой утраты глядели воины на тело старшего политрука, павшего смертью храбрых.

Он, не задумываясь, отдал свою жизнь за народ, как

в свое время отец отдал свою в гражданскую войну. И, может быть, именно его образ мелькнул в последний миг в сознании сраженного взрывом нашего агитатора...

В легендах и песнях славит народ красноармейцев и цуриков, командиров и политработников, защитивших свободу и независимость Монгольской Народной Республики от японских захватчиков. В числе героев есть имя и Федора Некрасова, верного сына ленинской партии, храброго воина, посмертно награжденного орденом Красного Знамени.

БОВОЙ КОМИССАР

После неоднократных попыток, ценой больших потерь войскам японского генерала Камацубара удалось захватить часть монгольской территории по восточному берегу реки Халхин-Гол. Но враг был остановлен, и наступило затишье.

Это затишье угнетало наших бойцов и командиров. Они рвались в решительный бой. Пора, говорили они, очистить землю братского монгольского народа от наглых захватчиков. Время же решительной схватки тогда еще не наступило.

В тот напряженный момент, когда нервы были натянуты как струна, с особой силой проявилось мастерство, мужество и отвага наших политработников. Среди них больше всех запомнился мне комиссар Николай Лаврентьевич Пильник. Был он среднего роста, несколько сутуловат, но крепко сложен и очень подвижен. Комиссара можно было встретить всюду: и на наблюдательном командном пункте, и в окопах среди бойцов, и в штабе, и на кухне, и в медпункте. Всюду у него находилось дело, везде он поспевал.

В одном месте он ласковым, доходчивым словом ободрял бойцов, рассеивал их сомнения, вселял уверенность. В другом — с глубоким знанием дела давал советы или беседовал с политруками, инструктировал их, учил, помогал налаживать политработу в боевых условиях, а то и распекал нерях, неповоротливых хозяйственников, при необходимости четко отдавал приказания.

Комиссар был вездесущ, его энергичное с чуть прищуренными пронизательными глазами лицо никогда не выдавало усталости.

Николай Лаврентьевич любил свое дело, заботливо относился к бойцам, командирам и политработникам. Он люто ненавидел врагов нашей Родины и братского монгольского народа. И эту ненависть умел с присущей ему страстностью передать бойцам и командирам.

Вместе с командиром полка майором Заиюльевым они делали одно общее дело: воспитывали людей, готовили их к решающим боям. Под руководством комиссара и при непосредственном его воздействии воспитывались и проявили себя мужественными и умелыми воинами Герой Советского Союза Пономарев, пулеметчики Густокашин, Залешкин, артиллеристы Ларкин, Рябов и Солдатов, пехотинцы Пупышев, Рыбин, Ужегов, Шилов и многие другие.

Комиссар горячо любил жизнь и, может быть, именно поэтому стремился к тому, чтобы быстрее очистить монгольскую землю от подлых захватчиков. Ему нравилась монгольская земля со своеобразной, совсем не похожей на нашу природой. И он отдал жизнь за свободу этой земли.

Мне вспоминаются стометровые кручи Баин-Цагана и красивая низина в зеленых кустах ивняка, в сверкании стремительных вод Халхин-Гола и тихое июльское утро. Яркие лучи восходящего солнца мягко ласкали зеленый ковер приречного оазиса, слышалось щебетание птиц, стрекот кузнечиков и голоса других неизвестных обитателей монгольской степи. И вдруг... Огненные брызги внезапно разорвавшегося снаряда заслонили свет.

Это произошло утром 30 июля. Комиссар Пильник, как всегда, был на передовой. Он только что беседовал с минометчиками и направлялся к другой группе бойцов. Он шел по той земле, откуда уже были вышвырнуты захватчики, и думал, что еще немного усилий — и они будут окончательно уничтожены. Важно было эту уверенность передать бойцам и командирам...

Врачи применили все свое искусство, но от множества ран комиссар скончался на операционном столе. Оборвалась кипучая, страстная жизнь бесстрашного, мужественного и замечательного человека, друга и любимца бойцов и командиров, верного сына нашей великой Родины.

Нас, раненных вместе с комиссаром, на одной машине везли в санбат. Истекая кровью, Николай Лаврентьевич

оставался верен себе. Он не издал ни единого стога, хотя везли нас на грузовой машине по изрытой снарядами земле. И на всем пути до санбата он старался ободрять нас. Так же мужественно держался он и на операционном столе. Почувствовав, что силы покидают его, он сказал врачу:

— Остановитесь.

Затем четко, как приказание, произнес:

— Передайте бойцам, командирам и политработникам: пусть отомстят, я любил их...

Я лежал возле операционной палатки и, забыв о своих ранах, жадно ловил каждое слово комиссара. Но он замолк... К горлу подкатился комок. Неужели не выдержал? Такой человек — и вдруг?..

Образ этого мужественного человека никогда не исчезнет из памяти тех, кто сражался вместе с ним. Он был героем Халхин-Гола, кавалером орденов Ленина и Красного Знамени.

В СТЕПЯХ МОНГОЛИИ

Июльским днем 1939 года наш отдельный медико-санитарный батальон в составе 82-й стрелковой дивизии прибыл в Монгольскую Народную Республику. Для нас, пермяков, здесь все было необычно и ново: и невыносимая жара, и обжигающий огнем ветер, и безбрежная степь без конца и края, и отсутствие воды. Последнее мы сразу почувствовали во время марша и стали бережно расходовать каждую ее каплю.

Первое время наша колонна как-то затерялась в огромной степи. Навстречу не попадались ни машины, ни повозки. Лишь только к концу следующего дня дорога стала оживленнее. Это к реке Халхин-Гол двигались наши войска, подвозили к передовой боеприпасы, продовольствие. Когда же показались зенитные орудия, мы поняли, что фронт близко.

Еще через несколько часов пути раздалась команда командира медсанбата Колесникова:

— Стой! Здесь будем разворачиваться!

Разгрузились быстро. К вечеру небольшой участок степи уже не казался диким и безлюдным: вырос палаточный городок, задымили кухни.

Всем нашим врачам, медсестрам, санитарам предстояло в боевой обстановке оказывать медицинскую помощь раненым и больным. Это осложнялось еще и тем, что личный состав батальона впервые столкнулся не только с работой в полевых условиях, рядом с передним краем, где чуть ли не круглые сутки шли бои, но и с необычным для нас климатом.

И каждый медицинский работник невольно задавал себе вопросы: «Справлюсь ли я с заданием Родины? Су-

мею ли успешно действовать во фронтовой обстановке?» Но постепенно тревоги улеглись, появилась уверенность в своих силах. Это особенно почувствовалось, когда в медсанбат прибыл профессор М. Н. Ахутин. Он был участником боев в районе озера Хасан и накопил немалый опыт медицинской работы в боевой обстановке. Теперь он возглавлял хирургическую работу фронта и прибыл к нам с проверкой: как мы расположились, как намерены начать свою работу, посмотреть на наши тренировочные занятия и оказать деловую помощь. На конкретных примерах из опыта работы во фронтовой обстановке медсанбатов у озера Хасан профессор Ахутин показал, как мы должны организовать медицинскую службу в дивизии.

Вскоре бои усилились. Наш медсанбат располагался в нескольких километрах от переднего края, и до нас ясно доносились и грохот артиллерии, и пулеметная стрельба. Именно в те дни вступили в бой части 82-й стрелковой дивизии.

Появились первые раненые. Наши хирурги В. Р. Нощинский, Я. Г. Кравец, А. И. Островидов, А. Ф. Иванов, Т. С. Демидова и другие быстро оказывали им медицинскую помощь и тут же без промедления готовили их к эвакуации в тыл. Так самоотверженно работал весь персонал: врачи, санитары и шоферы. Каждый стремился как можно быстрее оказать помощь раненым, сделать все возможное, чтобы облегчить их участь, спасти им жизнь.

Однажды в медсанбат доставили красноармейца Еремина. Он имел тяжелое осколочное ранение грудной клетки. Состояние солдата было тяжелым: лицо безразличное, бледное, почти без признаков жизни. Нужно было немедленно делать операцию. Однако никто из врачей не встречался с подобными ранениями.

Как быть? Ведь бойца надо спасти, но как? Каким способом? Хирургам вспомнились многочисленные факты из хирургической практики. Такого же — не вспоминалось.

Вместе со всеми осматривал красноармейца Еремина и кандидат медицинских наук Вячеслав Романович Нощинский. Он дважды или трижды осмотрел внимательно раны, несколько раз пощупал пульс. Потом вскинул голову.

— Можно спасти его, — твердым и уверенным голосом произнес Вячеслав Романович.

Быстро подготовили операционный стол, инструменты, медикаменты и перевязочные средства. Началась борьба за жизнь красноармейца. Врачи внимательно следили за каждым движением своего товарища, предугадывали, что он собирается сделать, и всячески помогали ему в этом нелегком деле.

Томительными казались минуты. В тишине операционной только изредка слышалось очередное распоряжение Нощинского и время от времени раздавался стук какого-нибудь медицинского инструмента.

Но вот Вячеслав Романович приподнял голову, отошел от операционного стола, снял повязку. Все лицо его было покрыто росинками пота. Он смахнул его рукавом и уже не шепотом, а полным голосом произнес:

— Будет жить!

Красноармеец Еремин был спасен. Спасен благодаря энергии и таланту хирурга.

Вскоре в медсанбат доставили красноармейца Ашуркова. В результате ранения он имел шесть повреждений кишечника. И опять за спасение человека взялся Вячеслав Романович. Раненому сделали переливание крови, сложную полостную операцию. Через несколько дней Ашурков стал чувствовать себя хорошо.

Великая ответственность за жизнь людей руководила всеми работниками медсанбата. Они понимали, что могут делать гораздо больше, чем думали раньше. А главное, операции, которые провел Нощинский, служили ярким примером для других. Они как бы говорили, что и остальные хирурги в состоянии делать более сложные операции, так же настойчиво бороться за жизнь любого тяжелораненого, когда казалось, что спасти его нет никакой возможности. Так именно и стал поступать хирург Я. Г. Кравец.

Как-то в медсанбате с батальонного медпункта доставили в тяжелом состоянии младшего командира И. Ф. Лопатина. После штыковой атаки он имел пять колотых ран. В нескольких местах были повреждены и тонкие кишки. За сложную операцию, связанную с огромным риском, взялся хирург Кравец. Она прошла успешно. Вскоре младший командир Лопатин чувствовал себя вполне удовлетворительно и был эвакуирован в тыл для дальнейшего лечения.

Очень серьезные ранения бывали в челюстно-лице-

вую область. Из практики военных врачей во время боев у озера Хасан было известно, что таким раненым медсанбаты, и тем более вблизи передовой линии фронта, квалифицированной помощи не оказывали. Их отправляли в тыл. Это затягивало лечение, и после выхода раненого из госпиталя на лице у него оставались неприятные шрамы.

В те дни некоторые врачи тыловых лазаретов высказали мысль, что медсанбаты должны и могут оказывать квалифицированную помощь таким раненым. Это поможет избежать тяжелых осложнений и обезображивания лица в будущем. За операцию взялся в нашем медсанбате хирург-стоматолог А. Ф. Иванов. У одного из раненных в челюстно-лицевую область он удалил осколки, сделал первичную обработку ран, наложил шины. Такая операция давала полную гарантию, что после дальнейшего лечения у раненого на лице останутся лишь незначительные рубцы.

Так А. Ф. Иванов впервые в истории войн в условиях медсанбата сделал челюстно-лицевую операцию, и она прошла хорошо. Вслед за ней им было сделано еще несколько таких же операций. И опять с отличным результатом.

С того времени хирургическое звено А. Ф. Иванова смело бралось за подобные операции. После первичной хирургической обработки, наложения шин раненых быстро отправляли в тыловые лазареты для дальнейшего лечения.

И что отрадно: в нашем медсанбате не было ни одного случая послеоперационных осложнений. Это было достигнуто благодаря внимательному уходу за ранеными врачами, фельдшеров, сестер и санитарок, соблюдению правил асептики и антисептики, использования впервые применяемой противогангренозной сыворотки и других профилактических и лечебных мероприятий.

В дни горячих боев, когда выходили из строя полковые врачи, наши врачи, фельдшера нередко выезжали на передовую и под огнем противника оказывали первую помощь раненым.

В один из июльских вечеров разгорелись особенно ожесточенные бои. В медсанбат пришло сообщение, что один из наших полков понес большие потери и туда нужно послать врача, чтобы оказать быструю помощь

раненым. Командованием медсанбата в полк был направлен врач И. А. Булычев.

Через час он был уже на передовой. Японцы вели непрерывный артиллерийский огонь по нашим позициям, подвергали их бомбардировке с воздуха. Несмотря на то что вокруг свистели осколки, Булычев со своей медгруппой начал оказывать помощь раненым и тут же на лодке переправлял их на противоположный берег Халхин-Гола. Именно благодаря его умелой работе в тот вечер и ночь более сорока раненым была спасена жизнь.

Самоотверженно спасали раненых врач Шерстобитова, фельдшер Янковская, шоферы Нагайчук, Дранкевич, Холостов, Пешков. Они быстро оказывали им помощь на месте боя и так же быстро доставляли их в медсанбат.

Враг был силен. Он всячески пытался сбить наши войска с занимаемых позиций. В бой бросал все новые и новые отборные части. Особенно усилил он авиацию. Многие десятки японских бомбардировщиков бомбили наши тылы. Вражеские летчики не щадили ни госпитали, ни санитарные автомашины с ранеными, хотя красный крест — эмблема медицинской службы — находится под защитой международного закона. Но что было им до соблюдения международных законов!

Однажды с командиром санитарного взвода М. И. Ивановым мы поехали в санитарную разведку. Остановились у небольшого озера, чтобы обследовать к нему подъездные пути, дно озера, а также взять пробу воды для анализа. Здесь же, на берегу озера, стояла наша автодушевая, и несколько бойцов заканчивали помывку.

Не успели мы взять пробу воды, как налетел вражеский бомбардировщик. На машине и автодушевой были отчетливо видны большие красные кресты. Однако японский летчик начал сбрасывать на нас бомбы. Благо, зенитчики быстро отогнали его.

Такие случаи безжалостного нападения на санитарные машины со стороны японцев были не единичны. Поэтому командование приняло все меры, чтобы оградить медсанбат от воздушного нападения противника. Весь личный состав по ночам отрывал котлованы, в которых размещали палатки с ранеными, автомашины, склады, а вокруг сортировочной, операционной, перевязочной, стационарных палаток и пищеблока отрыли щели. Все палатки чуть ли не ежедневно покрывали свежей травой.

Маскировка создала условия для относительно спокойной работы и пребывания раненых в палатках. Но в то же время мы «подвели» наших летчиков. До маскировки наш медсанбат являлся для них ориентиром при полетах. Теперь он исчез, и летчики в шутку ворчали, что лишились надежного ориентира.

Немало пришлось проявить настойчивости, приложить сил и энергии, чтобы обеспечить действующие войсковые части и медсанбат доброкачественной водой. Ведь в районе боевых действий вода озер была непригодной для употребления в пищу, поэтому единственным источником снабжения служила только река Халхин-Гол. Но она текла со стороны противника и могла быть заражена. Поэтому требовалось постоянно делать анализы воды не только на предмет годности ее по физическим и химическим свойствам, но и определять, не заражена ли она врагом.

И это делал наш санитарный взвод. Санитарные посты проводили систематическое хлорирование воды, тщательно следили за ее состоянием, правильным забором ее для воинских частей. Благодаря самоотверженной работе санитарного взвода, командиром которого был врач М. И. Иванов, и санитарно-бактериологической лаборатории, начальником которой был И. А. Булычев, а его помощником врач Е. Г. Миресева, медсанбат и войска получали доброкачественную воду.

Кроме решения «водной проблемы», на санитарный взвод были возложены и другие ответственные задачи. Он проводил дезинфекцию одежды, белья, а в часы затишья бойцы дивизии могли помыться после жарких дневных боев. Для этого автодушевые, дезокамеры устанавливались поблизости от передовой, и нередко личный состав санвзвода подвергался артиллерийскому обстрелу и бомбардировкам.

Благодаря своевременно принятым всем санитарным и противоэпидемическим мерам, правильно налаженной системе водоснабжения в боевой обстановке части нашей дивизии избежали появления и развития эпидемий тифа, дизентерии и других кишечных заболеваний — этого страшного бича людей, длительное время находящихся в окопах, в полевых условиях.

В трудной обстановке приходилось работать всему коллективу. Но несомненно, что в постановке образцовой

работы медсанбата серьезная роль наряду с командиром Т. В. Колесниковым принадлежит врачам М. И. Иванову, А. И. Островидову, В. Р. Нощинскому, Я. Г. Кравцу, А. Ф. Иванову, И. А. Булычеву, Т. С. Демидовой; фельдшерам Долгановой, Вафиной, Казаковой, Шушариной, Ногиной; санинструкторам Корепанову, Долбину, Кошелеву и многим другим, отлично справившимся со своими обязанностями, проявлявшим чувство высокого патриотизма.

В те боевые дни в благородной борьбе с японскими захватчиками отдали свои жизни полковые врачи А. В. Кононов, Н. Я. Пономарев, Б. К. Костарев, И. Ильин. Тяжелое ранение получил врач А. В. Сюткин, которого правительство наградило за героизм при спасении раненых орденом Красного Знамени.

Опыт боев на Халхин-Голе показал, что медицинская служба нашей армии имела вполне совершенное материальное оснащение, квалифицированный личный состав и успешно справилась с возложенной на нее задачей. Медицинские работники обогатились боевым опытом организации медицинского обслуживания в сложных климатических условиях, как на марше, так и непосредственно в боевой обстановке. Успешно прошел опыт практического перехода к системе этапного лечения с эвакуацией по назначению. Все это сыграло свою положительную роль в годы Великой Отечественной войны и пригодилось нашим медицинским работникам.

УРАЛЬСКИЙ ХАРАКТЕР

Семинар секретарей партийных организаций Лысьвенского металлургического завода подходил к концу, когда из-за стола поднялся заместитель секретаря парткома Яков Ильич Чепурных. Он был немногословен:

— Международная обстановка, товарищи, становится все более напряженной. Германия, Италия и Япония создали единый антисоветский блок. Совсем недавно гитлеровская Германия захватила Чехословакию, а сегодня японские милитаристы подбираются к дружественной нам Монголии.

Задача партийных организаций состоит в том, чтобы широко развернуть соревнование за досрочное выполнение заданий третьей пятилетки. Это будет наш вклад в укрепление экономической и военной мощи страны.

Домой Чепурных пришел под вечер. Устало присел на ступеньку высокого крыльца, снял кепку и смахнул со лба пот. Воробей, прыгавший на черемухе с ветки на ветку, испуганно насторожился, но, убедившись, что ему ничто не угрожает, громко чирикнул и тут же погнался за пролетавшей мимо бабочкой.

На крыльцо вышла жена. Яков Ильич сразу заметил, что она чем-то взволнована.

— Случилось что-то?

Вместо ответа она протянула ему небольшую бумажку. Политруку запаса Якову Ильичу Чепурных предлагалось срочно прибыть в распоряжение 82-й стрелковой дивизии.

На другой день Чепурных прибыл к месту сбора. Здесь все было поднято на ноги: части дивизии грузились в железнодорожные эшелоны. Якова Ильича назна-

чили политруком артиллерийской батареи 603-го стрелкового полка.

Политрук Чепурных почти все время находился среди солдат. Он знакомился с ними, организовал политические занятия и политинформации, выпуск «боевых листов», разъяснял решения XVIII съезда партии, помогал командиру батареи старшему лейтенанту Тарасенко в проведении боевой учебы.

Несмотря на необычность обстановки, в отделениях и взводах изучали боевые уставы и наставления, материальную часть пушек и приборов, стрелкового оружия и только что поступившего на вооружение боевого противозапа новой конструкции.

Уже позади остались туннели, пробитые в Саянских горах, светлый Байкал, а поезда продолжали бег.

— Товарищ политрук, — обратился как-то к Чепурных молодой командир орудия. — Куда все же мы едем?

— Придет время, товарищи, и нам все объяснят, а пока послушайте сообщение ТАСС, которое сегодня опубликовано в центральных газетах.

И Яков Ильич прочитал о том, что за последнее время японо-маньчжурские войска все чаще нарушают монгольскую границу в районе реки Халхин-Гол. И хотя в одном из боев враг оставил на поле около четырехсот трупов, но провокации не прекратил. Наоборот, с каждым разом он вводил в бой все большие силы, а в конце июня одновременно направил сто двадцать самолетов. В тот день было сбито более тридцати самолетов противника.

Дивизия выгрузилась на станции Борзя и своим ходом направилась к границе с Монголией, а потом и в глубь страны. Почти двадцать суток, изнемогая от жары и жажды, войска преодолевали знойные монгольские степи, и в пути продолжали заниматься боевой и политической подготовкой.

Наконец тяжелый путь остался позади, а впереди извивалась неширокая река Халхин-Гол.

Японцы встретили новое пополнение снарядами, минами и бомбами. Командир полка приказал артиллеристам ответить врагу тем же.

— Орудия к бою! — подал короткую команду командир бат.

Забывшие усталость, солдаты и сержанты быстро развернули пушки в сторону противника, сбросили покрытые пылью чехлы, открыли снарядные ящики.

Чепурных подошел к наводчику первого орудия. Припав глазом к резиновому кольцу окуляра, тот наблюдал за противоположным берегом. Лежащие на маховичках руки наводчика слегка дрожали.

— Ты не волнуйся... — При этих словах политрука боец обернулся. — Покажи врагам уральский характер, бей так, чтобы ни одного на монгольской земле не осталось.

— Есть, товарищ политрук, показать уральский характер. — Наводчик улыбнулся. Оживились и другие красноармейцы.

— Заряжай! — послышалась новая команда командира батареи. Ее повторили командиры взводов и орудий.

— Огонь!

Подпрыгнув, пушки послали первые снаряды. На японских позициях поднялись столбы огня, земли, камней и дыма.

— Молодцы! Беглый огонь!

Вечером начальник политотдела Н. И. Работкин собрал весь политсостав дивизии. Яков Ильич внимательно слушал сообщение о боевой обстановке. Получив еще в начале июля сокрушительный удар советско-монгольских войск на горе Баин-Цаган, японцы не отказались от своих агрессивных замыслов. Они подтянули к реке Халхин-Гол новые стрелковые, бронетанковые и авиационные части.

Наше командование тоже приняло необходимые меры. Из Советского Союза продолжают поступать все новые пополнения. Ни днем, ни ночью не прекращается движение по степи автомобилей и тягачей, доставляющих материальную часть, боеприпасы, горюче-смазочные материалы и продукты питания.

— Сегодня и наша с вами обязанность, — сказал в заключение начальник политотдела, — развернуть политическую работу непосредственно в отделениях, взводах, ротах и батареях. Обратите внимание и на службы тыла.

Возвратившись на батарею, Чепурных созвал партийное собрание.

Так начались боевые будни батареи. Почти целый месяц орудия обстреливали вражеские позиции. Бойцы и

командиры накапливали опыт и сноровку, овладевали мастерством бить врага. Многим, в том числе и Чепурных, этот опыт пригодился потом в войне с фашистами.

Многодневный путь в железнодорожных вагонах и по степям сроднил политрука с солдатами. Те охотно делились с ним самым сокровенным, рассказывали, о чем пишут из дому, как идут дела на заводе. Политрук, со своей стороны, беспокоился о том, чтобы среди личного состава батареи не было нытиков, чтобы у каждого человека было боевое настроение.

В середине августа зарядили сплошные дожди. Сидеть в сырых окопах и блиндажах всем надоело, люди рвались в бой.

— Недолго осталось ждать, товарищи, — успокаивал политрук. — Скоро так ударим, что всех врагов сметем.

И этот день наступил.

Артиллерия была приказано организовать прорыв между сопками и сначала захватить Зеленую, потом выйти в тыл противника, расположенного на Песчаной.

Возвратившись на батарею, Яков Ильич собрал коммунистов-офицеров и младших командиров батареи и сообщил им только что услышанное в штабе. Раздал все листовки, выпущенные политотделом дивизии и редакцией газеты «За Родину!».

Артиллеристы заверили командование, что для достижения победы не пожалеют крови, а если потребуется, то и самой жизни. Многие в тот день подали заявления о приеме в партию.

Последняя ночь перед решительным наступлением. Густая темнота скрыла от глаз сопки. Тишину нарушали лишь одиночные выстрелы да трассы осветительных ракет. Противник не ожидал атаки. В связи с предстоящим воскресеньем многие его офицеры находились в отлучке. Все это было учтено советским командованием.

Чепурных переходил от одного орудия к другому. Устроившись около пушек или прямо на лафетах, расчеты ждали команды к открытию огня.

— Как настроение, товарищи? — интересовался политрук.

— Боевое. Скорее бы подавали команду.

В дни наступления Чепурных почти не смыкал глаз, да и батарея прекращала стрельбу только для того, чтобы охладить раскаленные стволы пушек. Политрук следил за

доставкой снарядов, иногда и сам таскал тяжелые ящики, вместе с санинструктором помогал организовать отправку раненых в госпиталь, заботился о своевременной подаче на позиции батареи горячего питания.

Он же составлял донесения об обстановке на батарее и отправлял их в штаб полка. Приходилось выполнять и очень тяжелую обязанность — писать извещения о смерти. Не забывал он сообщить в дивизионную газету о мужестве артиллеристов.

С большим трудом подразделения полка достигли сопки Зеленой. Укрывшись в блиндажах и траншеях, враг обрушил на них огонь минометов и пулеметов, засыпал ручными гранатами. Тогда советское командование применило огнеметы. Струи яркого пламени и облака дыма застлали сопку. Оставшиеся в живых японцы стали сдаваться. На пятый день боев над сопкой Зеленой запылал красный флаг. Только теперь сопка уже была не зеленой, а черно-серой.

Артиллеристы часто меняли позиции, вели интенсивный огонь по возвышенности. Орудийные расчеты действовали дружно и слаженно.

Еще несколько месяцев назад бойцы не знали друг друга, а теперь боевая обстановка сплотила их. Но политрук по-прежнему при первой же возможности спешил к бойцам. Тяжело было им видеть, как гибнут боевые товарищи вдали от Родины. И он старался поднять их настроение, рассказывал им о пролетарской солидарности, о сущности интернационализма.

— У нас на Урале в годы гражданской войны воевали большие отряды интернационалистов. Венгерским отрядом руководили видные деятели международного рабочего движения Ференц Мюнних и Бела Кун. Смело себя вели и китайцы. Они вместе с русскими шли в атаку против колчаковских войск. И что, по-вашему, руководило ими, когда они боролись и умирали за нашу Советскую власть? Всех их вела в бой пролетарская солидарность. Она и нас привела в Монголию.

Команда «К орудиям!» прервала беседу, но к этой теме политрук возвращался еще не раз.

Штурм вражеских позиций шел по всему фронту. И враг отступил с монгольской земли, потеряв огромное количество солдат и офицеров, боевой техники, военного имущества.

Замолчали орудия, опустились на аэродром самолеты, сняли каски солдаты и принялись за чистку оружия. Вскоре предстоял марш через степи, но теперь в противоположную сторону. Рядом с бойцами по-прежнему шагал политрук Яков Ильич Чепурных.

КОМИССАР СТЕПАН ШИРИНКИН И ЕГО СВЯЗИСТЫ

Это был прирожденный комиссар, человек-песня, настоящий русский солдат...

Наверное, эти определения мало что говорят читателю, они расплывчаты. Да и бывает ли это: прирожденный комиссар? И что такое человек-песня? А каков он — русский солдат?

Комиссар — душа части, подразделения. Без него не было бы Красной Армии, без него немыслимы ни малые, ни большие победы наших Вооруженных Сил, изумляющих мир неслыханными подвигами. Сила комиссара в его безграничной вере в правоту ленинских идей, в неразрывной связи с массами.

Мы познакомились с С. М. Ширинкиным во время боев на Халхин-Голе, хотя знали его еще раньше — в лагерях, где формировалась дивизия. Ширинкин был комиссаром батальона связи. Красноармейцы любили его, как отца, — заботливого и требовательного. Больше того, он был для них живым олицетворением Коммунистической партии, которая всегда с народом.

Он замечал все. И что бойцу взгрустнулось, знал, что ему пишут из дому, и как сидят на ком гимнастерка и шинель, и что едят, и как кто ест, и о чем мечтает.

Степан еще подростком «хватил» гражданской войны. Уральский паренек пошел добровольцем в ряды Красной Армии и вместе со своими братьями воевал против Колчака.

На Халхин-Гол он пришел уже закаленным воином, мастерски владеющим оружием, знающим командиром.

Лучшие черты русского солдата развились в нем творчески, окрепли и, впитав живительные соки советского патриотизма, приобрели новые силы и нужную целеустремленность.

Много можно сказать о храбрости Ширинкина. Но ведь комиссару мало его собственных качеств. Он совестью коммуниста отвечает и за то, чтобы не знал страха и умело действовал в боевой обстановке весь личный состав.

Ширинкин любил армию — это была семья, вырастившая, воспитавшая его. Он учил связистов понимать всю глубину ленинских идей о защите завоеваний Октября, почетность и благородство нашей военной службы. Он умел воодушевить людей на лучшее освоение специальности и непрерывно учился сам. Ему порой бывало нелегко, но он никогда не жаловался даже самым близким друзьям.

Поход по монгольским степям и бои на Халхин-Голе Степан Ширинкин вспоминал часто.

В конце шестидесятых годов Ширинкин был награжден монгольским орденом Красного Знамени. Тяжело больной Степан Матвеевич уже давно не вставал с постели, но по такому случаю решил явиться за орденом «при всем параде».

...Шел июль тридцать девятого года.

Нагретая щедрым солнцем монгольская степь пахла диким чесноком и травами.

Она очень хороша — дружественная нам Монголия! И красота ее своеобразна. Ее степь чудесна необъятностью. Все время чувствуешь себя как бы в центре зеленого круга-арены, край которого — горизонт, тонкий и чистый. Поистине неописуемо великолепие размашистых, в полнеба утренних и вечерних зорь. А самое прекрасное здесь — люди Монголии: скотоводы-араты и солдаты Народно-революционной армии — цирики.

Фронт... Все-таки трудно, очень трудно вот так, сразу из мирной жизни шагнуть во фронтовую.

Отдельный батальон связи включился в боевые действия прямо с марша. Ночью прибыл он к горе Хамар-Даба, где находился командный пункт дивизии. И сразу получил задание — дать связь во все подразделения!

Командир батальона капитан Саксин и комиссар Ширинкин вели бойцов, отдавали приказы и тут же прове-

ряли их исполнение. Нельзя было оплошать. Все, чему учили раньше — «коль война, так по-военному», — стало сегодняшним днем, вот этим часом.

Работа закипела. Старательность и стремительность, качество выполнения заданий, инициатива личного состава — все было необыкновенным. Именно необыкновенным — до конца самоотверженным.

Узел связи поручили развернуть лейтенанту Трубникову. Молодой лейтенант был энергичен и вездесущ, но в то же время очень спокоен. Будто это и не война, а просто «красные» донимают «синих» на окружных маневрах, а связисты, превышая нормы, побивают рекорды. Глядя на командира, толково действовали и сержанты Польшаев, Окулов, помощник политрука Морозов и другие. Объем работы немалый! Надо вырыть окоп, перекрыть его, расставить и проверить аппаратуру, вдохнуть в нее жизнь. А ночь темная и чужая. И бегут минуты. А командный пункт не хочет ждать и этих минут.

— Дать связь! Ждем связь!

И связь была дана в срок, явно не предусмотренный никакими уставами, инструкциями, не зафиксированный ни в одних учебных пособиях и протоколах соревнований.

Рассвет наступил как-то сразу. И жизнь уже давала связистам все новые «вводные». Взводу Фукалова поставлена задача протянуть провод через реку. А ведь все тут необычное. И крупные, обрывистые склоны Хамар-Дабы, и огромные барханы, и быстрая незнакомая река, и прибрежный тростник, похожий на бамбук. Но фукаловцы не теряются!

Действовали быстро, но обстоятельно. Ночью исследовали дно реки и решили вести провод не через понтонный мост налаженной переправы, а правее, где нащупали мелкое место. Так оно получалось короче, быстрее и надежнее. Впоследствии красноармейцы не раз ходили вброд, держась за этот трос.

Такое в мирной обстановке несложное дело, как исправление повреждений провода, сейчас стало опасным.

Вот один из многих случаев. Минометным огнем перебит провод. Командир отделения коммунист Прошутинский стремительно бежит искать повреждение. Бежит, но его обстреливают. Связист падает. Убит? Ранен? Нет — он ползет к цели и даже успевает на глазах

у японцев превратиться в «куст» — маскирует себя ветками. Вскоре связь восстановлена.

Связист Жуков тоже отличается умением быстро устранять помехи на линии. Товарищам нравилось, как он философски объяснял что к чему.

— Меня не убьют, потому что я не боюсь. Японец же боится со мной связываться! А главное — моя жена очень хочет, чтобы я остался жив. Ее желание для меня — святое дело. Как правило, оно сбывается!

А вот о красноармейце Нечаеве. Проползая вдоль линии, он заметил, что наш пулемет вдруг замолчал. Японцы, воспользовавшись паузой, стремительно приближались. Нечаев молнией метнулся к пулемету. Через минуту-две его меткие очереди вновь сеяли смерть среди врагов. Они откатились, таща с собой убитых.

Потом мы расспрашивали Нечаева: как все это получилось?

— Да обыкновенное дело. Оба пулеметчика были ранены и не могли вести огонь. А что японцы вперед полезли — тем хуже для них: получили по заслугам. Я думаю, что и моя стрельба приблизит разгром противника.

Так действовал и рассуждал беспартийный красноармеец. Такими же были и дела всего личного состава батальона.

И в этом ярко проявилась сущность живой комиссарской работы Ширинкина. Ведь качество политработы определяется, в конечном счете, успехами в выполнении боевого приказа.

Личный состав еще теснее сплотился вокруг партии. Заявления о вступлении в партию и комсомол поступали одно за другим.

Подал заявление и младший лейтенант Ширинкин, однофамилец комиссара. В Предуралье Ширинкиных — села!

Он писал: «Хочу быть в партии Ленина и пойду в бой с его именем!» И делом доказал, что может быть стойким ленинцем. Он работал мастерски, сражался отлично.

Комиссар в своих воспоминаниях больше рассказывал о людях, а не о себе.

Нам он запомнился таким: широкоплечий, головастый, среднего роста, кудрявый. Лицо широкое, чуть-чуть скуластое, упрямый лоб, пристальный взгляд серых глаз.

Брови взлет. Легкая улыбка придавала всему облику какую-то особую привлекательность, вызывала доверие. А ведь порою комиссар бывал очень суров, но что-то притягивало к нему людей.

Он был очень прост в обращении с подчиненными. Поговорив с ним, казалось, что именно вот такого разговора ты и ждал.

В дни обороны мы встретились с Ширинкиным в степи у небольшого стога сена. Были с нами сотрудник дивизионной газеты Кайгородов и политработник Рылов. Прилегли, поговорили про Пермь, Каму, про семьи. Комиссар, улыбаясь, рассказывал о своих бойцах.

— Ничего не боятся эти «красные дьяволята». Помните, был такой фильм? Не знаю, я их учу или они меня? Наверное, и того, и другого тут есть немножко.

«Умение преодолевать страх, — писал впоследствии в своих воспоминаниях Степан Ширинкин, — серьезная вещь. Однажды я заметил, что связист Л. трусит, и повел его с собой по одной линии связи за руку. Я не показывал вида, что замечаю, как он дрожит, испуган. Всю дорогу рассказывал ему всякую бывальщину. Не сразу уходила боязнь из моего спутника. Но на обратном пути он уже сам задавал мне вопросы и пытался вспомнить разные случаи. Так вот, буквально под вражеским огнем, росло, крепло и закалялось наше мужество».

...Прошло более тридцати шести лет. Что вспоминается, как главное? То, что никто ни на секунду не сомневался в победе. Советско-монгольские воины окружили и разгромили сильного и опасного врага, пытавшегося проверить силу нашего оружия.

УДАР ПО МАНХАНАМ

Вскоре после прибытия в район военных действий наш полк получил приказ: форсировать Халхин-Гол и во взаимодействии с другими частями овладеть сильно укрепленными японцами высотами. Настроение у бойцов было хорошее, все рвались в бой.

Позади осталась гора Хамар-Даба, впереди — река, а на том ее берегу в сопках засели японцы. У них выгодные позиции: долина, по которой мы должны наступать, просматривается километров на двенадцать. Да и не только просматривается, здесь каждый клочок земли враг держит на прицеле.

Под прикрытием ночной темноты полк двинулся на переправу. В небе висели вражеские самолеты, но ни одна из бомб не попала в понтонный мост. Наши зенитчики надежно прикрывали переправу. В стороне рвались и снаряды противника, огонь японской артиллерии был неточен.

Вот уже стрелковые подразделения переправились на правый берег. Наступила и наша очередь — минометчиков.

— Первый расчет, вперед! — скомандовал я.

Помкомвзвода Волоканов с группой бойцов бросился на переправу. Затем поднялся второй расчет. Тут совсем недалеко разорвался снаряд. Поднял голову, слышу, воеет бомба. В воздух взметнулся столб воды. Раздался новый взрыв, и нас засыпало песком.

— Живы? — крикнул я.

— Живы!

Бросок, второй, третий... Перебежали мост, заняли временную оборону. Опять двинулись вперед, но уже

с трудом. Сделаешь перебежку и лежишь полчаса-час. Японцы не дают поднять головы: где-то близко пулеметные гнезда и снайперы.

От реки отошли уже довольно далеко. Дальше двигаться стало невозможно. Противник подбросил новые силы и открыл бешеный огонь. Наш батальон уже завязался в бой, а нас, минометчиков, командир почему-то все держал про запас.

— Ждите особого распоряжения, — заявил он.

Бойцы волновались:

— Что мы, загорать или кашу есть сюда прибыли?

На командном пункте батальона собрались командиры рот и других приданных подразделений. Комбат оценил вкратце обстановку, поставил боевые задачи, но нас, минометчиков, опять обошел.

Через час-полтора после совещания на КП к нам прибежал связной. Он доложил, что левому флангу батальона угрожает опасность. В манханах скопилось много японцев. Артиллеристы пробовали выкурить их оттуда, но разве с сравнительно близкого расстояния поразишь из пушек врага в глубоких ямах. Другое дело — минометы: огонь они ведут крутой, навесной траекторией и могут засыпать минами скрытую от взора цель, лишь бы она была в пределах досягаемости огня. Тогда-то комбат и вспомнил о минометах.

Меня вызвали на командный пункт, дали задание. В подразделении все ликовали. На расчеты потребовалось немного времени — всего лишь несколько минут.

— Огонь!

С шелестом взвилась ввысь первая мина, затем вторая, третья... Наблюдая за разрывами, я сделал поправку. Из манхана, где засели враги, взметнулись клубы дыма, полетело вверх какое-то тряпье, палки. А мы подбавляли и подбавляли огонька. Японцы, как ошалелые, выскакивали на гребень манхана. Стрелки ударили из пулеметов.

Действия минометчиков высоко оценил командир батальона. К нам присоединили еще один минометный взвод, и у нас образовалась батарея. Остряки-насмешники притихли. Вскоре минометчиков передали в распоряжение штаба полка. Однажды на рассвете раздался телефонный звонок.

— Помогите минометным огнем! Японцы не дают

покою. Несем большие потери, — сообщал командир одного взвода.

Этот взвод во время наступления вырвался вперед и оказался почти в кольце. Половина траншеи уже была в руках врага. Туда нельзя было доставить ни боеприпасов, ни пищи. Несколько дней бойцы находились без воды. Стояла невыносимая жара. Хорошо, что японцы не повредили телефонную связь.

Рота, находившаяся по соседству, пыталась помочь взводу, но противник прижал ее к земле сильным огнем из пулеметов и минометов. Могли выручить только минометчики. Пробраться же в этот район было невозможно. Я все-таки попросил разрешения сделать это.

— Погубите подразделение, — возразил начальник штаба, а потом, видимо, передумал и сказал: — Хорошо, действуйте. Но зря под огонь не лезьте.

Первый расчет начал выдвигаться. Вначале все шло хорошо: можно было укрыться в барханах. Дальше, как назло, шли ровные, без бугорка пески — работа частых здесь ветров. Бойцы окопались. А потом, смотрю, наводчик Рубцов с минометной трубой бросился вперед.

— Что он делает?! — Не успел я вымолвить, как минометчик словно провалился сквозь землю.

Японцы открыли огонь. Пулеметные очереди легли немного позади.

Поднялся Волоканов, за ним еще кто-то, оба побежали и, как Рубцов, мгновенно исчезли. Оказывается, в нескольких метрах был овражек. В него-то и перебежал расчет.

Прошло минут десять. Послышались приглушенные выстрелы. Это открыл огонь Волоканов. В японских окопах, которые были хорошо видны, засуетились фигурки.

— Рубцов не промахнется, знаете, какой он наводчик, — сказал кто-то.

Вот в овражек переправился и другой расчет. Два 82-миллиметровых миномета — это уже сила! И тогда мы нанесли по врагу такой удар, что японцы за каких-нибудь полчаса, побросав оружие, скатились с сопки.

Советско-монгольские войска готовились к решающему наступлению. Шла перегруппировка сил. Наш взвод стоял в обороне и лишь изредка вел огонь. Полк сосредоточивался на исходных позициях. Это пронюхал противник и решил нанести удар. Чтобы сорвать его замы-

сел, минометчики ночью открыли шквальный огонь. Это было так неожиданно для врага, что он не только отказался от атаки, но и отошел назад, да еще с большими потерями.

Хотя наши огневые позиции были тщательно замаскированы, врагу все-таки удалось засечь их. Утром он начал артиллерийский обстрел и даже бросил против минометчиков авиацию. Однако ни снаряды, ни бомбы не причинили нам вреда. Они разрывались в стороне.

К вечеру противник притих, видимо, подумал, что наша батарея уничтожена. А тем временем мы готовились к новому удару.

К нам поступили новые минометы. Вместе с ними пришла еще и автомашина. Все с нетерпением ждали приказа о наступлении.

В ночь на 20 августа было не до сна. Побывал я в каждом расчете, поговорил со всеми бойцами, рассказал им о предстоящем бое. Нам были указаны цели, и с командирами расчетов мы заранее подготовили данные для стрельбы.

И вот 20 августа утром началось. Мы видели, как краснозвездные самолеты начали обрабатывать вражеские позиции. Заговорила и наша артиллерия. К этому ансамблю подключилась минометная батарея. Действовали слаженно, что явно пришлось не по вкусу японцам.

Линия обороны врага была в дыму. В воздух взлетали колеса орудий, глыбы земли. Стволы минометов раскалились от частой стрельбы. То и дело приходилось охлаждать их мокрыми тряпками. Канонада длилась долго. Только начала она стихать, как понеслось мощное «ура!».

Правда, в первый день полку далеко продвинуться не удалось: враг сопротивлялся с упорством обреченного на смерть. На другой день атака возобновилась. На укрепления японцев двинулись танки, за ними поднялась наша пехота. Противник не выдержал, побежал. Наступление шло стремительно.

К нам подъехал командир стрелковой дивизии и приказал остаться на прежней огневой позиции, проверить минометы и быть готовыми к выполнению новой задачи. Ждать долго не пришлось. Тотчас же сообщили, что стрелковая рота старшего лейтенанта Серина находится в опасности. Мы двинулись на выручку.

Японцы укрепились на одной из высот. Штурмовала

их стрелковая рота. Однако всякий раз атака захлебывалась: слишком уж у врага была выгодная позиция. Артиллеристы не раз обстреливали ее, но безрезультатно. Японцы сидели в глубоких манханах. Огонь по ним приходилось вести через сопку. Снаряды не попадали в цель.

Солнце спускалось за холмы. С Халхин-Гола тянуло прохладой. Когда стемнело, наш взвод незаметно подошел в район роты Серина. Стрелки помогли вырыть нам окопы и ходы сообщения. К рассвету все было готово.

В пять часов утра начали пристрелку. Первая же мина попала точно в цель.

— Отлично! — обрадовался я и приказал открыть огонь из всех минометов.

Из манханов взметнулись клубы дыма и пыли. Стрелки Серина воспрянули духом. Японцы в панике начали выскакивать из своих нор. А тут по ним ударил пулемет, который был выдвинут на удобную позицию ночью.

— Вперед, за Родину! — крикнул старший лейтенант Серин.

Рота поднялась с боевым «ура!». Через несколько минут бойцы были уже в окопах противника. Правда, не обошлось без рукопашной, но скоро путь был открыт.

С 24 июля по 30 августа минометный взвод, которым я командовал, уничтожил десять огневых точек врага и до роты живой силы противника. Мы же потерь не имели, если не считать одного легкораненого. Родина высоко оценила наши ратные дела. Многие были представлены к правительственным наградам. Я получил орден Красного Знамени, а мой помощник комсомолец Волоканов был удостоен монгольского ордена Красного Знамени.

Августовский вечер. Медленно садилось солнце. В пороховом дыму оно казалось хмурым. Бойцы шутили:

— Восходящее солнце закатывается.

Наступал закат и для японских захватчиков. Наши войска очищали землю братской страны. На сопках Монголии реяли красные флаги.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ

Басманов Сергей Федорович родился в 1908 году в селе Чисто-переволока Пермской области. Член КПСС с 1932 года.

После окончания политпросветотделения Пермского педтехникума с 1928 года работал заведующим Сивинской районной избой-читальней.

В 1929—1930 годах служил в Красной Армии. Как одногодичник он прошел курс обучения и аттестован командиром взвода запаса.

После возвращения из армии С. Ф. Басманов с 1930 по 1939 год работал пропагандистом Сивинского РК КПСС, директором отделения госбанка. В 1930 году участвовал в ликвидации контрреволюционной кулацкой банды, был ранен.

В 1939 году С. Ф. Басманов участвовал в боях на Халхин-Голе против японских захватчиков в должности командира пулеметной роты 82-й стрелковой дивизии. В этих боях погиб смертью храбрых.

С. Ф. Басманов посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Батавин Борис Сергеевич родился в 1903 году в Ульяновске. Там же в 1919 году начал журналистскую деятельность в газете «Заря». Член КПСС с 1921 года. По направлению ЦК партии работал в газетах в Костроме, в Крыму, на Урале. В Перми был заместителем редактора газеты «Звезда» и редактором «Камского большевика».

В 1939 году в боях на Халхин-Голе редактировал газету 82-й стрелковой дивизии «За Родину!». Награжден орденом Красной Звезды.

В годы Великой Отечественной войны был на Тихоокеанском флоте.

Награжден вторым орденом Красной Звезды, медалями.

С 1947 по 1955 год он работал в Военно-морском авиатехниче-

ском училище. С 1960 года подполковник в отставке Б. С. Батавин на пенсии. Живет в Куйбышеве.

Букирев Александр Ильич родился в 1903 году в селе Верх-Мечка Кунгурского района Пермской области. Член КПСС с 1921 года.

В 1925 году окончил Пермский рабфак и был призван в Красную Армию, где после успешной сдачи экзамена был аттестован на командира взвода запаса.

С 1931 по 1940 год работал в Биологическом научно-исследовательском институте при Пермском госуниверситете, а в июне 1940 года был назначен ректором этого университета.

В 1939 году в составе 82-й стрелковой дивизии участвовал в боях на Халхин-Голе, был командиром полковой батареи 602-го стрелкового полка, получил тяжелое ранение. За доблесть и мужество в боях награжден орденом Ленина.

В 1941 году А. И. Букирев ушел добровольцем на фронт — командовал артиллерийским дивизионом, полком, был начальником штаба артиллерии отдельной стрелковой бригады, работал в оперативном отделе штаба артиллерии 1-го Украинского фронта.

Награжден орденами Красного Знамени, Кутузова III степени, Отечественной войны I степени, Красной Звезды и медалями.

После окончания войны А. И. Букирев вновь был ректором Пермского госуниверситета, затем заведующим кафедрой зоологии позвоночных. Награжден орденом «Знак Почета».

Начиная с 1947 года профессор А. И. Букирев неоднократно избирался членом райкома, горкома и Пермского обкома КПСС, а также депутатом городского и областного Советов депутатов трудящихся, был председателем президиума областного Совета защиты мира.

Умер в августе 1964 года.

Власов Николай Петрович родился в 1905 году в Нижней деревне Нытвенского района Пермской области. Член КПСС с 1931 года.

С 1925 по 1939 год служил в армии, затем был инструктором горкома КПСС, партследователем комиссии партийного контроля. Окончил заочно Свердловский институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В 1939 году участвовал в боях на реке Халхин-Гол в должности командира стрелковой роты 601-го стрелкового полка, дважды имел ранения. В звании капитана ушел в отставку. С 1940 по 1963 год был на партийной и советской работе.

Награжден многими медалями. С 1963 года Н. П. Власов — персональный пенсионер республиканского значения. Умер в 1974 году.

Дружинин Иван Григорьевич родился в 1914 году в деревне Ларихе Оханского района Пермской области. Член КПСС с 1939 года. Окончил Пермский механический техникум.

В 1931 году он начал работать на заводе имени В. И. Ленина учеником токаря, затем токарем. С февраля 1936 по 1937 год служил в Красной Армии. В 1937 году Дружинин вернулся на завод имени В. И. Ленина, работал сменным, а затем старшим мастером.

В 1939 году Иван Григорьевич участвовал в боях на Халхин-Голе, был командиром танка Т-26. В сражении он получил ранение. За выполнение боевых заданий награжден медалью «За отвагу».

С 1939 по 1943 год он вновь старший мастер завода имени В. И. Ленина, затем секретарь партийной организации цеха, инструктор обкома ВКП(б), секретарь партийной организации механического техникума, заведующий промышленно-транспортным отделом райкома партии, заместитель председателя Мотовилихинского райисполкома.

После окончания областной партийной школы в 1955 году он стал секретарем Суксунского райкома партии по зоне, затем заведующим промышленным отделом Мотовилихинского райкома КПСС.

С 1958 по 1970 год Дружинин работал старшим мастером. В 1967 году он ушел на пенсию.

В годы Великой Отечественной войны за выполнение производственных заданий награжден орденом «Знак Почета», медалями, а также юбилейной медалью МНР. И. Г. Дружинин живет в Перми.

Заилюев Николай Николаевич родился в 1908 году в поселке Лиховка Пятихатского района Днепропетровской области. Член КПСС с 1927 года.

В 1928 году по комсомольской мобилизации Заилюева направили в пограничные войска на Дальний Восток. Он был участником событий на КВЖД. В 1939 году участвовал в боях на Халхин-Голе, был командиром батальона 36-й мотострелковой дивизии, с июля 1939 года — командиром 603-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года Н. Н. Заилюеву присвоено звание Героя Советского Союза.

В годы Великой Отечественной войны командовал 55-й стрелковой дивизией, позднее переименованной в 35-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В 1944 году ему присвоено звание генерал-майора.

В боях на КВЖД, на Халхин-Голе и в годы Великой Отечественной войны Н. Н. Заиюльев получил тяжелые ранения и контузию. В 1954 году он вышел в отставку. Имеет награды: орден Ленина, два — Красного Знамени, Красной Звезды, Суворова II степени, Кутузова II степени, медали и среди них юбилейную медаль Монгольской Народной Республики.

Ныне Н. Н. Заиюльев живет в Москве.

Кайгородов Андрей Игнатьевич родился в 1904 году в деревне Бегиши Кезского района Удмуртской АССР. Член КПСС с 1929 года. В 1919 году ушел добровольцем в Красную Армию. В 1929 году окончил совпартшколу. Был заведующим отделом газеты «Звезда», затем редактором газеты «Камский бумажник».

В 1939 году он участвовал в боях на Халхин-Голе, был литературным сотрудником газеты «За Родину!» 82-й стрелковой дивизии.

С 1940 по 1941 год Кайгородов работал секретарем Краснокамского горкома партии, Кировского райкома Перми. В июле 1941 года по партийной мобилизации он призван в армию. Окончил курсы политического состава. С октября 1941 по май 1944 года участвовал в боях против фашистских захватчиков. После демобилизации двенадцать лет работал в ЦК компартии Белоруссии, в Минском обкоме партии и облисполкоме.

Награжден орденами Красного Знамени, Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени, «Знак Почета», медалями.

С 1959 года А. И. Кайгородов — персональный пенсионер. Умер в 1968 году.

Килин Александр Иванович родился в 1904 году в селе Черновском Пермской области. Член КПСС.

После службы в армии с 1929 по 1939 год работал председателем сельсовета, сельпо, заведующим торговым отделом Черновского райисполкома.

В 1939 году Килин участвовал в боях на Халхин-Голе пулеметчиком 602-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии. За отличие в боях награжден орденом Ленина.

В октябре 1941 года его снова призвали в Советскую Армию. Вначале он был в запасной и учебной бригадах, а с мая 1944 года назначен командиром пулеметного взвода 445-го стрелкового полка 389-й стрелковой дивизии, участвовал в боях против фашистских захватчиков. Получил тяжелое ранение. В ноябре 1945 года демобилизован из армии.

С марта 1965 года А. И. Килин — персональный пенсионер. Живет в селе Полозово Б.-Сосновского района Пермской области.

Корсаков Андрей Никитович родился в 1908 году в деревне Красный Яр Чистопольского района Татарской АССР. Член КПСС с 1938 года.

В 1939 году в боях на Халхин-Голе он командовал 1-й батареей 82-го артполка.

В годы Великой Отечественной войны А. Н. Корсаков командовал дивизионом 82-го артполка, был начальником артиллерии 250-го СП, 5-го гвардейского СП 82-й мотострелковой дивизии, затем 10-го полка 12-й механизированной дивизии.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Красной Звезды и медалями. Имеет два ранения.

После демобилизации с 1955 по 1973 год Андрей Никитович работал на хозяйственных должностях.

В 1973 году он вышел на пенсию. Ныне гвардии подполковник запаса А. Н. Корсаков живет в Перми.

Медников Михаил Иванович родился в 1906 году в селе Медянка Ординского района Пермской области. Член КПСС с 1941 года.

В 1929 году был призван в армию, где в 1930 году прошел обучение в команде одногодичников и был аттестован на командира взвода запаса. После демобилизации работал учителем и заведующим начальной школой.

В 1939 году М. И. Медников участвовал в боях на Халхин-Голе — был командиром мотострелковой роты отдельного разведывательного батальона 82-й стрелковой дивизии. В 1940—1941 годах был командиром роты курсантов пехотного училища УралВО.

В годы Великой Отечественной войны он был начальником штаба батальона, полка, исполнял обязанности командира 1257-го стрелкового полка 379-й стрелковой дивизии. Получил тяжелое ранение. Награжден многими медалями.

В июле 1942 года его демобилизовали по ранению, и до 1966 года он работал заведующим районо, председателем Кировского райисполкома Перми, директором средней школы. Заочно окончил Пермский педагогический институт. Награжден знаком «Отличник народного просвещения». В 1966 году вышел на пенсию.

М. И. Медников живет в городе Наро-Фоминске Московской области.

Неволин Павел Александрович родился в 1903 году в селе Кизьва Сивинского района Пермской области. Член КПСС с 1931 года. В 1933 году окончил Пермский педагогический институт. С 1933 по 1941 год преподавал историю в Оханском рабфаке при Перм-

ском госуниверситете, работал инструктором, заведующим сектором школ и вузов Пермского обкома ВКП(б).

В 1939 году участвовал в боях на Халхин-Голе — комиссар отдельного батальона 82-й стрелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны он был начальником политотдела 129-й отдельной стрелковой бригады, а после окончания курсов командиров стрелковых полков с 1944 по 1945 год на командной должности. После окончания войны до 1968 года Неволин был директором областной партийной школы, преподавателем института. Неоднократно избирался членом райкома, горкома и обкома КПСС, депутатом горсовета.

В годы Отечественной войны он награжден вторым орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, Красной Звезды, медалями, среди которых и юбилейная медаль МНР.

С 1960 года П. А. Неволин — персональный пенсионер. Он — подполковник в отставке, живет в Перми.

Некрасов Федор Михайлович родился в 1905 году в г. Калинине. Член КПСС с 1930 года.

Трудовую деятельность начал в раннем возрасте: с 1920 по 1922 год он работал курьером райкома партии, отдела социального обеспечения. Затем поступил на рабфак. После его окончания в 1925 году работал на фабрике «Пролетарка». Через год он стал студентом пединститута, а с 1931 по 1934 год Некрасов учился в аспирантуре.

С 1934 по 1939 год он преподаватель, затем заведующий кафедрой марксизма-ленинизма Пермского госуниверситета.

В июне 1939 года его призвали в Красную Армию. Участвовал в боях на Халхин-Голе — был старшим инструктором политотдела 82-й стрелковой дивизии. В этих боях Ф. М. Некрасов погиб. Посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Пепеляев Григорий Иванович родился в 1905 году в Карагайском районе Пермской области. Член КПСС с 1931 года.

До 1939 года работал ответственным секретарем редакции верещагинской газеты «Ленинский ударник».

В 1939 году участвовал в боях на Халхин-Голе — был ответственным секретарем редакции газеты «За Родину!» 82-й стрелковой дивизии. Получил тяжелое ранение. Награжден орденом Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны Григорий Иванович рабо-

тал редактором верещагинской районной газеты «Ленинский ударник». С 1949 по 1959 год был редактором газеты «Чусовской рабочий», затем стал директором типографии в Чусовом. Награжден медалью.

В настоящее время Г. И. Пепеляев на пенсии. Живет в Чусовом.

Пепеляев Николай Яковлевич родился в 1914 году в деревне Карасье Пермской области. Член КПСС с 1942 года.

В 1936 году призван в ряды Красной Армии. Участвовал в боях на Халхин-Голе — был командиром огневого взвода полковой батареи 82-й стрелковой дивизии.

С октября 1941 года Н. Я. Пепеляев участвовал в боях против немецко-фашистских оккупантов под Москвой в должности командира взвода истребительно-противотанковой батареи в составе 82-й стрелковой, позднее преобразованной в 3-ю гвардейскую мотострелковую, дивизии.

С ноября 1944 года он — командир батареи 57-мм пушек 17-й гвардейской механизированной бригады 6-го механизированного гвардейского корпуса. Участвовал в боях на Западном и 1-м Украинском фронтах.

Награжден орденами Красного Знамени, Отечественной войны I и II степени, тремя орденами Красной Звезды, орденом «Боевых заслуг» МНР, медалями, в том числе юбилейной медалью МНР.

Имел тяжелое ранение и контузии.

27 июня 1945 года Н. Я. Пепеляеву присвоено звание Героя Советского Союза.

В 1956 году по состоянию здоровья он уволился из рядов Советской Армии в звании гвардии подполковника. Живет в Перми.

Пономарев Павел Елизарович родился в 1904 году в деревне Луговой Судинского сельсовета Ординского района Пермской области. Член КПСС. До призыва в армию работал в органах милиции в Кунгуре.

В боях на Халхин-Голе Пономарев был командиром отделения связи 603-го стрелкового полка, 82-й стрелковой дивизии. Получил тяжелое ранение.

За отвагу в боях на Халхин-Голе Указом Президиума Верховного Совета СССР от 29 августа 1939 года П. Е. Пономареву присвоено звание Героя Советского Союза. Награжден орденами Ленина, Красной Звезды, тремя медалями и орденом Красного Знамени Монгольской Народной Республики.

С апреля 1959 года он на пенсии. Живет в деревне Старые Решета Первоуральского района Свердловской области.

Пысенко Александр Васильевич родился в 1908 году в городе Каменское Екатеринославской губернии. Член КПСС с 1930 года.

В 1931 году Пысенко стал студентом Ивановского энергетического института. После его окончания работал старшим инженером парового цеха завода имени В. И. Ленина.

В июне 1939 года его призвали в Красную Армию. Участвовал в боях на Халхин-Голе — был политруком бронетанковой роты, разведбатальона 82-й стрелковой дивизии.

Его неоднократно избирали партгрупоргом, секретарем ячейки ВКП(б). Он был пропагандистом.

А. В. Пысенко погиб в бою.

Работкин Николай Иванович родился в 1908 году в селе Троельга Кунгурского района Пермской области. Член КПСС с 1929 года.

В 1931 году окончил Пермский рабфак, а в феврале 1932 года призван в Красную Армию — службу проходил в команде одногодичников. Демобилизован в запас с присвоением звания среднего политсостава.

В 1934 году по партийной мобилизации его вновь призвали в армию на политработу. Был политруком роты, инструктором политотдела, ответственным секретарем партийной комиссии, комиссаром полка.

В боях на Халхин-Голе он был начальником политотдела 82-й стрелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени, орденом «Боевых заслуг» Монгольской Народной Республики.

В 1941 году в боях под Москвой он был комиссаром полка. Здесь получил тяжелое ранение.

С июля 1942 по 1946 год Работкин возглавлял курсы переподготовки среднего политсостава, был начальником политотдела 47-й учебной стрелковой дивизии.

В годы Великой Отечественной войны награжден вторым орденом Красного Знамени и несколькими медалями.

После демобилизации с 1946 по 1960 год работал в аппарате Пермского обкома и горкома КПСС.

Неоднократно избирался членом партбюро, секретарем партийной организации, членом партийных комиссий дивизии и военного округа, членом райкома, горкома и обкома КПСС, депутатом районного Совета депутатов трудящихся.

С 1968 года Н. И. Работкин — персональный пенсионер. Живет в Перми.

Рюмин Виталий Петрович родился в 1906 году в селе Петухи Шумихинского района Курганской области. Член КПСС с 1928 года.

В 1932 году он окончил Пермский медицинский институт, работал ассистентом на кафедре физиологии. В 1939 году призван в армию, участвовал в боях на Халхин-Голе, был начальником штаба медико-санитарного батальона 82-й стрелковой дивизии. Награжден медалью «За боевые заслуги».

В годы Великой Отечественной войны Виталий Петрович служил в армии — был начальником эвакогоспиталя, начальником фронтового госпиталя в составе войск Степного, а затем 2-го Украинского фронтов. Награжден орденом Красной Звезды и медалью.

С февраля 1946 года В. П. Рюмин работал в Пермском медицинском институте ассистентом, а с 1953 года стал доцентом кафедры нормальной физиологии. Кандидат медицинских наук. За успехи в научной и педагогической работе в 1952 году награжден орденом «Знак Почета».

Торшилов Алексей Васильевич родился в 1913 году в поселке Левшино Пермской области.

В боях на Халхин-Голе в 1939 году Торшилов был механиком-водителем танка.

В годы Великой Отечественной войны Алексей Васильевич участвовал в боях — командовал взводом танков, затем был начальником арттехнического снабжения танкового полка, командиром взвода подвижной танко-ремонтной базы.

Награжден орденами Ленина, Отечественной войны I степени, медалями. Имеет тяжелое ранение и контузию.

В 1970 году А. В. Торшилов вышел на пенсию. Он капитан в отставке. Живет в Перми.

Устинов Александр Федорович родился в 1907 году в поселке Ивакино Пермской области. Член КПСС с 1931 года.

В 1939 году участвовал в боях на Халхин-Голе — был секретарем партбюро 82-го гаубичного артиллерийского полка. Имеет ранение и контузию. Награжден орденом Красного Знамени.

После демобилизации в 1939 году до 1950 года А. Ф. Устинов был на партийной работе.

С 1950 по 1962 год он — заместитель начальника главка Министерства угольной промышленности, затем председатель горкома профсоюза угольной промышленности в Москве.

Награжден орденами Трудового Красного Знамени, Красной Звезды, медалями.

С 1962 года А. Ф. Устинов — персональный пенсионер. Живет в Москве.

Чепурных Яков Ильич родился в 1903 году в деревне Онохи Унинского района Кировской области. Член КПСС с 1931 года.

В 1939 году он участвовал в боях на Халхин-Голе политруком полковой батареи 76-мм орудий 603-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии.

С августа 1941 года Я. И. Чепурных был на фронте. Демобилизован в середине 1946 года. Награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалями.

После окончания войны он снова на партийной работе в Лысьве. В 1955 году его в числе тридцатитысячников направили в колхоз «Красный Октябрь» Уинского района Пермской области председателем.

В 1961 году Я. И. Чепурных вышел на пенсию. Живет в Лысьве.

Ширинкин Степан Матвеевич родился в 1901 году в деревне Замании Оханского района Пермской области. Член КПСС с 1931 года.

В январе 1919 года вступил добровольцем в Красную Армию и прослужил в ней до 1926 года, участвовал в боях с колчаковцами.

В 1939 году воевал на Халхин-Голе — был комиссаром отдельного батальона 82-й стрелковой дивизии.

С 1940 по 1941 год Ширинкин — первый секретарь Краснокамского горкома партии. В ноябре 1941 года по мобилизации ЦК партии его направили на политработу в Советскую Армию. Он был инспектором Главного Политического Управления Вооруженных Сил СССР.

С 1948 по 1950 год он учился на курсах усовершенствования политсостава, после чего был назначен инспектором Политуправления Советской Армии, а позднее — заместителем начальника штаба соединения по политической части.

Награжден двумя орденами Красного Знамени, орденами Отечественной войны I и II степени, Красной Звезды, медалями, а также медалями Монгольской Народной Республики, Корейской Народно-Демократической Республики.

С. М. Ширинкин умер в 1971 году.

Ягодников Николай Федорович родился в 1902 году в Перми. Член КПСС с января 1945 года.

В 1925 году его призвали в армию, где он был аттестован на командира взвода запаса. В 1939 году участвовал в боях на Халхин-Голе в должности командира минометного взвода 602-го стрелкового полка 82-й стрелковой дивизии. Награжден орденом Красного Знамени.

В годы Великой Отечественной войны Н. Ф. Ягодников участвовал в боях против фашистских захватчиков — был командиром стрелковой роты 153-й стрелковой дивизии на Западном фронте. Был тяжело ранен и демобилизован.

С сентября 1942 по 1964 год Николай Федорович был на преподавательской и советской работе. За трудовую деятельность награжден орденом «Знак Почета».

Умер в 1973 году.

СОДЕРЖАНИЕ

П. Неволин. Наши земляки в боях на Халхин-Голе	3
Н. Заиюльев. Штурм Зеленой и Песчаной	24
П. Пономарев. Враг не прошел	33
А. Королев. Огненный август	37
Н. Работкин, П. Александров. Партийно-политическая работа в боевой обстановке	43
М. Медников. В бою проверенные	48
Секретарь партбюро	48
Памяти друга	52
Беспримерное мужество	55
Потомкам в пример	58
Никогда не забуду	61
Б. Батавин. Дивизионная газета	64
Б. Батавин. Разведчик лейтенант Болдырев	72
Н. Соловьева. Ученый и воин	77
М. Лебедева. Первый бой	85
Л. Аристова. Танки идут в бой	90
А. Килин. Память на всю жизнь	97
В. Хитрюк. «Огонь на себя!»	103
Б. Батавин, П. Неволин. Наш агитатор	106
Г. Пепеляев. Боевой комиссар	112
В. Рюмин. В степях Монголии	115
Н. Максаров. Уральский характер	122
Б. Расатов, П. Александров. Комиссар Степан Ширинкин и его связисты	128
Н. Ягодников. Удар по манханам	133
Биографические справки	138

ГЕРОИ ХАЛХИН-ГОЛА

Составитель
Павел Александрович **Неволин**

Редактор Л. Н. Аристова
Художник Е. И. Нестеров
Художественный редактор Н. П. Горбунов
Технический редактор А. И. Карасев
Корректоры И. Л. Пархомовская,
Е. Е. Соколова

Сдано в набор 14.VI.1976. Подписано в печать 1.IX.1976 г. Формат $84 \times 108^{1/32}$. Бум. тип. № 2. Печ. л. $4,75 + 0,5$ вкл.; усл. печ. л. 8,82; учетно-изд. л. 8,333. Темплан 1976 г. Изд. № 4. ЛБ02130. Тираж 10000 экз. Цена 52 коп. Пермское книжное издательство. 614000, г. Пермь, ул. К. Маркса, 30. Книжная типография № 2 управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 614001, г. Пермь, ул. Коммунистическая, 57. Зак. 642.

**Г37 Герои Халхин-Гола. Сборник. Изд. 2-е,
доп. Пермь, Кн. изд-во, 1976.**

148 с.

Книга о пермяках — воинах 82-й стрелковой дивизии, принимавшей участие в разгроме японских милитаристов на реке Халхин-Гол в 1939 году.

Г 11202—70
М152(03)—76 4—76

9С.335С